

Юрий КРАСАВИН

ПАСТУХ

РОМАН

2017 г.

ББК Р6
К 78

Текст печатается по изданию:
Красавин Ю.В. Ясные дни.-М.:Советская Россия, 1985.

© Красавин Ю.В., наследники. 2017 г.

После долгих метельных дней, когда казалось, что весь белый свет уменьшился до размеров одной деревни или даже одного дома, когда каждый человек чувствовал себя сиротливым и слабым перед лицом всемогущей стихии, впервые выглянуло солнце. Оно поднялось невысоко, блещущее, но не греющее, словно бы только затем, чтобы осмотреть эту огромную равнину с большой, усохшей от морозов рекой, в которой до самого дна просел толстый грузный лед, с деревнями, утонувшими в сугробах, с перелесками, насквозь продутыми сиверком, с болотами, косогородами, холмами и глухими лесами.

Это лишь небольшая частица великой русской земли, из-за которой спорили когда-то московские и тверские князья, до которой доплескивали разорительные иноземные нашествия и откуда неизменно откатывались, обескровленные, назад. В ней по сую пору истлевают наконечники татарских стрел и литовские сабли, польские палаши и казачьи пики, славянские кованые кольчуги и варяжские латы, шеломаи русских воинов и осколки немецких снарядов. Древняя земля, обжитая сотнями поколений людей, перекрещенная дорогами и исхоженная вдоль и поперек, знавшая и деревянную соху, и железный плуг - середина русской земли, её сердце.

В глухую пору морозов и метелей казалось, что нет такой силы, которая могла бы победить этот вселенский холод. Но солнце выглянуло и на другой день, и на третий, с каждым разом пригревая все сильнее. Деревни ожили, зашевелились муравейниками. К полудню освещенные стены изб становились так теплы,

что можно было погреть руки, как возле печки. Заиндевелые от ночного мороза сосульки плакали частыми слезами, а, подтаяв, падали и со звоном разбивались о наледи.

Весна властвовала днем, зима - ночью.

Снежные поля, чуть привявшие сверху, за ночь схватывал крепкий мороз. Наст был так прочен, что выдерживал даже лошадей. Снежную белизну равнины расчертили кривые дороги и поля покрылись оспинами навозных куч. Вереницами потянулись к лесам люди с санками – за хворостом, ибо, несмотря на обилие леса, здесь знали цену каждому дереву и никто не топил печи елью или сосной, на дрова шли ольха да кривая осина, еловый лапник да всякий хворост.

С каждым днем все больше горбились и чернели дороги, снега оседали, невидимо копилась под ними вода. Призывнее и чаще мычали во дворах истосковавшиеся по воле коровы, самозабвенно кудахтали начавшие нестись куры. Привлеченные этим оживлением, к самым гумнам подходили оголодавшие за зиму волки, повергая в ужас деревенских собак; тоскливый волчий вой тревожил по ночам людей. Ходили страшные слухи о том, что где-то совсем недавно волки растерзали двух мальчиков-школьников и старуху-нищую, и еще одну старуху, возвращавшуюся со всенощной из церкви.

Однако все короче становились ночи и длиннее дни. Небо задевавшее бывало за крест Старицкой колокольни, теперь вдруг стало таким высоким, что захватывало дух. Подули теплые ветра. Завьюженные, седые от инея леса потемнели, в них, обтаивая, обнажились и леденели давние звериные следы. Горизонт прояснел, приобретая четкие очертания. Зашумели вешние воды, вскрылась река...

К Пасхе большая вода сошла, но ручьи еще были многоводны и шумливы.

Вечером в страстную субботу в Старицу потекли вереницы богомольцев. Шли издалека - церковей в округе было много: и в Раменском, и в Покрове, и в Крутце - коли посмотреть в ясный день вокруг, непременно насчитаешь не меньше десяти-двенад-

цати, да все они позакрыты, и служат только в Старицкой. Богомольцы несли в платках не шибко белые куличи - «пасхи», а некоторые - просто горбушки черного хлеба своей выпечки, да и тому были рады: помнился недавний голодный год. У ручья они подолгу нерешительно топтались, потом переходили по хлипким жердочкам, по лавам, по кочкам, или просто разувались и перебрели вброд.

С другого берега реки никто в Старицу попасть не мог, а через ручей возле Прямухина богомолоч перевозил на телеге дед Устин. Вода была лошади по брюхо, но быстра. Лошадь то и дело спотыкалась и всхрапывала, богомольцы вслух читали «Отче наш», а возница вполголоса ругался матом.

Пасха началась ясным днем. Солнце дрожало, как ртутная капля на блюде, и, глядя на небо, богомольные старухи утирали слезы, говоря:

- Солнушко играет... Христос воскрес.

Подсыхала земля, готовясь к новому циклу материнства - рожать на свет травы, деревья, все сущее и живое. Помолодели, повеселели люди в преддверии больших трудов - пахать землю, сеять зерно - перед началом милой сердцу и проклятой работы во имя сытного куска хлеба.

Иваны да Егоры, Катерины да Анны, Васильи да Петры, Дарьи, Натальи, Прасковьи жили в деревнях, и назывались те деревни просто и мило: в одну сторону пойдешь - Старица, Раменское, Марьино, Ивановка, в другую - Дуброво, Заовражье, Поречье, Залучье. А в самой середине стоят Прямухино да Погорелое, Покров да Микулилки.

И жизнь тут шла, как много веков назад: так же любили и ссорились, плакали и смеялись, работали в поте лица своего и пели песни, в которых была их жизнь с теми же бедами и печальями. Одни умирали, другие рождались на свет, и счастье одних беспечально соседствовало с черными днями других. Отчаяние разрешалось торжеством победы, горе сменялось радостью, а после радости и удачи снова приходило горе, как день сменяет ночь, как ночь сменяет день...

Глава первая

Пасху праздновали чинно, степенно - ни разудалых плясок, ни драк. Мальчишки играли на выгоне в лапту, парни с девками устроили качели в большом сарае, а все остальное население Прямухина неторопливо беседовало, судило и рядило, сидя на завалянках, на скамейках, на крылечках.

Во второй день праздника выглянул из правления председатель колхоза Алексей Иваныч, подозвал двух парнишек:

- А ну-ка, бегите по деревне, созывайте всех на собрание, пастуха рядить будем.

Парнишки побежали, один вдоль красного посада, другой вдоль черного. Наслаждаясь врученной им властью, стучали в наличники, строго выкрикивали:

- На собранье! Пастуха рядить!

- Какого пастуха? - спрашивали у них. - Вы, озорники, говорите толком.

- Не знаем. Колманов велел.

Старый пастух Игнат умер недавно. Был он одинок, занимал на краю деревни маленькую полуразвалившуюся избенку, возле которой, в отличие от других, не было ни двора, ни палисадника, ни огорода, лишь росла перед окнами могучая черемуха. На ней каждый год вызревало столько ягод, что кормились ею все, кому не лень, и все-таки не успевали обобрать дочиста - самые крупные и, конечно, самые сладкие оставались на верхушке. Зимой в Игнатовой избе собирались мужики поиграть в карты, а бабы просто так посидеть, полужгать семечки. Хозяин был рад этому: от многолюдства в нетопленной избе теплее, а дров у него, как всегда, не было.

Пас Игнат прямухинское стадо лет тридцать. Не сказать, чтоб хорошо пас, случались потравы, а то и волк овцу унесет, корова объестся, теленок потеряется, - но все привыкли к тому, что в пастухах непременно Игнат, другого и не искали. В еде он был не капризен, чем ни покорми, все ест, и как бы плохо ни покормили, никогда не осудит, не станет жаловаться на улице - за это люби-

ли его хозяйки. В военные годы да и после войны, когда каждый кусок хлеба был на счету, пастухова неразборчивость в еде была просто неоценимым качеством.

После смерти Игната осталось Прямухино без пастуха.

Пора скотину со дворов выгонять, да некому. Как бы не пришлось пасти стадо по очереди всей деревней, а хуже этого нет, - и коровы будут голодны, и люди измучаются: подика, попаси без привычки-то! Приходил наниматься кривой мужичок из дальнего села Вертягина, да больно дорого запросил, не сторговались. Из своих же деревенских никто пасти не хочет: колхоз крепкий, колхозником больше зарабатываешь. К тому же нет в Прямухине да и во всей округе звания зазорнее. Матери пугают непослушных детей: «Отдам в пастухи!»! За парня-пастуха не всякая девка пойдет замуж. Про человека в худой одежонке говорят: «Одет, как пастух», про человека недалекого ума: «Ему только скотину пасти». И идут в пастухи уроды да калеки, да бездомовые старики, да те, у кого в семье много лишних ртов и мало рабочих рук: уж тут-то заработок твердый.

Скоро у правления стал собираться народ. На такие собрания обычно явятся по человеку от каждого хозяйства, а нынче все пришли, как на гулянье.

В толпе говорок:

- Кого же нынче рядить будем? Опять кривого?

- Лишь бы не хромой.

- Пришлого какого-то, из-за Волги.

- Девки, держись! Говорят, парень молодой.

- Берем неведомо кого... с чужой стороны.

- Так где же он? Посмотреть бы...

- Больно он нам нужен!

- Теперь не шибко в пастухах покопаешься. Скотину пора со двора сгонять.

- С Колмановым в канцелярии сидит. Насмотришься еще.

- Не нужен, а сами так и шмыгают глазами-то.

- Лексей Иваныч! - кричал в окно всегда пьяненький дед Устин. - Можно начинать! Я пришел. Кой хрен!

Окна в правлении высоко, и потому, может, не слышит председатель дедова голоса или просто считает Устина не стоящим внимания мужиком.

Правление в Прямухине зовут канцелярией. Такие богатые и крепкие строения есть в каждой деревне - дома раскулаченных когда-то богатеев. Кулаков выселили, а просторные их пятистенники заняли под правления колхозов, сельские советы. В Прямухине канцелярия располагается в бывшем доме братьев Якимовых, владевших валяльной мастерской.

Тут же, рядом, их амбары, сараи, риги. Дом большой, высокий, с четырехскатной крышей и почти игрушечной светелкой на чердаке, с изразцовыми печами и лежанками, с просторной горницей окнами на задворки. Дом обшит тесом и когда-то был покрашен красной краской, которая нынче поблекла, выцвела. В одной его половине живут теперь две семьи эвакуированных в войну из города да так и осевших в Прямухине, во второй - правление колхоза, канцелярия.

Перед домом врытые в землю длинные скамьи, одна у самой стены, другая напротив, между двумя старыми березами. Мужики уселись под окнами: безногий Иван Марасанов, безрукий Иван Бузин, Степан Батин со скрюченными пальцами правой руки, хромой Митряха Тарлыков, горбатый счетовод Володя Суковатов, двое стариков - Устин Савельев да Николай Старовер. Посчитать - и немало мужиков в Прямухине, да почти все они войной траченые. Единственный здоровый мужик на всю деревню - кузнец Роман Бугаенков. Всё остальное мужское население - зеленая молодежь: неженатые парни, не служившие еще в армии, да мальчишки.

Утро второго праздничного дня было солнечно и чисто. И хоть особо нечему было радоваться, а каждому весело. Солнце греет ласково, ветер теплый, праздник идет своим неспешным чередом - вот и улыбаются все, подобревшие и как будто даже растроганные.

Народу собралось много, заняли всю луговину перед канцелярией. Алексей Иваныч окинул из окна всех строгим взглядом

и вскоре появился на крыльце. Осторожно шагая, обогнул широкую лужу и вошел в толпу.

Он в черной суконной гимнастерке навывпуск, в таких же галифе и сапогах - и в будни, и в праздник одевается одинаково, только для особо важных случаев, когда вызывают в район, Алексей Иваныч одевает другую такую же, но более новую пару. Точно так же одевается председатель соседнего старицкого колхоза Яков Дадыкин, бывший фронтовик, но у того гимнастерка плотно облипла на крутых плечах, а у Алексея Иваныча морщится крупными складками на сухоньком теле. У Дадыкина широкий ремень туго обхватывает могучий торс, так что, выходя на трибуну и по привычке берясь за ремень, он с трудом просовывает под него свои толстые пальцы. А у Колманова живот втянуло, словно усох он, и галифе достает мотней чуть ли не до колен: весь он кажется немощным, в чем душа держится, одни глаза смотрят по-ястребиному зорко из-под большого козырька зеленой фуражки.

Под этим взглядом враз смолк говорок под окнами канцелярии. Прямухинцы знают, что нет у них в колхозе человека более выносливого, чем их председатель. Немощен он только с виду, а на самом деле на нем дрова возить можно - жилист, вытянет. Он не по годам легок на ногу и не знает усталости. Бывало, в посевную или уборочную страду встает раньше всех и допоздна сует по деревне, по полям, появляется то тут, то там, так что кажется, будто он может находиться одновременно в нескольких местах. Никто никогда не видел улыбки на лице председателя, вечно он злой, озабоченный, чем-нибудь недовольный, вечно с выговором, с резким словом. Потому его и побаиваются все без исключения, мужики и бабы, взрослые и дети.

Вслед за Колмановым вышел из канцелярии парень среднего роста, с большими гребистыми руками, из-за которых и плечи казались покатыми. Он обвел всех медленным любопытным взглядом и прислонился к стене, словно он тут вовсе посторонний.

- Пора кончать гулевать, - сказал Колманов тихо. - Если завтра увижу кого пьяным, пусть пеняет на себя.

- Неделю Паску-то гуляют, Лексей Иваныч, неделю! - воз-

разил укоризненно-ласково дед Устин, надеясь рассмешить этим публику.

- Я вам отдых дал перед севом, - прервал его председатель. - Завтра, думаю, можно начинать пахать. Просохло на Мокшинских полях и возле Нового пруда.

По лицам собравшихся словно тень прошла. Поняли: кончается последняя передышка перед посевной, а уж теперь как впряжешься на несколько недель - с лица спадешь от тяжелой работы и долгого недосыпания. В поле с восхода до заката, а дома свои дела: изгородь поправить, огород вскопать да засадить, за скотиной ухаживать. Но это будет потом, а пока все стоят праздничные, нарядные, веселые, и никому не хочется думать о работе. Мужики, успевшие хлебнуть с утра пораньше, степенно покуривают, бабы семечками плюются, парни щиплют повизгивающих девок.

- Сыра земля, Лексей Иваныч, - солидно сказал Иван-безногий. - Только лошадей побьем. Вчера я был на Мокшинских - вода в бороздах стоит.

- Ты вчера был, а я нынче. За сегодняшний день уйдет вода. Ну, а теперь я вас затем собрал, что вот... - Колманов повернулся к парню, пришедшему с ним. - Этот гражданин просится в пастухи к нам.

Парень шевельнулся, но остался так же стоять.

- Сами знаете, медлить нельзя. В Старице уж третий день скот пасут. В Покрове и Микулинках нынче согнали. Надо выпустить скотину. Я с ним побеседовал. Вроде ничего, подходящий.

Председатель помолчал, потом добавил: - А там пёс его знает, в душу не заглянешь. Смотрите сами.

Колманов отошел к скамье, на которой сидели мужики, те подвинулись, и он сел. Между тем все разглядывали незнакомого парня, а тот, видимо, чувствовал себя неловко. Он переступил с ноги на ногу, зачем-то поглядел на небо, покосился назад.

- Ты давай расскажи, кто такой, - потребовал Володя-счетовод.

- Вот-вот! Пусть расскажет, - загомонили остальные. - А то, что ж, как ката в мешке покупаем. Откуда явился, как и что.

Парень нехотя сказал, сильно окая:

- Из-за Волги я, недалеко отсюда. Километров пятьдесят будет.

И замолчал.

Все переглянулись, заулыбались. И в Прямухине окали, как и по всем деревням округи, но не так сильно, потому оживленный говорок прошел по толпе.

- Родители, что ли, там? - спросил дед Устин, тоже нажимая на «о».

Самые смешливые прикрылись рукой, сдерживаясь.

- Нет у меня родителей.

- А жена?

- Жениться не успел еще.

- Ничего, мы тут окрутим, - утешили бабы. - Это у нас живо.

- Тише вы! – сурово сказал Николай Старовер. - Хахалить, что ли, пришли?

Ему хотелось одернуть Устину. Не любил его строгий и всегда хмурый Старовер за шутовство.

- Тут дело серьезное, - поддержал его кузнец Роман Бугаенков. - Можем нанять такого пастуха, что вся скотина передохнет.

Опять кто-то хохотнул, но остальные примолкли.

- Родственники-то есть? - спросила одна из баб.

Парень посмотрел на нее долго и пристально, но она не отвела взгляд, стояла, сложа руки под грудью, уверенная и насмешливая, в бордовой яркой кофте, в голубом платке.

- Забыл я вам сказать, - вступил опять Колманов. - Гражданин этот в тюрьме сидел.

- У-у, - слышалось в толпе. - Нам такого не надо. У нас шпаны-то своей довольно! Еще подпалит всю деревню с двух концов.

Парня теперь разглядывали с возросшим любопытством и настороженностью. А он глядел куда-то поверх голов, словно не о нем шла речь.

- За что сидел-то? – спросил Кузнец Роман.

- За драку, - ответил он коротко и вздохнул.

- Это надо проверить, - солидно сказали мужики. - Может за драку, а может за что другое.

- Лексей Иванович, ты документы-то смотрел у него? - спросил Иван-безрукий. - Может он дезертир какой?

- Документы у него в порядке, - ответил председатель, явно недовольный этим вопросом. - А что в тюрьме сидел, так мало ли что с кем бывает. От тюрьмы да от сумы, сами знаете, не откристишься.

Настроение толпы переменялось: Колманов зря говорить не станет, значит, можно человеку доверять.

- Раньше-то приходилось пасти? - строго спросил Николай Старовер.

- Приходилось. Знаю я это дело, не сомневайтесь.

- А какая твоя цена?

- Как положите.

- За харчи! - выкрикнул Устин Савельев, и все засмеялись.

- А чего? - слегка заплетающимся языком объяснил старик.

- У него же умения в этом деле нет. Наш Игнат был знающий пастух, можно сказать, мастер. А этот что из себя представляет, неизвестно.

Парень обвел всех удивленным взглядом. Женщина в бордовой кофте смотрела на него с прежней усмешкой.

- Я думаю так, - сказал он твердо. - Вы мне заплатите столько, сколько прежнему пастуху, да сверх того десятку на каждый черед, потому что я хорошо пасти буду, сами увидите.

- Не подойдет! - тотчас выкрикнул Устин. - Дорого. Этак давайте лучше я возьмусь. За такую-то цену! Да я каждый день буду сыт, пьян и нос в табаке.

- Дорого! Дорого! - загомонили в толпе.

Парень пожал плечами и оглянулся на Колманова. Тот махнул рукой:

- Чего галдите? Время ли нам торговаться! Вовсе без пастуха останемся, а пахота на носу. Насчет десятки, коли посерьёзному, то я так думаю: если хорошо пасти будет, и больше можно накинуть. Вот мы присмотримся к нему, тогда и порешим.

- Правильно! - зашумели все. - Так и пусть.

Колманов поднялся:

- Ну, а раз вы согласны, дело кончено, чего и толковать.

Новому пастуху он сказал:

- Завтра сгоняй скотину со двора. И смотри, парень, чтоб без фокусов... праздничных. У меня насчет этого строго.

- Не сомневайтесь, - отозвался тот. - У меня тоже насчет этого строго.

-То-то... А документы у меня будут лежать. Так сохранней.

Пастух ничего не ответил.

Колманов ушел в канцелярию, и собрание стало расходиться. Парни с девками снова пошли на качели. Бабы перешли к дому Давыдовых и уселись там под окнами - лясы точить. Разбрелись и мужики - одни спать, другим не давали покоя остатки бражки.

Пастух остался один. Он сел на освободившуюся скамью, воровато нагнувшись, поднял несколько брошенных мужиками окурков, осторожно развернул их, ссыпал табак на широкую ладонь и стал заворачивать новую самокрутку. Потом закурил и долго сидел, щурясь на снижающееся к горизонту солнце, пристально, придирчиво разглядывал деревню.

Глава вторая

Война не дошла до этих мест. Фронт остановился за тридцать километров отсюда, и на Прямухино не упало ни одного снаряда, ни одной бомбы. Оно осталось невредимым, и на первый взгляд ничто не напоминало здесь о недавней войне, разве что эти калеченые мужики. Тот, что на липовой ноге, донашивает солдатскую гимнастерку, не расстался с нею даже ради праздника. Наверно, не потому, что дорога, а просто ничего нарядней нету. У того, кто с пустым рукавом, на ногах солдатские сапоги. А вон бегают парнишка в выгоревшей отцовской пилотке...

От канцелярии видны два порядка домов с палисадниками. Дома в большинстве просторные, крепкие: пятистенники или

широкие в четыре окна на фасад - недаром в округе говорили: «Прямухино - богатая деревня». Посреди улицы четыре колодца, каждый на пригорке, а пригорки обтекает, как река острова, дорога с длинными лужами желтой воды. Однако даже в эту пору весенней слякоти деревня не казалась грязной. Лужайки у домов просторны, подернуты чуть заметным нежно-зеленым дымком первой травки.

Между домами кое-где тесно росли тополя, на них гнездились грачи, и это тоже отметил про себя пастух: «Значит, неплохой народ в деревне... Ишь, птица грач ужилась».

Парнишка Кати Паничевой шел мимо с куском хлеба, остановился, чтоб получше рассмотреть незнакомого человека.

- Иди сюда, - поманил его тот. - Фокус покажу.

На ладони пастуха блестел маленький складной ножичек с перламутровой рукояткой. Он зажал его в кулаке, тотчас открыл ладонь - ножичка не было. Парнишка открыл от удивления рот.

- Как тебя зовут? - спросил пастух.

- Петька.

- А меня дядя Миша. Вот что, парень, у тебя в кармане мой ножичек. Давай его сюда.

Петька сунул руку в карман, покраснел и смущенно засмеялся, возвращая нож.

- Здорово, да? - спросил пастух, оглядываясь.

- Угу.

- Давай сюда твой кусок, еще один фокус покажу.

Петька отдал ему свой ломоть, помазанный сверху сметаной. Пастух положил его на ладонь, махнул над ним кепкой - ломоть исчез. Петька снова засмеялся.

- Научить тебя этот фокус делать?

- Угу.

- Неси еще кусок. Только смотри, матери не говори, для чего берешь. Скажи, что тот уже съел и еще хочешь.

Петька весело побежал к дому и не видел, как новый его знакомый огляделся, достал из-за пазухи исчезнувший ломоть и стал жадно есть, перекатывая желваки на скулах.

Парнишка принес еще ломоть, и ему было показано, как можно ловко и быстро прятать хлеб за пазуху.

- А где же тот? - спросил любопытный Петька.

- Я его курицам бросил.

- Этот тоже бросить?

- Разве ты не хочешь есть?

Петька отрицательно помотал головой.

- Тогда давай его мне, я жаворонков пойду кормить. Жаворонки прилетели, а червяков им еще нет. Они есть хотят.

- А как ты будешь их кормить? Можно я с тобой пойду?

- Нельзя, Петька. Они увидят тебя, и не станут есть, испугаются.

- А тебя не боятся?

- Нет, я волшебное слово знаю, разговаривать с ними умею, понял?

У Петьки открылся рот да так и остался открытым. Пастух усмехнулся:

- Вот так, Петр... Как твоего отца-то зовут?

Мальчик пожал плечами:

- Не знаю.

- Ну да! Своего отца не знаешь? Как же это? Ведь ты уже большой парень, стыдно.

- Я его не видел. Он на войну ушел, а я на другой день и родился.

- Да, растут ребята, которые не знают, как отца по имени, потому что в глаза его не видели, - пробормотал пастух сам себе, потом строго глянул на Петьку. - Все равно должен знать, как зовут отца.

Мальчишка потупился, но вдруг оживился:

- Семен! Его Семеном зовут, я вспомнил.

- То-то... Ты приходи завтра ко мне в поле, Петр Семеныч, я научу тебя другие фокусы делать.

- Опять хлеба приносить?

- Нет. Хлеба не приноси. Небось, самим не хватает.

- А у нас нынче Пасха, - напомнил Петька. - Мамка на Пасху всегда новые хлебы печёт.

- Ну, она не для меня печёт, а для тебя.

Пастух поднялся и медленно побрел по деревне. Остановился возле играющих в лапту ребятешек, постоял.

- Дай-ка я попробую разок, - сказал он одному. - А ты накинь мне мяч.

Мячик был самодельный, из конской шерсти, крепкий и увесистый. Шерсть брали у конюха Устина Савельева, когда тот чистил лошадей, потом катали мячик.

После удара из него брызнула вода, черной точкой возносился он в небо.

- У-у! - проводили его ребята восхищенными взглядами.

Мячик упал далеко, за скотным двором.

- Вот так надо бить, - наставительно сказал пастух и пошел дальше.

К вечеру он пропал, и никто не смог бы сказать, в какую сторону ушел и откуда появился на другой день утром.

Глава третья

Прошлой осенью Катя Паничева купила в Саврасове козу. Коза была пожилая, с большой бородой, солощая. Последнее обстоятельство тем хорошо, что сена у Кати было с лета припасено мало, пришлось мешать его пополам с соломенной резкой да запаривать мякину. Кое-как дотянули до марта, а в марте коза принесла двух козлят. Один родился слабенький и на другой день подход, а второй скоро окреп и бойко стучал ножками по полу - Катя держала его в избе под голбцем. Сена пришлось еще прикупить немного, - коза повеселела и доила неплохо.

Несмотря на трудные годы, козу держать многие в Прямухине считали делом зазорным - уж больно паскудлива скотина, то и гляди, что набедокурит: в огород заберется или в лесу потеряется. Но Катя козу любила, разговаривала с ней ласково, даже иногда

выносила во двор козлёнка - повидаться с матерью. И на каждую дойку давала козе маленький кусочек хлеба, хотя у самой всякая крошка на учете.

Муж у Кати пропал без вести еще в первый год войны. С того дня прошло восемь лет, а она все ждет Семёна, все надеется, что он живой вернется.

Восемь лет растит сына одна, помощи ждать неоткуда: отец с матерью померли, единственный брат погиб на войне. Теперь жизнь, вроде, к лучшему пошла: коза появилась в хозяйстве, молоко на столе. А то, что над ней, единственной владелицей козы, в богатом Прямухине посмеиваются, так это не от большого ума да и не со зла, а так, по-доброму. Ветеринар говорит, что козьё молоко даже от каких-то болезней помогает; значит, оно, как лекарство, полезное, особенно детям.

Вчера пастуха подрядили, нынче он выгонит стадо. Теперь хоть эта забота с плеч долой - как прокормить козу. Худо-бедно, а чего-нибудь да пощиплет она на воле, авось еще и молока прибавит.

Только вот постановили, что с Катиного дома пастух жить начнет, а это хлопотно: чем накормить, где спать положить. Ну, да когда-никогда, а очередь все равно подошла бы.

Только подумала Катя о пастухе, а тот, вот он, входит:

- Здравствуй, хозяйка.

Встал у порога, пригибая голову, чтоб не стукнуться о низкий потолок, снял кепку, огляделся, куда её повесить, и положил на печь. То ли Катина изба тесна, то ли гость велик, а только чудно видеть его, подпирающего головой потолок, с плечами шире дверного проема. «Ну и мужичина!» - молча подивилась Катя.

- Проходи, садись, - засуетилась она.

Хоть и хлопотно с пастухом, а все радостно ей, что вот и у нее есть скотина во дворе, как у добрых людей, и к ней пришел кормиться пастух. Значит, не самое захудалое у нее хозяйство, да и она, выходит, не без ума баба. Взять приезжих, что в канцелярии живут, так те ничего не имеют, одну кошку держат.

Пастух прошел в чулан и сел за хлипкий столик, положил на него огромные руки.

- Щи еще не совсем упрели, - извиняющимся голосом сказала Катя. - К обеду будут готовы. Чем придется, уж сейчас покормлю.

А сама подумала, что и от тех щей пастуху радости было бы мало - постные. Пылая смущенным румянцем, она поставила на стол сковородку с картошкой, положила хлеба:

- И хлеб у меня неудачник нынче...

Хлеб и впрямь словно непропеченный - мука плохая. Корка отстает и мякиш не ноздреватый, клейкий. Он быстро зачерствеет, и тогда хоть топором руби, делается, как камень.

- Хороший хлеб, хозяйка, не мельтеши, - сказал пастух, коротко глянув на нее: бабенка собой ладная, да больно маленькая, словно школьница.

- В другой раз удачный получится, а тут прямо какой-то не такой, - оправдывалась Катя. - Поставила я тесто на печь, стояло оно в формах всю ночь, да и не взшло, не поднялось. Мука соделая.

Пастух, слушая её, оглядывал чулан: печь недавно побелена, ситцевая занавеска перед шестком чистенькая, но ветхая, просвечивает насквозь, стол скобленный и залавок тоже. Небогато в избе и на столе ничего праздничного нет, хотя праздник был только вчера.

И Катя с любопытством поглядывала на нового пастуха. Вчера на собрании он показался ей угрюмым, туповатым, а теперь увидела она, что просто молчалив и неуклюж, оттого и кажется нелюдимым. Глаза же у него смотрят умно, внимательно, от всей его фигуры веет уверенностью и силой, так что рядом с ним она тоже почувствовала себя спокойно и уверенно.

«Ишь ты, словно уж свой человек! - опять подивилась Катя. - А ить из тюрьмы... А вот нестрашный».

Пастух покончил с картошкой, и Катя поставила перед ним чашку молока.

- Уж не знаю, будешь ли есть, - молоко-то козье. Некоторые

не любят, если от козы, брезгуют. Ну, чего уж, другого у меня нету.

- Хорошее молоко, хозяйка, - одобрил он и тем самым окончательно рассеял Катину смущение.

От второй чашки он отказался, но Катя заметила, что посмотрел на пустой стол с сожалением и встал неохотно. «А у меня больше ничего нет, - подумала она. - Ну и что ж, в самом деле, ведь завтрак же!».

- А что, трудно тебе живется, хозяйка? - спросил он.

Катя смутилась и тихо проговорила:

- Почему ты так подумал?

- Вижу.

Она быстро справилась от замешательства и сказала, обидчиво поджав губы:

- Какое тебе дело до меня! Я ведь помощи не прошу, сама справлюсь.

- Трудно, - повторил он, словно еще больше утверждаясь в этой мысли, и вздохнул. - У меня сестра вот так же мытарится с детьми. У нее двое, а овдовела в войну.

И Катя посветлела лицом: не ради худого спросил человек, а по доброте. Нашелся жалельщик! Сам себя жалел бы. Вон как плохо одет - пиджак сильно ношенный, на локтях протерся, края рукавов обтрепались, штаны на одном колене заплатаны. А кепка-то, что на печь положил, выгорела вся, козырек ломаный.

Кто-то громко постучал в окно, Катя выглянула - председатель.

- Михаил у тебя?

- Какой Михаил?

- Да пастух!

- А-а... Завтракает.

Тот подошел к окну, а Катя отступив в комнату, оправдывалась, хотя никто её не слушал:

- Я думала, какой-такой Михаил! Не знала, как звать-то...

- Ты давай побыстрей, - сказал Колманов. - А то пока скотину не выгонишь, у меня народ на работу не выйдет. Сам знаешь, первый день...

Пастух кивнул и пошел к двери.

- Лексей Иваныч! - окликнула Катя, распахивая створки окна и принижая голос. – Как же быть с ночлегом-то?

- С каким ночлегом?

- Да куда мне пастуха-то? - пояснила Катя, а сама оглядывалась на крыльцо, где тот должен был появиться. - Я ведь боюсь у себя в доме его укладывать. Одна живу, а он Бог его знает кто такой. В тюрьме сидел...

Хоть и сказала Катя про тюрьму, а сама боялась пастуха не потому - просто смущалась, как это в её доме будет ночевать мужик.

- Ну-ну! - прикрикнул Колманов. - Еще не хватало мне такими дуростями заниматься. То-то он польстится на тебя!

Круто повернувшись, он торопливо пошел вдоль посада.

Катя залилась густым румянцем.

- Что ж, - сказала она растерянно сама себе. - Старая, что ли? Зачем же так говорить-то!

Она была и обижена, и испугана тем, что прогневала Колманова. «Дернуло меня за язык! - подумала она с досадой. - И в самом деле, не ему же заботиться про пастухов ночлег».

Михаил задержался на минуту на крыльце, - ему было слышно, что сказала Катя, и что ответил ей председатель. Он нахмурился, цыкнул слюной через перила и пошел на середину улицы, на ходу разматывая круг старенького Игнатова кнута, который ему передали по наследству.

Глава четвёртая

И радуется, и волнует деревню этот день, когда пастух выгоняет стадо. Кончилась тревожная зима, во дворе остались последние охапки сена. Продлись холода еще немного - и тогда хоть околелая скотина. Пришлось бы кормить её одной соломой, которой тоже не ахти сколько.

А теперь - видишь? - уже вылезают из земли зеленые ро-

сточки травы, разжимаются на кустах и деревьях липкие кулачки почек. Пусть и голодно еще коровам на лугу, будут они щипать редкую молодую щетинку пополам с прошлогодней травой, выгрызая лакомые места до земли, до кореньев, и жадно ища нового зеленого клочка в неутолимом голоде. А все-таки повеселеют они, подышат вольным воздухом, попьют свежей воды, не мертвой колодезной, а живой воды, настоявшейся на земле и травах, нагретой солнцем. С этой воды да с бедной травки, может быть, прибавят коровы в первый же день по стакану молока, и почудится хозяйкам, что стало оно гуще, вкуснее, ароматнее.

Вся деревня смотрела: вышел на середину улицы новый пастух, откинул кнут назад, потом рванул его вперед! Кнут покатился колесом, все уменьшаясь и уменьшаясь, пока у самого конца, где привязана волосная лёска, не срезался углом, и тогда ахнул в деревне гулкий выстрел. Никто не увидел мимолетной улыбки пастуха, не услышал его облегченного вздоха, потому никто и не подозревал, как он волновался в эту минуту: ну, как не выдержит кнут! Отлетит лёска к чертовой матери, и тогда получится вместо громкого выстрела глухой звук, будто хлопнули в ладоши, а руки-то в варежках.

Кнут не свой, ветхий, никакой на него надежды. А первый этот хлопок да новому пастуху, которому еще не доверяют, просто необходим. Ведь по мелочам судят: как кнут в руках держит, сноровисто ли гонит стадо.

Вся деревня ждала этого выстрела. Он радостно отозвался в сердце каждого, кто его услышал - эта радость, как от первой песни жаворонка или первого посвиста скворца. Час пробил - стадо выгоняют на волю.

Словно исполняя священный ритуал, пастух неторопливо откинул кнут назад и снова, не щадя его, резко и сильно рванул вперед. Кажется, захлестнись кнут концом ему на шею - оторвет голову. Второй выстрел прокатился по деревне. Мальчишки восторженно взвизгнули и переглянулись. «Хорошо хлопает, - отметили про себя взрослые. - Этак не проспишь. Видно и впрямь знает парень пастушеское дело, не соврал».

И в третий раз хлопнул кнут - звук получился совсем другого свойства, после чего пастух медленно побрел по деревне, а хозяйки начали открывать ворота. Он незаметно поднял с земли оторвавшуюся лёску и на ходу крепко привязал к растрепавшемуся концу кнута.

Ворота открывались со скрипом, с натугой. Кое у кого дворы за зиму осели, заклинив створки, а кое у кого их подпер слой навоза. Выходили похудевшие коровы с ошметками на боках, ступали нерешительно. Обалдев от солнечного света, от внезапного простора и свежего ветра, от людских криков, вдруг, взбрыкнув, пускались, как оглашенные, по улице, в огороды, в проулки.

В первый день беспокойна скотина, пока не привыкнет к воле. И не удержать бы пастуху стада, особенно с утра, тут уж помогают ему все. Корова кузнеца Романа схватилась бодаться с соседской, и не разгони их вовремя - пырнула бы в бок рогом или вымя пропорола, тогда сдавай, сосед, корову на мясо за полцены. Овцы шарахаются, бляя, от одного посада к другому, да вдруг как кинулись мимо канцелярии к амбарам, едва завернул их подпасок.

В подпаски, как и в прошлом году, подрядился Женька Приезжий, парнишка одиннадцати лет, из эвакуированных. Нынче утром он ревел в голос: «Не пойду пасти! Не подходите ко мне, все равно не пойду!». Всем понятно отчаяние Женьки - подпаску не сладко: изо дня в день вставай с рассветом в то время, как его сверстники спят сладким сном. Они-то все лето на народе, и что бы ни случилось в деревне, они тут как тут, всегда все знают, видят, слышат. Им живется интересно. А Женька всегда один. Они бегут в жаркий день купаться, а подпасок от стада ни на шаг не смей отойти, поджаривайся на солнце, изнывай от жары. Они будут боронить, возить сено или клевер, гонять лошадей в ночное, ходить за грибами - все вместе, дружно, весело. А Женька с утра до вечера, изо дня в день одно и то же: до хрипу ори на коров, бегай за глупыми, шарахливыми овцами. За день намаешься - белый свет не мил. И даже когда наступит престольный праздник, для Женьки он пройдет стороной: ведь стадо надо выгонять со

двора и в праздничные дни. Женьке все это знакомо, потому он и задал такого ревака. Уж хотели другого подпaska искать, да Женькина мать взяла ремень, и парнишка утих.

Семья Приезжих - пять человек, и почти все взрослые - Женька самый младший. А живут бедно: некому у них распорядиться тем, что зарабатывают, нет в семье хозяина. Отец погиб, а старшие Женькины братья уже взрослые и не слушаются матери. Скотины своей Приезжие не держат, мясо и молоко покупают, потому к середине зимы проедают заработанное, а потом берут в долг. К лету они всем должны, всем обязаны и вот даже Женьку посылают на нелегкое дело - в подпаски.

Теперь он бегал тут и там - живой, юркий, распорядительный, успевал повсюду, начальственно покрикивал и на скотину, и на людей. Пастух наблюдал за ним одобрительно: кажется, с подпаском ему повезло.

- Хоть бы взял в стадо поросёнка моего, - сказал пастуху дед Устин, когда тот проходил мимо. - А то кормлю его уж пятый месяц, а он вырос с кошку, дальше не растёт. Горбатеть стал, да шерсть на нем выросла, как на собаке. Ей-богу, возьми, может он заместо собаки тебе и будет.

- Ты снова навеселе, старик? - улыбнулся пастух.

- Батя! - укоризненно крикнула дочь Устина. - Опять ты пошмишище всем!

Верке Устиновой замуж давно пора, и кажется ей, что из-за отца обходят её женихи, из-за его постоянного шутовства.

- Помолчи, не с тобой разговариваю, - отмахнулся Устин, принаравливаясь к шагу пастуха. - А поросенок - он лаять научится. Уж сейчас хрюкает вот этак: хов! хов! Очень похоже.

Переговоры о поросенке, похожем на собаку, пришлось прервать: рыжая корова перемахнула через поваленную изгородь чьего-то огорода и пошла между кустами крыжовника к маленькой сараюшке, возле которой виднелся остаток сеного стожка. Пастух кинулся её заворачивать, вскочил в калитку и - столкнулся с женщиной, выходящей из-за угла.

- Чтоб те розорвало! - выговорила она, оттолкнула его руки и поправила бордовую кофту. - Хватаешь незнамо за что.

Он сразу узнал эту женщину: вчера она была всех нарядней, запомнился и взгляд ее, смелый и насмешливый.

- Тут уж за что придется, - оправдывался он, ничуть не смущенный происшедшим.

Женщина смотрела на него так, что хотелось толкнуть ее еще раз.

- Иди, чего встал? Чай, за коровой бежал, а не за мной.

Глаза у нее смеялись, хотя она старалась говорить сердито.

Корова успела схватить клочок сена и побежала назад, к стаду, где подоспевший Женька вытянул её кнутом: не блуди. Пастух вернулся к калитке - женщина стояла на том же месте и наблюдала за ним. «Вот бес-баба! - подумал он. - Ей на узкой дорожке не попадайся, за просто так не отпустит».

- Тяжело тебе бегать-то, - заметила она с притворным сочувствием. - Большой ты больно. Шел бы в грузчики, а не коров стеречь.

- Приходи помогать.

- Девку найди в помощницы.

За деревней к стаду присоединились колхозные коровы. Уж свои худы, а колхозные и того худее. Грязные, линялые, они не взбрыкивали, шагали вяло, словно сил не хватало, чтоб радоваться весеннему дню и воле.

- Вот отчего у нас многие коровы яловые остаются? - рассуждали мужики, стоявшие у крайнего дома. - Отощают за зиму, с голодухи не до быка.

- Сейчас самое время им - весна! А наши одры пока тело нагуляют, пока взыграют - глядишь, время и ушло.

- Да и бык-то у нас слабый, никудышный. Он на коров и не смотрит. Другого надо.

- Вон на него корова вспрыгнула!

Раздался дружный хохот.

- Так и гоните стадо потихоньку туда, - распорядительно говорил между тем председатель новому пастуху, указывая на выгон,

на низинный луг и лес вдалеке. - В тех кустах пусть походят... Да тебе Женька все расскажет. Луга у нас аховые, травы никогда не бывает путной. Но надо как-то накармливать скотину. Смотрите, озимь у меня не портите! Замечу потраву - пеняйте на себя.

Пастух кивнул.

- Лексей Иваныч у нас прямо полководец, генералиссимус Суворов, - сказал негромко Митряха Тарлыков. - Ишь, командует! Левый фланг - направо, правый фланг - налево.

- Вот он теперь нами распорядится, - отвечали ему. - Счас всех разгонит, всем работу найдет.

И верно, Колманов, как только переговорил с пастухом, повелительно махнул рукой:

- А теперь за дело! Хватит гулять!

Народ, провожавший стадо, поспешил в деревню.

Глава пятая

Женщина в бордовой кофте проводила пастуха взглядом, потом вышла на улицу и села на скамью у палисадника, то и дело охорашиваясь. Она привычно поправила волосы, заплетенные в косу и закрученные узлом на затылке, отряхнула и расправила на коленях передник, одернула кофту, думая о чем-то. Потом так же не спеша достала из кармана горсть семечек, рассеянно поглядывая по сторонам. Ей было видно, как дрались два петуха - один рыже-красный, словно облитый кровью, другой черный с белыми перьями на крыльях и хвосте; как Петька Паничев целился из рогатки в черного кота, затаившегося возле скворечника на ветке; как Валёна Суковатова на крыльце выколачивала палкой то ли одеяло, то ли зимнее пальто; как Верка Марасанова с тазом побежала к ручью - спешит белье прополоскать.

Деревня жила своими делами и заботами. Женщина покачала головой: и чего люди спешат работать! Словно нельзя потом, после праздника выколотить одеяло или постирать бельё. Ведь чаще всего сами себе выдумывают работу. Вот, к примеру, разве обяза-

тельно провожать свою скотину? Сидели бы себе на завалинках, отдыхали...

- Дуня, картошку в хранилище перебирать! - крикнул ей бригадир Иван-безрукий, проходя мимо.

- И доярок посылают? - обиделась Дуня. - У нас ить свои дела есть.

- Все пойдут. Так председатель велел.

- Ну, коли все...

- Юрка дома? Пусть побыстрее запрягает Серуху, поедет пахать.

- Скажу.

Иван выдернул из кармана пачку книжечек, неловко порывлся в них одной рукой, потом протянул Дуне:

- Ну-ка, выбери все свои. И на Юрку, и на Раю, и на тебя. У меня там за апрель все записано, проверьте, правильно ли я записал.

Дуня отобрала три книжечки, остальные вернула бригадиру, и он ушел размашистым шагом.

Фамилия Дуни на расчетной книжке чудная, нездешняя - Добровольская. Это мужнина, а муж у нее откуда-то издалека, офицер. Он служил в пограничных войсках, в Прямухине появлялся редко, раз в год.

Она познакомилась с ним в городе, куда поехала однажды со своей теткой продавать творог. На маленьком колхозном базарчике, пока стояла за прилавком, и заметил ее офицер. Подошел, заговорил и все шутил, любуясь тем, как она смущенно улыбается в ответ. Незаметно как-то, ни о чем не спрашивая прямо, он скоро узнал, что живет она в деревне, что ей семнадцать недавно исполнилось, что школу бросила в четвертом классе. Тетка незаметно толкала Дуню в бок: не зевай, девка! Плохого на себя не наговаривай.

Офицер был высокий, красивый и, как говорили потом в деревне, «самостоятельный»: вежливый, безделицы не сболтнет. На прощанье он ей сказал тогда, чтоб ждала вскоре, свататься придет. Очень серьезно сказал, а она только улыбнулась в ответ.

Он и вправду приехал, только не скоро, через месяц, когда Дуня и вспоминать про него забыла. Чего там вспоминать! Ну подошел парень, пошутил, она не дура, чтоб принимать всерьез. И вдруг он приехал, да не один - с матерью. Не стали ни у кого останавливаться - прямо в дом к Дуниным родителям.

Мать у жениха старенькая, из учительниц, приветливая, хотя и строгая тоже, по всему видать. А жених такой ловкий, подбористый, новенькие ремни так и поскрипывали на нем, все Дунины подружки обомлели от зависти. После недолгих переговоров молодые расписались в Старице в сельсовете и офицер Сергей Добровольский увез прямухинскую красавицу Дуню Пряжину с собой в далекий город.

Через год она вернулась оттуда с ребенком и снова стала жить в родительском доме. В деревне сначала решили, что офицер бросил Дуню, но он вскоре приехал с подарками, гостил неделю, и так ладно и хорошо жили они эти дни, что никто уже не смел злословить.

Так с тех пор и повелось: жила Дуня веселой соломенной вдовой. И не понять было, то ли тоскует она по мужу, то ли вовсе даже и не думает о нем. Когда приезжал муж, она расцветала - и смеялась звонче, и одевалась нарядней, и румянец был ярче. На зависть всем бабам Сергей в эти дни не отпускал от себя жену. Она сено сгребает на лугу - и он тут же с граблями. Она рожекнет или теребит - и он рядом. Чтоб не отставать от нее, ходил с бабами на полдни, на стлище - лён стлать, копать картошку... на все женские работы, смотря какое время было. Бабы подсмеивались над ним, он отшучивался. А Дуня, гордая его преданностью, была счастлива, и весь вид её говорил: «Смотрите, как соскучился! Смотрите, как он любит меня...».

Когда же он уезжал, она попечалится денек-другой, а потом так же охотно смеется, как и раньше, то и дело подсаживается к девкам песни петь.

После отъезда Сергея бабы пошучивали над нею:

- Ну, теперь ты, Дунька, на живот поправляться станешь. От

такой любви обязательно или быстро похудеешь, или быстро поправишься.

И она «поправлялась». Так родились сначала старшая Рая, потом Вера, потом Юрка.

Война застала Сергея Добровольского на Дальнем Востоке. Там он пробыл все военные годы, ни разу не побывал в Прямухине, хотя письма писал часто. Водились за это время у Дуни кой-какие грешки: то с районным уполномоченным слишком ласкова, то пришлые пильщики или драньщики к ней льнут. Но ничего за ней не замечалось такого, что можно было бы ей поставить в большую вину. Мало ли кто на кого пялится. Баба она молодая, красивая и без мужа.

Однако за время пятилетней мужниной отлучки у Дуни появилась девочка, и случилось это незадолго до конца войны. Летом сорок шестого Сергей Добровольский приехал в Прямухино с погонами майора и с орденом на груди. На удивление всей деревне, с Дуней он обошелся приветливо, уважительно и даже няньчился с малолетней дочерью Дуни. Погостил два дня, а потом уехал, но больше уж не возвращался. Пригульная Дунина дочка через год умерла от скарлатины, и никто так и не узнал, кто был её отец.

И Юрка, и старшие его сестры отца уважали, писали ему письма. Когда Вера надумала поступить в техникум, она поехала к отцу, который к этому времени перебрался на жительство в Москву. У него она и живет, приезжает домой только на каникулы.

Глава шестая

Дуня встала, не спеша вошла в дом. Юрка спал полураздетый поверх одеяла.

- Эй, кавалер! - окликнула она его и потрясла за плечо. – Белый день на дворе, а ты дрыхнешь.

- М-м, - протестовал Юрка во сне и пошлепал губами, словно проглотил сладкое.

Каждое утро повторялось одно и то же: как бы долго ни спал

Юрка, поднять его с постели большого труда стоит.

Она села к нему на кровать и снова потрясла:

- Вставай, тебе говорят!

Он поднял голову, посмотрел на нее вполне осмысленными глазами.

- Запрягай лошадь, пахать поедешь.

- Ага, сейчас, - согласился Юрка, уронил голову на подушку и тотчас уснул.

- Да ты что, черт-те дери! - рассердилась мать.

Юрка мгновенно сел, потер глаза и, покачиваясь спросонок, пошел в чулан умываться.

Дуня глянула в зеркало, её собственные глаза смотрели на неё внимательно, придирчиво. Ей всегда нравилось рассматривать свое лицо, но в последнее время она с тревогой выискивала в своем отражении, не появился ли где седой волос или незнакомая морщинка. Сегодня ничего она не нашла огорчительного - полное лицо молодой женщины смотрело из зеркала, ровный румянец пробивался у нее на щеках и только возле глаз и на лбу едва заметные морщины чуть-чуть бороздили кожу.

Она поправила свои густые волосы, и руки, отраженные в зеркале, тоже понравились ей - локти круглые, полные, белые.

- Ты где это шлялся ночью? - строго спросила она сына.

- Гулял, - невнятно сказал Юрка.

- Кто ж так гуляет, родимый, да в эту-то пору! Ведь и слякотно и холодно. А ты же засветло домой заявился. Что молчишь? Вдову, что ли, какую отыскал?

- Скажешь ты тоже!

- Я вот говорить не буду, а оглажу тебя скалкой по спине, чтоб неповадно было.

Юрка по опыту знал, что мать может и впрямь скалкой огреть, потому отвечал смиренно:

- В Микулинках я был. Знаешь, ведь.

- Откуда мне знать! Я за тобой следом не бегаю и тебя не караулю. Вот спрошу у Лексея Иваныча, чем ты занимаешься у них в Микулинках.

Из всех своих детей Дуня сына любила больше и, зная это, боялась избаловать, испортить парня, потому и старалась быть с ним поосторожнее.

- Зачем спрашивать-то? Разве я вру? - испуганно сказал Юрка, которого вовсе не устраивало, что мать спросит о нем у председателя. - Гулять туда хожу. Что такого?

- Что ж она ночевать, что ли, оставила тебя, девка-то твоя?

- Ну что ты выдумываешь, мам?

- Нынче девки таковские пошли. А коли тебя всю ночь дома нет, на все подумаешь. Экой жених - восемнадцати нет! И что за гулянье такое - вечером ушел, а утром вернулся!

Юрка, набычив голову и не поднимая глаз, сел к окну, налил в чашку молока.

- Маленький я, что ли... - пробурчал он. - Пахать вон посылают.

- Я не посмотрю на тебя, пахаря!

Он знал, что лучше отмолчаться в такие минуты, а то мать разойдется еще пуще, но слова сами соскакивали с языка:

- Сама в мои годы уж замуж вышла.

- Я дура была, когда выходила, зато у меня муж был не тебе чета. Так что не ровняй. Больше у меня чтоб не было этого - с ночевкой в Микулинки ходить!

Юрка в ответ промолчал.

Нынешней ночью случилась с ним «оказия»: лесная дорога в Микулинки во многих местах залита водой, пришлось обходить низины, а пока обходил - заблудился в лесу. Ночь черная, лес глухой кругом, жутковато стало. И вот тут недалеко от Юрки мелькнул огонь. Он мелькнул так явственно, что Юрка вздрогнул и замер. Рассказы о волках, о жутких блуждающих огнях, которые «водят» заблудившихся, тотчас вспомнились ему, и мороз пробежал по коже. Однако Юрка стал приближаться к огню, и скоро увидел невдалеке костер. Это уже не было наваждением, и потому он немного успокоился. Пламя костра горело неярко. Оно освещало нижние ветки елей, под одной из них кто-то сидел.

Всю войну в деревнях ходили слухи о том, что в этом лесу

скрываются дезертиры. Лес большой со множеством оврагов и буераков - как в таком лесу не быть дезертирам или разбойникам! После войны разговоры эти поутихли, но если загадочным образом пропадало у кого-нибудь с веревки белье или исчезала из стада овца, слухи опять возникали.

Под навесом из еловых лап сидел только один человек. Видны были его ноги в солдатских сапогах, да иногда высывалась рука, подбрасывала в костер сухую валежину.

Человек этот вдруг выглянул из-под навеса и сказал, обращаясь в сторону Юрки:

- Ну, кто там? Подходи, чего прячешься!

Юрка узнал парня, которого днем подрядили в пастухи, и вышел в освещенное пространство.

- Ты чего тут сидишь? - спросил он, неловко улыбаясь, словно его поймали на некрасивом деле.

- Из Прямухина? - спокойно спросил парень, не отвечая Юрке.

- Да, - Юрка кивнул. - Я уж подумал, не дезертиры ли тут греются, потому и подходил тихонько.

- Ничего себе тихонько! За версту слышно... И у вас тут про дезертиров говорят. Трус пошел народ, всего боятся. Дай закурить, а то сижу без курева.

Они свернули по сигарке, выбрали в костре по головешке, прикурили, поглядывая друг на друга.

- Чего тебя по лесам носит? - спросил пастух.

- В Микулинки иду, девка там у меня. А ты зачем тут? Ночевать в Прямухине не остался.

- А-а, празднуют у вас все. Не до чужого человека. Вот завтра, как буду при деле, найдется и ночлег. А сейчас я чужой. Есть у меня один знакомый в нашей местности, вот я и пошел к нему да заблудился.

Юрка охотно засмеялся:

- И я тоже. Нынче, видно, ночь такая.

- Вот в этой стороне твое Прямухино, - пастух махнул рукой.

- Колодец там только сейчас скрипел, коровы мычали...

- Иди попросись ночевать. Чего тебе здесь сидеть!

- Не, - пастух вздохнул. - И в лесу хорошо. Я люблю. Привык...

- Чудной... Страшновато, наверно?

- В лесу, как дома... Хорошая девка у тебя в Микулинках?

- Ничего, - солидно сказал Юрка, невольно поддельваясь под неторопливый, окающий говор пастуха. - Еще не разонравилась.

Ему хотелось что-нибудь рассказать о Наташе, но пастух ни о чем больше не стал спрашивать.

- Ну, наламывай себе веток еловых, стели постель, переночуешь здесь.

- Нет, пойду. Пока.

Он почему-то вдруг протянул пастуху руку, и пастух приподнялся, пожимая её.

- Тебя как зовут?

- Михаил... Мишкой зови.

- А меня Юркой, будем знакомы. Теперь мы вроде как из одной деревни, свои люди.

Юрка уже не спешил уходить от костра. Он чувствовал расположение к пастуху и хотелось поговорить с ним: как-никак новый человек и свет повидал, мог бы многое порассказать. Юрку разбирало любопытство.

- За что тебя в тюрьму-то угораздило? - спросил он вдруг.

Пастух удивился вопросу, ответил нехотя:

- Подрался с одним... Дурак был.

- Кто дурак? Ты или он?

- Я, конечно.

- Бывают случаи... Я тоже зимой подрался, с Женькой Крючком из Старицы. Пришел он в Микулинки гулять, «беседа» там была, начал к девке моей приставать: то сядет возле нее, то на колени к себе норовит посадить, а она вырывается. Ну, я его вызвал с «беседы» на улицу, говорю: если ещё тронешь, в морду дам. А он зартачился. Ну, я ему и врезал.

- Правильно, - с улыбкой одобрил пастух. - Свою девку в обиду не давай. На кулаках - это ничего, не плохо. Только с но-

жом, Юра, не балуй, и вообще в руки ничего не бери. Надо по-честному, так на так... Ну, давай дуй к своей девке, а я спать буду.

«Чудной, - уже отойдя подумал Юрка. - Наверно, он сидел за ножик. Вишь, что толкует...».

- Эй, ты не говори в деревне, что встретил меня здесь! - крикнул ему пастух издали. - А то у вас народ такой, придумают черт-те что.

- Ладно, - пообещал Юрка. - Между нами.

«А видно хороший парень этот Михаил, - решил он. - Мало ли что в тюрьме сидел, и там всякие люди бывают. Привык, говорит, в лесу. Наверно, когда срок отсидживал, привык. Где-нибудь на лесоразработках грех свой замаливал».

Сейчас Юрка вспомнил вчерашнюю встречу и снова решил: «Чудной парень... Надо же, ночевал в лесу. Да мне ни в жизнь там ночь не отсидеть. Страшно, ведь!».

- Хоть бы девка-то была красивая! - с досадой сказала вдруг мать. - А то поглядела я: тощая, словно год её не кормили. Одна только и слава, что председателяева дочка.

Тут как раз Рая вошла, услышала, что мать говорит, и сразу догадалась, о ком разговор.

- Вот уж, верно, мам, - добавила она со смехом. - Я ему давно говорю: не нашел похуже-то? Ни с заду, ни с переду ничего нет. И куда он смотрит!

Юрка поперхнулся молоком, гневно посмотрел на сестру:

- Наверно, не хуже твоего рябого.

За Раей ухаживал однажды рябой парень из Клыпина. Однако она только захохотала в ответ, довольная, что задела брата. Видно, у них с матерью раньше между собой было о Наташе говорено, и обе они сошлись на том, что она им не нравится и не пара Юрке.

- Да и то сказать, мам, разве ж хорошая девка будет с нашим Юркой гулять, - проговорила Рая. - На его долю последняя из никудышных, лучшей не достоин.

Юрка отодвинул молоко и хлеб и вышел на улицу, крепко хлопая дверями. Он не слышал, как мать вступилась за него:

- Ну, уж это ты зря. Зачем понапрасну хаешь парня. Я погляжу, он у нас жених, что надо. Хоть в плечах не широк, зато подбористый такой, лицом чистый, и характер у него мягкий, ласковый - это в отца. Опять же, ты погляди, какая походка у него легкая - заглядишься! Нет, это ты зря.

Рая отступила:

- Да я его подразнить.

- А председательская дочка, может, выровняется. Молода еще.

Глава седьмая

Двенадцать пахарей вереницей выезжали из деревни. Впереди Николай Старовер, ширококостный старик с патриаршей бородой, за ним Митряха Тарлыков, сильно припадающий на правую простреленную ногу, а все остальные - семнадцати-восемнадцатилетние ребята. Больше на пахоту послать некого: парней повзрослее в армию забрали, а мужики все никудышные, больные да калеченные. Да и лошадей хороших больше нету, и упряжи годной не найти.

Ехали весело, словно на гулянье. Васяка Рыбин сидел на своей кобыле задом наперед и горланил:

- Полюбил милку рябую,
Рябую-прерябую!
Кто рябую отобьет -
Рожу покорябаю.

- А чего это девок пахать не посылают? - громко возмутился Ванька Афонин. - Вот это было бы здорово! Ох, они подолами-то по пашне помели бы!

Рыжий Ванька Батин кидает подсохшими комьями грязи в Васяку.

- Афоня! – кричит тот. - А ну, дай Рыжему раз. Скажи, что я так велел.

Ванька Афонин, не долго думая, пихнул Рыжего в лужу, и они схватились бороться.

- Афоня, не трусь! - подзадоривают остальные. - Рыжий хват-тай его за ребра!

Кто-то сделал им подножку, и оба Ваньки повалились на мокрую землю.

От хохота и свиста прядают ушами лошади.

Юрка шёл сзади всех, не обращая внимания на возню. Он задумчиво следил, как волочится плуг, чертя отвалом по земле, и остается на мягкой, не укатанной еще дороге узкая и глубокая черта, словно проведенная ножом.

Серуха шагала неторопливо и уныло, привычная ко всему. Она осуждающе косила глазом на Рыжего и Афоню, когда они, вскочив с земли, пробегали мимо: зачем тратить понапрасну силы, ведь впереди так много работы.

«Была бы девка-то красивая!» - не выходило из головы у Юрки, и он хмурился, сердито дергал за вожжи, понукая лошадь.

Мать никогда раньше не говорила с ним о Наташе. Ему даже казалось, что она и не знает про неё или знает, да не придает значения. Ведь Рая и раньше подтрунивала над братом, а мать отмалчивалась, словно не слыша.

Странное дело! На Раю он ни разу не обиделся, а теперь слова матери больно задели его. Может быть потому, что сестра просто дразнила его, и будь Наташа первая красавица, она все равно говорила бы: «Похуже-то не нашел?». А мать сказала всерьез, вот это-то и обидно.

Юрка никогда раньше не задавался таким вопросом: красива или нет Наташа. То есть в глубине души он был убеждён, что она красивая и ни к чему были все эти размышления. Нравится, и ладно, и хорошо. А вот как на самом деле, красива или нет? Интересно, как она со стороны другим парням кажется. Спросить бы, а как спросишь?

Юрка задумался, глядя себе под ноги. Отвал плуга чиркал по мелким лужицам, мутная вода заполняла следы лошадиных копыт. А в тех лужах, что оставались незамутненными, отражалось синее небо, глубокое, так что страшно оступить, словно не лужи это были, а пропасти.

Красива или некрасива? Зимой «на беседе» Наташа иногда соглашалась поиграть на гармонии. Она со смущенной улыбкой морщила нос, когда надевала на плечо широкий ремень гармони, когда поправляла юбку на коленях, чтоб не измялась она под мехами, потом тихонько перебирала пуговицы ладов, и лицо её постепенно становилось серьезным, отрешенным, она словно отдалялась от всех. В эти минуты спроси у неё что-нибудь, она не вдруг ответит или ответит невпопад. Чужой голос едва долетал в тот мир, в котором она жила в эти минуты.

А со стороны казалось, что она не уверена, сможет ли играть, и боится, волнуется: вдруг не сможет. Потом заиграет, клонясь ухом к мехам, негромко заиграет, но так, что каждого словно приподнимет с лавки непонятная сила. И вот уже две девки сорвались со своих мест. А гармонь в Наташиных руках уже набрала голос, запела уверенней, громче, и сама она облегченно улыбнулась, возвращаясь от своей отрешенности. Вот в эти минуты она бывала так хороша, что сердце зайдет: белая кромочка зубов видна в улыбающихся губах, и улыбка то пропадает, то появляется вновь, и глаза смотрят весело и плутовато: а вот посмотрю я на вас, усидите ли вы на лавках от моей игры.

Девки пляшут долго, потом парни встанут чижа ходить.

- Ты не устала, Наташа?

А она качнет головой: ничего, мол, валяйте, поиграю ещё.

Глядишь, и среди ребят есть гармонист, да разве с нею сравнишь! Возьмет он в руки гармонь- не игра, а работа. Как будто после жавороночьего пенья ворона закаркала.

Юрка тоже ходил чижа, но девок выбирал самых некрасивых, чтобы показать ей: видишь, ни за кем я не гонюсь и никто мне не нравится, и я выбрал бы тебя, да ты занята. И она понимала это. Иногда Юрка ловил на себе ее улыбчивый взгляд, которым

она словно говорила: да ты не бойся, я не обижусь, кого бы ты ни пригласил на чижа.

Наклонится Наташа головой к мехам, послушает и даже этак удивленно оглядит всех: смотрите-ка, все еще играет гармошка! А я, мол, тут ни при чем, я и играть-то не умею - это она сама поет.

«Была бы девка-то красивая!». Эх, видела бы мать, как играет Наташа на гармонии! Ведь тогда на нее все парни смотрят, перед ней только и выламываются всяко. Да помани она любого из них улыбкой или ласковым словом - каждый побежит, ещё и хвостиком завилает.

И не в гармонии дело! Ведь нынешней весной и вовсе расцветает Наташка. Юрка-то замечает, что она день ото дня красивей становится. Признаться, его даже пугало немного это: вдруг не удержит её, когда за ней много парней ухлёстывать станут. Одно-го отпихнул, второго... А вдруг она не захочет, чтоб он кого-то из них отпихивал? Вдруг ей понравится кто-то другой больше, чем он, Юрка Дунин? Что тогда?

Но он тотчас отгонял от себя эти страхи. Наташа не вертлява, держится строго. Всех других и щиплют, и толкают, и тискают, а её нет. Она умеет так глянуть на любого парня, что у того сразу пропадает желание созоровать над нею. И только с Юркой она ласкова - это все видят.

«Была бы девка-то красивая!»... Верно, про неё не скажешь, что красавица. И в то же время что-то с ней такое происходит. У неё даже голос изменился: еще зимой был так себе - девчончье щебетанье, а теперь стал гораздо певучее и звучнее. Как услышишь - и сердце забьется. И хочется сейчас же сделать что-то такое, чтоб все удивились и ахнули, и чтоб ей, Наташе, это было приятно.

В многолюдстве, в общем шуме и гаме Юрка узнавал Наташин голос безошибочно. Его можно слушать просто так, не вдумываясь в смысл произносимых слов, - всё будет любо. И глупая улыбка невольно является на Юркином лице.

Вот даже теперь, вспоминая, Юрка чувствовал, как нарастает в душе волна радости, которая как будто приподнимает его над

землей, прибавляет силы, толкает на всякие бесшабашные дела.

День веселый, с переливчатым жавороночьим хором. Ветер теплый дует, как из печи. Прямо в дорожных лужах кое-где лягушки уже наметали икры, в каждой прозрачной икринке видна отчетливо черная точка - там начинается новая лягушья жизнь.

Шагается легко, словно в гости идешь. А вот обратный путь - будет всё наоборот. Нынче к вечеру будут саднить от свежих мозолей ладони, и он, Юрка, непременно сотрет тесным валенком ногу, потому что валенок на заднике дырявый, и в него врезался край калоши, она-то и трет ногу. Но думать обо всем этом не хочется, думается о другом.

Вчера в Микулинки пришел он поздно. У Колмановых огня не было, а постучать он побоялся: можно нарваться и на самого хозяина. Юрка присел на крыльце отдохнуть и незаметно уснул.

Разбудили его доярки - они прошли мимо уже на рассвете, громко переговариваясь, могли и заметить его, притулившегося к стене. То-то у них смеху было бы! Не заметили... Чуть погодя, он услышал, как внутри Наташиного дома скрипнула дверь и звякнуло ведро. «Кто-то вышел корову доить. Мать, конечно, - догадался Юрка, чутко прислушиваясь к долетавшим до него звукам. - Колманов ночует у нас в Прямухине. Наташа сейчас одна в избе».

И он подумал, что можно было бы пробраться в дом и увидеть её спящую. У него даже дыхание занялось от этой мысли. Он тотчас отогнал её от себя, решил тихонько постучать в окно: вот удивится Наташа, если увидит его! Юрка встал и поднял руку, чтоб постучать, как вдруг услышал в избе знакомое хриловатое покашливание Колманова. Он испуганно присел, потом боком, боком пошел прочь от дома, благо было еще достаточно темно и можно уйти не-замеченным.

- Рыжий! - крикнул Юрка приятелю, шагавшему впереди. - Подожди-ка, расскажу... Вчера прихожу я в Микулинки, к девахе своей, стукнул в окно, а вместо нее вдруг вылезает морда самого Колманова.

- Вот это да! - Рыжий захохотал.

- Я думал, он здесь ночевать будет. Так нет, оказывается, домой явился.

- Да он же в сумерках на Графчике верхом поехал! Влип ты. Ну и что дальше?

- Он наверно, не разглядел меня. Темно было.

- Пять трудодней скостит, вот тебе и «не разглядел».

- За что?

- Не обхаживай дочку. Не беспокой честных людей.

- Наплевать, - молодецвато сказал Юрка.

Глава восьмая

Мокшинские поля не то, чтобы на взгорье, а с небольшим уклоном, по пологому косогору. Вешняя вода не застаивается здесь, а стекает в низину к канаве, и уходит, потому поля эти подсыхают раньше других. Одним краем они упираются в узкую грядку кустов, за которой лежит земля соседнего старицкого колхоза.

Почва здесь супесная, скудная. Сюда навозу бы надо побольше, а его мало завозят - далеко. Всякий год вешние воды намывают вниз, под уклон, мелкого песку, так что им заносит и борозды, и луг вдоль канавы, и саму канаву, прорытую неизвестно кем и когда, и уже заросшую кустами бредняка и тонкими корявыми березками. В ней и теперь все стоит вода, но земля на полях уже достаточно просохла, можно пахать.

Пахари остановились, сели на пригорке, пока Николай Старовер ходил по полю, отмеряя каждому полосу.

- Ну, принимайтесь, ребята, - сказал он строго. - Начнем, благословясь.

Николай - старик суровый. Любит вспоминать бога, хотя в церковь никогда не ходит и старицкого попа может обругать матерно и в глаза, и за глаза. «Бога в душе своей носить надо, - говорит он. - Молитвы да иконы ему не нужны. Церковь бездельники выдумали, захребетники, которые работать не хотят». За это его и

прозвали Старовером, хотя никто не знал, какова она, старая вера.

Он первый разобрал вожжи, подхлестнул серого мерина, взялся за ручки плуга, приподнял его, и плуг мягко и неслышно вошел в землю, как нож в масло. Влажный земляной пласт, переворачиваясь, меркло заблестел на солнце, нехотя разваливаясь на крупные комья.

- Тяжела еще земля, - сказал Николай.

Он чмокнул губами, подхлестнул мерина вожжой по серому боку, не считая пока нужным пускать в дело кнут:

- Куд-да!?

И пошел, сутулясь и набычив голову, по свежей борозде.

Пахари разошлись каждый на свою полосу и вскоре тоже зашагали по полю, клонясь на плуги.

- Пошла губерния писать! - крикнул Ванька-рыжий. - Афоня, не отставай! Сгоняй жирок, который за зиму накопил!

Тронулся и Юрка. Он несколько запоздало взялся за плуг, потому борозда началась не от самого края поля. Он досадливо оглянулся, но в это время плуг накренился и вильнул в бок.

- Куда прешь! - крикнул Юрка на ни в чем неповинную Серуху и крепко вцепился в рукоятки плуга.

Первая борозда должна быть прямой, а то парни засмеют, да и самому потом неудобно будет приравливаться к виловатой борозде. Он слишком сильно налегал на плуг, и тот забирал глыбоко. Серуха шагала тяжело, с усилием влегая в хомут, утопая ногами в мягкой земле. На середине поля у Юрки уже занемели руки от непрерывного напряжения, и он немного расслабил их. Оказалось, плуг пошел легче, ровнее. Юрка повеселел и стал шагать так же неспешно и размеренно, как лошадь. Сначала это ему не удавалось, он ступал одной ногой в борозду, другой – на невспаханное поле и потому словно хромал, а иногда и вовсе выскакивал из нее, удерживая валившийся на сторону плуг. Только стало немного получаться, Серуха уперлась мордой в кусты на краю поля.

Теперь Юрка огляделся. Николай Старовер вел уже вторую борозду - ветер трепал подол его рубахи, выбившейся из штанов,

и седую бороду. За Николаем поспевали маленький и коренастый Васяка Рыбин и Афоня. Другие только заворачивали лошадей.

Первая Юркина борозда была неровна, словно черта, проведенная по бумаге без линейки, от руки. Но у соседа она вышла еще хуже, прерывалась раза три - выскакивал плуг.

- Спишь на ходу, Рыжий! - поддразнил Юрка и пошел второй раз, надеясь незаметно подправить свои огрехи, выровнять борозду.

- Ближе! Прямо! Тпру, черт! - разносилось по полю на разные голоса.

Фыркали лошади, хлопали кнуты.

- Ближе! Прямо! У-у, зараза!

Вскоре пришлось сбросить пиджак и закатать рукава рубахи. Некоторые разулись.

Юрка уже немного приноровился, работа давалась ему с меньшим трудом, чем вначале. «Главное, ходить в шаг с Серухой, - думал он, - и не больно суетиться, не напрягать рук... Вот так... Вот так... Лошадь у меня умная, она не делает ничего попусту, ни одного лишнего шага».

И все-таки приходилось нелегко: сердце колотилось, как после бега, и лицо в поту.

Туда... Обратно... Туда... Обратно...

Серуха стала останавливаться, тяжело дыша, и тогда Юрка подхлестывал её кнутом, крича сердито:

- Давай, давай!

Лошади только дай поблажку, она сразу почувствует, что можно полегче работать, с ленцой. Впрочем, Серуха сознательная, вон у нее бока потемнели от пота, белая пена срывается с удил. Но Юрка сам был зол от усталости и не жалел лошади.

- Перекур! - послышалась команда Старовера.

Он за главного здесь.

Юрка довел борозду до конца, с облегчением разнуздал Серуху, похлопал ее по мокрой шее:

- Что? Устала?

Она мотнула головой, словно поняла его вопрос.

Юрка привязал вожжи к рукоятке плуга так, чтобы лошадь могла достать до земли, если ей вздумается поискать травки или попить из лужи воды.

Пахари расселись снова на канаве, задымили самокрутками. Васяка похлопал Рыжего по мокрой спине, сказал, посмеиваясь:

- Поработал человек! Парок от тебя идет, как от запаленной лошади.

- С непривычки, - хриловато отозвался Ванька-рыжий. – Первый день.

- Думаешь, во второй будет легче?

Нынешняя пахота для Ваньки-рыжего первая. В прошлом году он только боронил с девками, а это, известно, полегче. То же самое и Юрка Дунин, но этот покрепче телом, к тому же сноровка какая-никакая, а есть; пахал зябь по осени да картошку опаживал прошлым летом.

- Завтра еще хуже будет, - «утешал» Миряха Тарлыков. - Нынче мы отдохнувши да и руки не в мозолях. Нынче еще цветочки. Эвон ягодки-то!

И все невольно оглянули непаханные поля вокруг и мысленно прикинули и то, что за деревней. Тоскливо стало, как представили воочию, сколько сделано и сколько предстоит пахать, как почувствовали, что теперешняя усталость - лишь малая часть той муки, которая ожидает их.

- Неуж мы все это поднимем? - воскликнул Юрка с удивлением и недоверием.

- Ничего, ребята, - сказал Николай Старовер.

Он даже не привстал, чтобы окинуть взглядом непаханные поля, а продолжал спокойно курить.

- Ничего... Глаза боятся, а руки делают. Смотрите, какой день Бог послал. Да если этак недельку погода постоит, знаете ли, сколько мы вспашем!

- А то еще трактор пришлют, - неуверенно сказал Рыжий.

- Колманов говорил, на трактор надежи мало, - возразил Васяка Рыбин. - Может пришлют, а может и нет. Заныли, мать вашу! Еще не поработали, а уж заныли.

- Девок надо послать пахать, - гнул свое Афоня. - Они здоровые.

Лошадям травы пощипать негде, они стояли, где их поставили, понуро опустив головы и изредка помахая хвостами в ожидании новой залоги.

- Лошади-то застоялись в последнее время, никак не втянутся в работу, - заметил Митряха, заботливо переобувая раненую ногу. - Да и кормежка им плохая. Так ли надо лошадям на пахоте кормить! Овса бы, а мы только клеверное сено, да и того одни будыли остались.

- Эх, от овсяного киселька и я б не отказался! - вздохнул Рыжий.

Старовер бросил окурок, поднялся:

- Пойдемте, хватит прохлаждаться.

И снова отваливалась земля от плуга, меркло поблескивая на срезе, почиркивали камешки о металл, поскрипывали гужи, фыркали и шумно дышали лошади.

- Право! Ближе! Ворочай! - разносилось над полем разноглосье.

«Эх, что-то Наташка моя поделывает сейчас, - подумал Юрка. - Нынче пойду - уж не заблужусь!»

И снова вспомнились ему слова матери: «Была бы девка-то красивая!». Он нахмурился, подстегнул Серуху кнутом.

Если уж смотреть по красоте, то в тех же Микулинках Маня Командирова гораздо красивее Наташи. Это, пожалуй, всякий скажет, да и сам Юрка не станет оспаривать. И все-таки Маня не шибко нравилась.

Однажды зимой он пришел в Микулинку на беседу, и не застал там Наташи. Она уехала во Владимир к родне. Юрка покрутился немного, ему сразу стало неинтересно, невесело, он и отправился домой. Еще из Микулинок не вышел, кто-то догоняет:

- Юр, подожди!

Подбежала Маня Командирова, пошла рядом, на ходу застегивая полушубочек.

- Мне Наташа наказывала сказать тебе, - она оглянулась, явно

смущаясь, - наказывала сказать, что вернется только через две недели.

- Ладно... Ты чего так запыхалась-то?

- А бежала.

- Растволстела ты больно, бегать разучилась.

Она польщенно засмеялась.

Полушубочек у Мани с большим воротником, из воротника смотрит круглое с ямочками лицо. Все, что полагается девушке, у Мани есть, к тому же с нею не соскучишься - будет щебетать до третьих петухов, только слушай.

- А теперь ты к нам не будешь приходить?

- Приглашай, может и приду.

- Ты приходи, ладно? Ничего, что Наташи нету, ты все равно приходи.

Он давно замечал, что Маня поглядывала на него ласково. На «беседе» норовит рядом сесть, то и дело заговаривает, а когда ходят «дамского чиж», Маня всегда Юрку приглашает. А теперь вишь, воспользовалась тем, что подружка уехала. Ай, да Маня!

- Так я тебя буду провожать, ладно? - напрямик предложил Юрка.

- А ты уже провожаешь... Придешь завтра, Юр?

- Только ты Наташе не говори, что мы с тобой эти две недели гулять будем.

- Так теперь зачем и скрывать, раз ты со мной, - простодушно сказала Маня.

- Ну и дура же ты, Манька! - Юрка рассердился и зашагал быстрой. - Прямо поискать таких дур. Я пошутил, а она всё всерьез.

Маня остановилась, прижала руки к груди, потом опомнилась, крикнула вслед:

- Сам ты дурак! Больно ты мне нужен!

Пока произносила последние слова, слышно было: вот-вот заплачет.

Обиделась она на него, а теперь опять поглядывает, опять заигрывает. Только зря всё это.

Значит, не в красоте дело...

Глава девятая

После обеда по ту сторону лесистой гривки, разделявшей владения двух колхозов, показались старицкие парни. Они приехали пахать свои Мокшинские поля.

Старица издавна враждовала с Прямухиным. Причины этой вражды никто уж не помнит. Может, её и не было вовсе, этой причины, потому что нечего делить старицким и прямухинским. Все разделено давным-давно: этот лесок ваш, а этот наш, те поля ваши, а тут наши. И граница у владений четкая - узкая полоска земли с осинками, березками да изредка кудрявыми сосенками. Но так уж повелось исстари: то мальчишки в школе дерутся, то парни на гулянье, а то и же-натые мужики.

Старица - село торговое, большое, с церковью, стоящей на горе, с мельницей и маслобойкой, которые нынче хоть и обветшали и не работают, но до сих пор слава их жива в округе. В Старице большой богатый погост с мраморными плитами надгробий. Сюда в родительскую неделю несут бабки свою печаль и слезы, поминают близких и дальних родственников.

Прямухинские жители и тайно и явно завидовали старицким: река у них есть, а в Прямухине нету, по праздникам народ через Прямухино в Старицу течет, всё тяготеет к ней, все дороги ведут туда. В Старице народ кичливый, заносчивый, но и суетливый, несерьезный. В городе на базаре встанут рядом торговать: старичанин кричит на весь базар, суетится, угождает, а прямухинец стоит так, словно бархатом торгует, а не картошкой со своего огорода. Прямухинец с достоинством отвечает покупателям и не побежит, нет, за гирькой или мелочью медной.

В Прямухине издавна жили степенно, крепко, с хозяйским расчетом. В тридцатом году раскулачивать братьев Якимовых приходили старицкие, грозились:

- Вся ваша деревня кулак на кулаке, контра на контра. Всех подряд надо раскулачивать. У нас в Старице богатеи на виду: мельник Прохор Порочкин, церковный староста Федулов да кузнец с маслобойщиком. А у вас, кроме Якимовых, все скрытые.

От одной деревни до другой километра три, а народ даже поговору различен. В Старице частят, половину слов проглатывают, разговор здесь всегда несерьезный. А в Прямухине говорят чисто и неторопливо, здесь в чести не шутка, а дельный совет, умное соображение.

Несмотря на вражду, стоило старицким и прямухинским парням оказаться за рекой, «в чужой стороне», как они тотчас объединялись дружно, становились союзниками, начисто позабывали собственные распри. Таков был неписанный закон отношений между ними, потому что в основе их междуусобицы лежало соперничество, а не злоба.

Старицкие парни о чем-то переговорили между собой и начали пахать. Гривка в этом месте узка, и разворачивая лошадей, те и другие проходили совсем рядом, едва не цепляясь оглоблями.

- Здорово, лягушатники! - приветствовали старицкие соседи.

- Подмостовникам привет! - скалился в ответ Васяка Рыбин.

- Кошку под мостом ободрали, кошкодралы!

- Лягушатники! Лягушкоеды! Пирог с лягушками!

А Васяка в ответ горланил:

- Под окном стоит рябина,

Растет и не старится.

Кому надо рыжих девок,

Поезжайте в Старицу.

«Лягушатниками» и «лягушкоедами» прямухинцев звали за то, что реки у них нет, и купаются они в пруду вместе с лягушками. Имела ли кличка «подмостовники» ту предысторию, о которой говорил Васяка, сказать трудно. На этот счет было множество всяких баек одна другой заковыристей, и Васяка напомнил о самой безобидной. Истинная причина возникновения этого прозвища утеряна во глубине веков, как и истоки вражды двух деревень.

Серуха дышала с хрипом, и сам Юрка ходил, спотыкаясь от усталости. Он разулся и уже порезал ногу об острый камень. Рана

саднила и ступать было неудобно.

Прямухинское стадо паслось теперь неподалеку. Судя по всему, пастух нарочно подогнал его ближе. Он поглядывал на пахарей, провожая глазами то одного, то другого, наконец, не вытерпел, подошел к Юрке.

- Дай, я попробую.

Отчего не дать? Пусть человек поработает, если ему так хочется. А пока он такое удовольствие получает, можно и отдохнуть.

Пастух встал за плуг, разобрал вожжи. Было заметно, что он волнуется: руки у него вздрагивали. Он подстегнул лошадь вожжей и пошел уверенней, не напрягаясь, не сутулясь, свободным шагом, как ходят опытные пахари. Юрка придиричиво наблюдал за ним, но ему было не за что упрекнуть пастуха: борозду он вел ровно, и лошадь слушалась его негромкого, но внушительного окрика.

Не знал Юрка, как дорога была эта борозда для Михаила, как радостно и трудно идти ему за плугом. С таким же страхом и восторгом ребенок делает свои первые шаги, или взрослый человек, пролежавший без движения долгие месяцы, с таким же замиранием сердца первый раз встает на ноги и шагнет от больничной койки. Сразу стало жарко, и Михаил рывком расстегнул верхние пуговицы рубахи. Он шел так, словно это было главное испытание, от которого зависит все.

- Получается, - пробормотал он себе под нос и через минуту повторил громче и уверенней. - Получается!

- Но, серая! - крикнул он на лошадь. - Прямо давай!

В эту минуту он забыл обо всем на свете и видел только небольшой клочок земли перед плугом, влажную, мягкую борозду за ним и сам плуг, остро разрезающий землю.

- Хорошо! - сказал он и счастливо вздохнул.

Юрка оглянулся на старицких - Женька Дадыкин здесь. В присутствии Женьки он чувствовал себя беспокойно. От него всегда ожидай какой-нибудь пакости: или словечко ядовитое отпустит, или просто смотрит нахально и скалит зубы.

Женька - младший из братьев Дадыкиных, а все они, как один, отличались сволочным характером, за что и прозвали их Крючками. Где драка, там и они, а где они, там и драка. Весь интерес для них на гулянье - подговорить кого-нибудь побить, затеять свалку. Одним словом - Крючки.

Теперь старшие переженились, остепенились, гуляет один Женька. Ростом он невелик, но жилистый, крепкий. Братья его - мужики крупные, сильные, подстать отцу, а Женька в мать задался и фигурой, и глазами - они у него маленькие, желто-зеленые, как конопушки.

Давненько не виделись они с Женькой, с зимы, с того вечера, когда подрались из-за Наташи. С тех пор Крючок не появлялся в Микулинках, но наверно не забыл того, что наобещал тогда, уходя:

- Смотри, падла, я с тобой поквитаюсь!

Теперь он выжидает, когда случай хороший подвернется, чтоб не один на один, а скопом на одного. Тут он сразу становился храбрым...

- Здорово! - послышалось вдруг сзади.

Юрка оглянулся - Крючок подходит.

- Чего тебе?

- Потолковать надо.

- Толковали уже, - Юрка усмехнулся, намекая на драку, которая была у них зимой.

Это не понравилось Крючку. Он чуть побледнел, так что конопушки возле носа стали заметнее.

- Давай еще раз потолкуем.

- Давай, - согласился Юрка.

Старичкие парни смотрели на них издали, но подходить не собирались. Значит, ничего серьезного у них не задумано.

- Может, у тебя какие новости есть? - Женька натужно усмехнулся.

- Может и есть. А тебе что?

- Жениться не собираешься еще?

Юрка промолчал, скучающе глядя в сторону.

- Да поговори со мной, Юр, - подначивал Крючок. - Что ты загордился-то? И не разговаривает!

Вот так привяжется, будет твердить одно и то же - это уж его манера. Противно слушать, противно видеть эту рожу.

- Тебе скоро в армию, Юр? - приставал Женька. - Как же ты уйдешь, а девушку свою оставишь? Она за это время знаешь каких делов натворит!..

- Иди паши, - сказал Юрка и отвернулся от Крючка.

А тот засмеялся, словно сказал и в самом деле что-то очень смешное, и пошел на свое поле.

Пастух уже возвращался назад. Он внимательно глянул на Юркино лицо:

- Друг к тебе приходил, да?

Юрка кивнул утвердительно.

- Я сразу догадался. Сошлись вы с ним нос к носу. Я думал, задеретесь.

- Да не, куда там! Некогда.

- Смотри, накостыляет он тебе. Паренек, видно, задиристый.

- Костылять я тоже умею.

- Так-то оно так, а ему друзья помогут. Вон их сколько.

- У нас тоже ребята ничего. Да ты, небось, поддержал бы нас, а?

Пастух покачал головой:

- Наверяд ли...

- Смотри, не прогадай, - предостерег Юрка. - У нас такой закон: если так, то мы тоже в сторонку отойдем, когда тебя бить станут.

- Ну и правильно, - миролюбиво заметил пастух. - Пусть лучше поколотят.

И он тотчас заговорил о другом:

- Ты зря взнуздal лошадь. Она и так хорошо вожжей слушается. Только прикрикни, и она постромки рвет.

Он вынул удила изо рта Серухи, ласково погладил её морду.

- Жалко стало? - усмехнулся Юрка.

- Хорошая скотина. Её жалеть надо.

- А у тебя неплохо получается, - похвалил Юрка пастухову работу.

Похвала обрадовала Михаила.

- Я уж думал, что забыл начисто, как пашут, - признался он. - Сомневался: вдруг не выйдет ничего! Времени много прошло, как за плуг не брался. А смотри-ка, получилось терпимо. Не хуже, чем у добрых людей, верно?

Глава десятая

Николай Старовер оставил лошадь на поле и пошёл к канаве - перекур. Тотчас, как по команде, кончили работу и другие пахаря - только того и ждали. Пришел посидеть на канаве и пастух. Его так и тянуло к пахарям и не хотелось возвращаться к стаду, где подпасок Женька то и дело хлопал кнутом и громко покрикивал. Пасти скучно, хочется настоящей работы, пускай потяжелее, зато интересней.

Николай прошелся краем поля, хмуро сел, вынул кисет и, свертывая сигарку, сказал Рыжему:

- Ты, Ванька, огрехов наделал. Руки обломать мало за такую работу. Парень ты молодой, когда научился так погано пахать? Это у тебя не оттого, что не умеешь, а от лени. Вот сейчас покурим, исправь, что напакостил.

- Да где ты увидел, дядь Николай? - взаправду разобиделся тот, словно на него возводили явный поклёп.

Васяку Рыбина смех пробрал от неподдельного Ванькиного возмущения. А тот пробормотал в сторону:

- Это бригадирово дело - указывать, как пахать. А то каждый будет тут... Не так, да не этак.

Николай услышал и сказал миролюбиво:

- А я тебе повыше бригадира буду - член правления. Окромя того, постарше тебя раза в четыре. Вот так-то. Ты, парень, не ворчи, а слушай, что старшие говорят.

Ванька замолчал. Парни улыбались каждый про себя: сейчас

Старовер прочитает мораль Рыжему, уж на этом не остановится. Так оно и получилось.

- Главное, все делать честно и справедливо, - заговорил Николай. – Большие дела и маленькие - все надо делать одинаково хорошо. И не похвалы ради – на похвалу или какой другой интерес не оглядывайся. Узнают люди про твое старанье или нет - дело десятое. Вот ты, Ванька, клиньев наделал на пашне, и думаешь, что бригадир не заметит, а мы не узнаем. Могло бы и так случиться. А ведь ты не нас обманул бы - самого себя. Я, вам, ребята, давно толкую: самих себя уважайте и берегите. Не плоть свою надо беречь, а душу. Ты родился, Господь дал тебе ее чистой, без пятнышка. Для чего? Чтоб ты жил и радовался, чтоб счастье знал. Бесчестному да бессовестному человеку нет счастья на свете. Пусть даже он богат или при большой должности. Нету и все. Счастье в чистоте душевной, и ты себя ложью да обманом не оскверняй. Душа хлипкая, нежная. Один раз поганое дело сделал - царапина осталась навсегда, второй раз - вмятина, подлость совершил - пятно на душе. Можно так её испохабить, что была она родником чистым, а станет поганим местом. И не человек ты тогда, и нет тебе радости на свете. Так-то, парень. А ты говоришь, не мое дело.

- Ну, завелся! - пробормотал Ванька-рыжий.

Было заметно, что никто из ребят не воспринимал Старовой проповеди всерьез. Все сидели и посмеивались.

Иногда Николая занятно было послушать: как начнет про красоту души да про землю обетованную - получше всякой сказки.

- Душу беречь надо не только от обмана да лжи. Вот хоть спиртное или курево. Баловаться никак нельзя этим: прокоптится душа, запахом провоняет.

- А сам-то куришь, дядь Николай, - напомнил ему Васяка.

- Верно, курю, парень. Черт меня с измалетства попутал с этим делом. А как я в разум вошел, не мог бросить, и сейчас не могу, поздно. Это ты верно про меня сказал, а сам-то не кури.

- Не буду, - Васяка бросил в сторону окурок, который уже обжигал ему пальцы. - А то и в самом деле, может она и впрямь подзакоптится, душа-то, а мне ее на выставку везти.

Раздался общий смех. Пастух, внимательно слушавший Старовера, сказал сердито:

- Чего вы ржете! Старик хорошо говорит.

На него оглянулись, поталкивая друг друга локтями: смотрите-ка, и этот заодно со Старовером, и этот такой же чудак. Однако смех сразу погас. А Николай невозмутимо продолжал:

- Это ты правильно сказал, Василий, про выставку. Помрешь, прилетит твоя душа к Господу, а он молчит: что такое, почему больно грязно? И всего-то прожила в человеке земной жизнью лет полста, а уж так попортилась. Надо, скажет, наказать этого грешника.

- В ад, что ли, пошлет?

- Что ад! Про него попы выдумали. В том аду, про который они врут, страдания телесные. А ты, подумай, разве могут быть телесные страдания у души, которая стоит на Божьем суде? Ведь тело человека в земле истлевет. У меня вон поясница сейчас, словно иголками раскаленными вся истыкана - больно. А я ничего, не жалуясь, еще и пахать выехал. К такой боли привыкаешь, её терпеть можно. Гораздо тяжелее муки душевные. Заметьте, ребята, никто еще из-за телесной боли не накладывал на себя руки. Вешаются да травятся только от муки душевной, потому, что стерпеть её мочи нет.

- Верно, - кивнул пастух и даже кулаком по земле пристукинул. - Когда душа болит - это самое тяжелое.

- Вот вложит её Бог в свинью, не будешь живой речи иметь, в дерьме своем станешь валяться, собственных детей пожирать. Или собакой сделаешься - сиди на цепи, скули. Каждый будет тебя ногой пинать, а ты подметки лижи. Это похуже всякого ада.

- А если у меня чистая душа окажется? - спросил Васяка с любопытством.

- Уж я не знаю, не моего ума дело. Может, в птицу какую тебя переселит - в соловья или жаворонка.

Когда Николай начинал говорить о птицах, лицо его смягчалось и из строгого становилось по-детски глупым и удивленным. Так, кажется, сейчас и пустит слюнку от умиления.

- А соловья коршун слопает вместе с душонкой, - зло заметил Ванька-рыжий.

- Господь не допустит, - убежденно возразил Старовер. - Ты знай, ничего на этом свете не бывает просто так. Все только с виду кажется случайным, а как раздумаешься - нет, и тут и там смысл глубокий и мудрый закон. Коли коршун слопает, значит, так Богу угодно, опять он хочет посмотреть, как ты на белом свете живешь, честен ли ты в своей земной жизни. А много ли у птахи небесной грехов! Перейдет душа в другую птицу, опять станешь песни петь. Проснешься утром на ветке - небо розовое, солнышко вот-вот встанет, роса на траве, на листьях... И защелкаешь, защебечешь, рассыплешься. Солнышко будешь славить. Потому, ребята, никогда не обижайте зверя какого или птицу, в них душа человечья.

Юрка, улыбаясь, покрутил головой: занятный старик Николай Старовер. Эва, что выдумал! Такую бы сказку на ночь - спать хорошо.

- И не людей надо бояться, не молвы или осуждения людского, не перед людьми прежде всего ответ держать, а перед своей совестью. Потому и честность во всем нужна: в работе, в обращении с людьми, со всякой живой тварью и даже с самим собой. Вы думаете, ну-ка, если все люди станут по справедливости жить, а? Что тогда будет?

- Обетованная земля, - подсказал Юрка, который рассуждения эти слышал уже не однажды.

- Правильно, земля обетованная. Так она не в раю на небесах, как попы говорят, здесь будет.

Николай широко повел рукой, и слушатели невольно оглядели все вокруг - и поля, и перелески, и деревья, что видны были отсюда.

- Вот вам и будет рай. Если мы станем честно трудиться - хлебом обзавалимся. А ты, Ванька, клиньев наоставлял. Разве выра-

тет что-нибудь путное на твоей пашне?

- Вел, вел и вывел, - проговорил Рыжий опять в сторону.

Но на этот раз он не встретил сочувствия.

- Эх, что говорить! - вздохнул Старовер. - Много можно всякого добра сотворить своими руками и без Божьей помощи. Никакого тебе рая - все здесь, на нашей земле, и другой такой нет.

- Есть, старик, - вмешался пастух. - Я одного человека в лагере знал, профессором был на воле, так он рассказывал, что есть другие планеты и на них тоже люди живут.

- Может и есть, - спокойно согласился Старовер. - Значит, Господь и другие места заселил душами живыми, и тоже испытывает их. И там такая же, как наша, земная жизнь.

- А для чего это ему надо-то? - спросил Афоня. - Зачем он эти души создает, а потом испытывает? Сколько нас! За всеми присматривать надо, каждого рассудить. Без нас Богу было бы спокойнее.

- Так надо, - уклончиво сказал Николай. - Это Божье дело, не нашего ума.

Лицо Старовера, окаймленное густой бородой, задумчиво и спокойно. Очень уж видная внешность, и говорит он убежденно, веско. А если б не это, ходить бы ему в деревне в чудаках, дразнили бы и смеялись над ним, потому что ни один нормальный человек таких речей не говорит. А Николая уважают и даже немного побаиваются: он знает многое, чего не знают другие, и понимает такое, что другим недоступно.

- Ладно, курить нельзя, пить тоже, а вот с девками гулять можно? - весело спросил Васяка.

Парни с выжидательными улыбками уставились на Николая: ну-ка, а теперь что он скажет?

- Это не возбраняется, - сказал тот, не раздумывая долго. - Не мы выдумали, так уж устроено. Ну, только опять-таки честно и справедливо, чтоб любовь была между парнем и девкой, красота и благородство. Обижать нельзя и обманывать нельзя, а то счастья не будет. Вот так, парень. Во всё надо праведно жить. Если

бы люди это поняли, не было бы горя на земле, не было бы драк или войн.

Ага, сейчас конец проповеди: про войну заговорил. Тут он обычно умолкает и задумывается глубоко и надолго.

На войне у Николая погибло трое сыновей. Юрка немного помнил их, - красивые были парни, рослые, сильные, один к одному. Старший был хорошим гармонистом. Как сейчас перед глазами: идут они по деревне - старший посредине с гармонью, двое младших по сторонам плечом к плечу. То-то женихи были! Вот кому пахать бы сейчас землю, сеять хлеб!

Война пресекла Староверов род, некому теперь продолжать его. Остались они с Матреной осиротевшими, как две птицы у разоренного гнезда.

Николай замолчал, затоптал окурок и, не сказав ни слова, направился к своей лошади. Пастух вскочил:

- Старик, ты посиди, я попашу за тебя.

Николай остановился, кивнул:

- Ну, что ж, попуши. Я замечаю, тебя к крестьянской работе тянет, а пастушество тебе не личит. Женился бы ты, парень, хозяйство заводил. Чего без толку тебя по свету носит?

Глава одиннадцатая

Со второго дня скотину стали выгонять с рассветом. По утрам подпасок Женька долго не мог оклематься после сна, был вял и нерасторопен и приходил в себя только за деревней - не привык еще вставать рано. Одевался он плохо: драная шапка с торчащими ключьями ваты, словно по ней дробью стреляли, грубо заплатаемое пальто, на ногах валенки, бесформенные от старости, и калоши на них, много раз клеенные - живого места нет.

По мере того, как солнце поднималось по небосклону, все эти вещи начинали тяготить Женьку, и он бросал их в разных местах, сначала пальто с шапкой, потом валенки с калошами, а потом и пиджачишко. К полудню он был уже раздет до рубахи, штаны за-

сучивал до колен, чтоб не мешали бегать... А к вечеру, когда гнали стадо домой, Женька в обратной последовательности собирал и надевал на себя брошенное.

Он вечно непричесан и не умыт, и давно не стрижен, но парнишка был боевой, курил и матерщинничал, чтоб побольше походить на взрослого. По той же причине разговаривал солидно и рассудительно.

Он бегал в подпасках уже третье лето, умел безошибочно определять время по солнцу, быстро отыскивал заблудившихся в лесу коров, умело управлял стадом и один, когда Михаил уходил куда-нибудь.

Дни росли, каждый прибавлял по капельке времени. Весна полновластно хозяйничала на земле, согревала её, украшала, будила в ней скрытые силы. Травы на пастбищах было еще мало, коровы не наедались за день. Они рыскали по лугу, то и дело поднимали головы и смотрели туда, где лакомо зеленела озимь. Чуть зазеваешься - во весь мах устремятся туда, и тогда может случиться сразу две беды: и озимь попортят, и сами объедятся, подохнут.

Озимь были - любо поглядеть. Михаил иногда подходил к полю, присаживался на корточки, гладил ладонью недавно поднявшуюся щеточку будущей ржи и что-то соображал, шевеля губами. В такие минуты подпасок Женька наблюдал за ним с удивлением: «Чего это он?.. Вот чудак!»

- Ты что, птенцов нашел? - спрашивал он Михаила, но тот не слышал его, или не хотел отвечать.

К новому пастуху Женька никак не мог привыкнуть. Старшой удивлял подпаска своей молчаливостью и тем, что вёл себя иногда очень странно. Он частенько впадал в задумчивость, и тогда спроси у него что-нибудь - будет смотреть на тебя, как на пустое место, и вопроса не слышать. Еще удивляла Женьку привычка старшого сидеть на корточках. Нет бы отыскать пенёк или пригорок - так он где придется опустится на корточки и будет сидеть так хоть час, хоть два. Кажется, ноги отсохнут и не разогнутся потом, а Михаилу хоть бы что. Сам подпасок при всяком

удобном случае вальнется на бок и лежит, а старшой подойдет и - на корточки.

- Ты почему так всегда садишься? - спросил однажды Женька.

- В карцере подолгу гостил, - объяснил Михаил. - Знаешь, что такое карцер?

- Не знаю, - соврал подпасок, рассчитывая, что сейчас ему что-нибудь да расскажут.

- Ну и лучше так-то, - заметил старшой. - Там пол сырой, не присядешь и не приляжешь.

И больше ничего не добавил.

- В Старице Генька Чикин три года отсидел, так ему тюрьма мать родная. Я сам слышал, что он так говорил.

- Или врет, или дурак, - кратко сказал на это Михаил.

Он нахмурился и вовсе замолчал. Теперь к нему лучше не лезть с расспросами.

Скучно с ним: любит быть один, никогда не подойдет к подпаску, не заговорит. В то же время он все больше нравился Женьке. Слова ласкового от него не жди, но позаботится: то перед дождем Женькину одежду спрячет под дерево, чтоб не замочило, то от завтрака хороший кусок ему отделит.

Старик Игнат был не таков. Тот, наоборот, поговорит мягко, а сделать что-нибудь хорошее - не жди от него. Более того, за какое-нибудь озорство пожурит ласково, а потом пожалуется матери, и та выпорет Женьку. А вот новый старшой не таков, потому любую просьбу его подпасок выполнял с радостной готовностью.

Пастбищ в Прямухине мало. Сразу за деревней начинался неширокий выгон, огороженный с двух сторон пряслами. Здесь не разгуляешься, только-только стаду пройти. За выгоном - низинка с плохой травой, где росла почти одна осока. Один край её болотистый, а с другой стороны она упиралась в лес. Впрочем, это был не лес, а не поймешь что: кое-где стояли раскидистые ели, кривые сосенки, а между ними заросли ольшняка, обширные поляны, старые дороги, мелкие пруды и ямы. Здесь стадо паслось до полудня.

Женька пел песни, громко материл блудливых коров, делал свистки и дудочки, плел новые лёски для кнута - их у него болталось на поясе с десяток. В этом деле он достиг высокого мастерства, - лёски у него получались тугие, хлесткие, красивые. На них Женька выторговывал в деревне у мальчишек то долю ватрушки, то ломоть хлеба со сметаной.

На полдни ставили стадо на опушке леса, как и во все прежние годы. В этом месте земля утоптана и гола, завалена старыми коровьими лепешками, которые собирали вместо дров на костер. Каждый день Женька пек в золе сорочьи или дроздиные яйца, предварительно окунув их в канаве в воду: не насиженные ли?

Пастух с подпаском обычно располагались на небольшом холме, где можно было полежать - земля здесь всегда сухая и теплая. Женька заваливался спать, а Михаил плел корзины из тонких еловых корней. Обедать в деревню они не ходили, обед им приносили сюда хозяйки, приходившие доить коров.

Вот старшой перешел на житье к Роману Бугаенкову и сразу почувствовал разницу: румяная, приветливая жена кузнеца дала ему на завтрак бутылку молока с ватрушкой - хорошей ватрушкой, у которой творог не пополам с картошкой, как у других, чистый творог, без примесей. Мало того, в свертке оказался пирог с яйцами и кашей, хоть и успевший немного зачерстветь, но еще вкусный, празднич-ный. Пастух, никогда не наедавшийся досыта, был рад лишнему куску.

- Ты, Жень, осторожней с коровой Романа, - пошутил он. - Не больно её стегай, даже если в сторону побежит.

- Корова не скажет, - улыбнулся Женька.

Он завидовал старшому: тот попал на житье к кузнецу - дом богатый, пастухам жилось там сытно. Кто-кто, а Женька знал про это.

Глава двенадцатая

Первыми на полдни приходили доярки. Самая нарядная среди них - Дуня. Она то и дело смеялась, шутила, проворно ходила по стаду и первой кончала дойку.

- Дунь, ведь не выдоила до конца, - упрекнут ее иногда.

Она беспечно махнет рукой:

- Ну да, скажете тоже!

И садилась в ожидании, когда приедет молоковоз Иван Марасанов с бидонами. Каждый день утром и в полдень возит он по четыре- пять бидонов на Крутецкий молокозавод. Сидела, семечки щелкала, охорашивалась.

Обед Михаилу в этот раз принёс Петька Паничев, босой, в обтрепанных штанах, но в новой красной рубахе. Поставил корзину на траву и доложил:

- Тетя Настя Бугаенкова прислала, велела есть на здоровье.

- Молодец тетя Настя. А почему она тебя послала?

- А сам напросился.

- Ты тоже молодец.

От деревни реденькой цепочкой шли бабы с подойниками. И видно, как от скотного двора отъехал, погромыхая бидонами, безногий Иван Марасанов.

К Михаилу подошла Дуня.

- Ох, руки отвалились, - сказала она.

- Посиди, отдохни.

- Вон молоковоз едет. Надо молоко сдать да свою корову подоить.

Дуня села, пристально глянула на спящего Женьку. Тот спал с открытым ртом, гнусаво похрапывая.

- Ну-ка, Петька, заверни вон ту рыжую корову.

Петька подхватил длинный кнут и побежал, отчаянно мотая локтем левой руки, правой тащил за собой тяжелый, намокший болотной водой кнут. Красная Петькина рубаха пузырилась на спине.

Дуня заговорила про какую-то корову, у которой один сосок

не доит и надо бы её ветеринару показать. Она сидела, вытянув ноги по скату холма, поправляла обеими руками волосы, зажав заколки в губах. Потом она вынула изо рта последнюю, обернулась к Михаилу:

- Ты, говорят, как монах, живешь. Гулять вечером не ходишь, на наших девок не смотришь.

- Все-то ты знаешь, - помолчав, отозвался пастух.

- Разговоры слышу. В деревне, как водится, всякого нового человека надо оглядеть и обсудить. И о тебе тоже судачат.

Она опять оглянулась на спящего Женьку, словно опасаясь, что он может услышать. А ей хотелось сказать Михаилу что-то, ради чего она и подошла к нему.

- Ты корзины умеешь плести?

- Могу, - сдержанно отвечал он.

- Сделай мне, по грибы ходить буду.

- Что ж, ладно.

- Небось в долгу не останусь, - добавила она лукаво.

Михаил посмотрел на неё, улыбнулся:

- Тогда я две сплету.

- Не надо. Хватит и одной.

«Ну, вот и договорились, - подумал Михаил, пряча веселую усмешку. - Ишь, как легко! Словно так и надо. Однако, смелая баба».

- Завернул, дядь Миш! - кричал издали Петька.

- Ай! - вдруг вскрикнула Дуня, глядя на мчавшегося парнишку: от стада на Петьку нацелился бык.

В ту же секунду Михаил сорвался с места и кинулся навстречу им.

- Петюшка, смотри, забодёт! - заголосила сзади Дуня. - Убегай! Убегай!

Петька обернулся и тотчас, словно подхваченный ветром, побежал от быка, запнулся, упал, покатился, как мячик, снова вскочил и опять побежал. И бык, угнув рогатую голову, перешел на тяжелый галоп, надвигался огромной глыбой. Красная Петькина рубаха дразнила его, он глухо заревел. У тех, кто услышал этот

рев - мороз прошел по коже. Все невольно вздрогнули и онемели: бык настигал мальчишку.

Катя Паничева издалека увидела беду и, бросив подойник, тоже закричала и побежала к сыну. Но она была слишком далеко, и ничем не могла помочь. Прежде, чем её отчаянный крик дойдет до сознания разъяренного быка и отвлечет его внимание, он уже поддаст рогами Петьку да еще и копытами стопчет. Все это понимал Михаил и бежал изо всех сил, перемахивая через кусты можжевельника, через холмики и ямы с болотной водой. Бык заметил его в последний момент, чуть приостановился, и тут пастух налетел, успел схватить левой рукой за рог, а правой с размаху ударил кулаком в бок. Бык крутнулся, отшвырнул пастуха, испуганно взмыкнул и, забыв про Петьку, резко побежал к стаду.

Михаил, тяжело дыша, поднялся с земли, проводил взглядом убегающего быка и стал отряхиваться. Он видел испуганные лица доярок и, кажется, только теперь до конца осознал, что бы сейчас могло произойти.

- Господи, чуть беда не случилась, - заговорила, наконец, одна из них.

- Вот уж молодец парень! - тотчас подхватили и другие. - Надо же, какой бесстрашной!

И Дунин голос присоединился к общему разговору:

- Если б не Михаил, не жилец бы Петюшка.

Катя Паничева подбежала к сыну, обняла его, потом дала крепкий подзатыльник и опять обняла. Петька от подзатыльника поежился, а сам всё смотрел в сторону быка.

- Разве можно такого людоеда в стаде держать! - плача, говорила Катя. - Он и взрослого укатает, не то, что парнишку малого.

Пастух потер ладонью потное лицо, словно хотел отогнать стоявшее перед глазами наваждение. Он был бледен, но уже улыбался, неловко и словно бы виновато.

- Спасибо тебе, Михаил, уберег моего сынишку, - горячо поблагодарила Катя, глядя на него радостными глазами.

- Ничего... Не за что... Что, Петр Семеныч, испугался?

Петька только кивнул в ответ.

- Я, брат, тоже перетрусил. Дело нешуточное.

- А я как побегу! А он как за мной! - говорил Петька, вздрагивая всем телом.

Он оглядывался вокруг, чувствуя себя в новой роли - все на него смотрят, все о нем говорят.

- Это он тебя за рубаху, - пояснил пастух. - Она у тебя красная, а ему кажется – это кровь. Никогда не надевай её, если в стадо идешь.

«Бить меня надо, - подумал он про себя, нахмурившись, - пустил мальчишку коров завернуть, не сообразил... Все из-за этой чертовой бабы. Хорошо, что успел, а не успел бы ...».

Катя поспешно сняла с сынишки рубаху, строго сказала:

- Не подходи близко к стаду, свинёнок ты этакой!

И пошла за брошенным подойником.

Подпасок Женька все так же мирно спал. Пастух принялся за обед. В корзине, принесенной Петькой, оказался солдатский котелок со щами, миска с гречневой кашей и бутылка топленого молока. Хлеба была положена целая краюха.

Бабы все еще обсуждали происшедшее.

- Ты поставь свечку Николе-угоднику, - внушала Кате самая богомольная.

- Михаилу надо свечку-то ставить, - сказала Дуня громко, чтоб и он слышал. - Угодники тут ни при чем.

- Тише ты, грех.

- А я как побегу! - ещё раз повторил Петька.

- Ладно тебе, Петр Семеныч, - сказал Михаил. - Не слушай ты их. Чему быть, того не миновать. А ты садись-ка со мной обедать.

- Нет, не хочу, - Петька отрицательно замотал головой и отодвинулся.

- Стесняешься ты, парень, а зря. Корову ходил заворачивать в стадо? Ходил. Значит, не чужое будешь есть, а свое, заработанное честным трудом.

Волнение из-за недавнего происшествия постепенно улеглось. Успокоился и Петька, его уже интересовало другое:

- Дядь, Миш, а расскажи, как ты в тюрьме сидел.

- Да брось ты, Петр Семеныч, про это вспоминать. Что было, то прошло. Давай поговорим про что-нибудь хорошее. Ты в школу скоро пойдешь?

- Нынче осенью... Дядь Миш, а мужики наши говорили, что тебя надо еще попытать, что ты за человек.

- Вот как! - удивился Михаил. - Хм... Интересно, зачем это им надо.

- Не знаю, - Петька пожал плечами. - Я рядом с ними сидел возле Давыдовых. Они говорят: надо его попытать.

- Разве я им мешаю? - в раздумье произнес Михаил. - Жили бы себе спокойно, так нет, надо им еще что-то... Вон сколько работы всякой: землю надо пахать, хлеб растить.

Иван Марасанов остановился неподалеку и, припадая на деревянную ногу, стал снимать пустые бидоны на землю. К нему подходили доярки с полными ведрами в обеих руках и хозяйки с подойниками - те, что сдавали полдённое молоко в счет налога.

- Господи, - сказала одна из них, - сдаю уж сколько времени, а только тридцать литров. Было бы и больше, да скостили из-за жирности. У моей ли Красотки молоко не жирное!

- Ох, а всего-то сдавать двести семьдесят литров, - вздыхала другая. И не верится, что считаешься. До самой осени хватит носить.

- Козу покупайте, - советовала им Катя Паничева. - Тут никакого налога платить не надо.

Михаил аккуратно сложил в корзину всю посуду, закурил.

- Дядь Миш, - приставал к нему Петька. - А как ты корзины плетешь? Меня научи, ладно?

- Учись, - рассеянно отвечал тот. - Видишь, сначала толстый прут - это обруч будет. Состругиваешь с одной стороны, чтоб легче согнуть - вот и получилось колесо...

- Ты, Дунька, чтой-то больно наряжаться стала, - говорили в толпе женщин, сдававших молоко безногому Ивану. - Что ни день, то у нее новое платье. Откуда у тебя столько?

- Платья старые, девичьи свои перешила.

- Ну да, мы все и девичьи твои помним. А фартук этот ты, бывало, только по праздникам носила, а теперь и в будние дни надеваешь.

- А когда же мне и рядиться, бабоньки? Скоро вовсе составлюсь, а пока похожу нарядная.

- Зато ж любо-дорого глядеть на нее! Она и в девках такой красивой не была.

- Как наступит сорок пять, баба ягодка опять.

- Мне и сорока-то еще нет. Чтой-то вы меня старите!

- А ты зачем это, Дунь, к новому пастуху нынче подсаживалась? За ласковым словом?

- Будет вам, бабы! У меня две дочери на выданье, и сын жених.

- Рассказывай! Заговаривай зубы кому другому, а у нас не болят.

Пастух прислушивался к разговору и хмурился.

- А дальше как, дядь Миш? - приставал Петька.

Он глаз не спускал с рук пастуха, так ловко и крепко собиравших основу корзины.

- Теперь берешь другие прутья и обвиваешь вокруг обода, будто узелок завязываешь. Вот так. Это основа будет. А теперь плети корзину. Сразу не научишься, Петр Семенович, терпенье нужно. Девять корзин будут плохие, десятая хорошая. Вот так... Ты мне рассказывай, что про меня толкуют мужики, ладно?

- А зачем?

- Интересно знать. А что мне передаешь, про то не говори никому. Это будет наша военная тайна, понял?

Михаил глянул на молоковоза: Иван Марасанов подступил к бидону, захлопнул крышку, взялся за ручки. Видно, до войны он был здоровяком, но теперь деревянная нога плохо служила ему. Он приподнял бидон, шагнул и тотчас споткнулся. Лицо его побагровело, то ли от усилия, то ли от стыда.

Пастух поспешно отложил корзинку в сторону и поднялся:

- Погоди, Иван! Сейчас я подсоблю.

И пошел помогать Ивану Марасанову поставить бидоны с молоком на телегу.

Глава тринадцатая

Михаил сидел на лавке, плотно привалившись спиной к стене и полузакрыв глаза. Не хотелось шевелиться, а сидеть бы так долго-долго, хоть до самого утра. Дремотное оцепенение овладевало усталым телом.

Были уже сумерки, но огня в избе не зажигали. В боковое окно еще светила золотая заря, слабо отражаясь в стеклах двух настенных портретов, а кто был изображен на них, уже не рассмотреть. Тьма густилась по углам, на печи, чернела сквозь распахнутую дверь в сени.

Пастух терпеливо ожидал ужина. Хозяйка припозднилась: пока поливала грядки в огороде, пока кормила да укладывала спать двоих набегавшихся за день сыновей, да управлялась со скотиной - корову с овцами во двор загоняла, поросенку давала корму, поила двух телят-близнецов - уж и темно. И Роман задержался где-то, явился только что.

Диковинное дело – в доме кузнеца оказался радиоприемник. Это был единственный на всю округу радиоприемник, каких не было даже у председателей, вроде Колманова или Якова Дадыкина. Сейчас перед ним сидел сам хозяин и вдумчиво крутил колесико настройки, зачем-то трогал проводки, идущие от батарей, шепотом читал названия городов на щитке. Он ничего не искал в эфире, просто хотелось похвастать перед новым человеком диковинкой - радиоприемником.

Не из страсти к развлечениям и не из интереса к политике купил его Роман, а просто из тщеславного желания быть первым, единственным владельцем приемника во всей округе. Хотелось, чтоб говорили о нем во всех окрестных деревнях:

- Богато живет прямухинский кузнец Роман Бугаенков. Радио у него есть.

Странно было пастуху слышать в этой бревенчатой избе нерусскую речь, что-то отдаленно напоминающее бульканье воды, птичий щебет, посвистывание, мелодичный перестук, словно падали куда-то стеклянные сосульки или кто-то трогал звонкие струны. Все эти звуки лишь чуть-чуть напоминали привычные земные звуки.

Иногда в избу врвался громкий треск, и тогда Роман пояснял:

- Гроза где-то идет.

Иногда же казалось, что в этом маленьком ящике со вздрагивающим зеленым глазком дуют, тоскливо завывая, могучие ветры, шумят вьюги, рокочут моторы неведомых машин. Иногда сквозь хаос звуков пробивалась морзянка, приближаясь откуда-то из невообразимой глубины, того и гляди вылетит из приемника какой-нибудь маленький, светящийся пузырек, но морзянка снова уплывала в неведомый мир... И вдруг раздалась русская речь, такая ясная, чистая и родная, и это было так неожиданно, что пастух невольно встрепенулся, стяхнув сонливость.

Кто-то протопал по крыльцу, по сеням и вошел в избу. Темная фигура выросла на пороге, кашлянула и сказала голосом Колманова:

- Здравствуйте, хозяйева!

Роман тотчас приглушил свое радио.

- Проходи, Лексей Иваныч, садись.

- Ничего, крути свою шарманку, - сказал председатель и прошел к передней лавке, сел. - Я просто так заглянул.

Видимо он очень устал, потому что сел тяжело и тотчас оперся локтями в колени, кисти рук бессильно свесились. Роман стал торопливо зажигать всячую лампу-молнию с абажуром. Хоть и спешил, а зажигал осторожно, берег дорогое стекло: такое не вдруг достанешь в городе. Ладонь его закрывала целую стену, голова легла на переборку от пола до потолка. Он прибавил фитиль, изба осветилась, и свет был так ярок, что резало привыкшие к темноте глаза. Стены словно раздвинулись, стало просторнее и приветливей в доме, и все видно.

У переборки стоял старинный комод с висячими бронзовыми ручками, кровать, тоже старинная, как видно, тяжелая, словно литая из чугуна. Пол застлан плотно половиками. В остекленных рамах на стене - портреты Ленина и Сталина. На обоях рассыпаны ромашки и еще какие-то мелкие цветы. Яркий свет лампы и радиоприемник в переднем углу придавали избе городской вид.

Колманов достал платок из кармана галифе и высморкался с такой важностью, словно это и было главное дело, с которым он пришел к Роману. А потом уж как бы между прочим спросил:

- Сводку погоды слушал?

- Обещали на завтра ясно, к вечеру гроза в западных районах Московской области. Может, мимо нас пройдет. Жара до двадцати двух градусов.

- Ага, - Колманок кивнул, словно метеосводка по радио подтвердила его собственные предположения. - Не успел я в кузнице у тебя побывать. Как там?

- Железо полосовое кончается, - напомнил Роман.

- Надо железа доставать, - сказал сам себе Колманов.

- Дроги я починил. Остались только те, что со сломанной осью.

- И те, про которые говоришь, сделал бы, да больно своими делами увлекаешься. - Председатель поднял голову и глянул на кузнеца сердито. - Вчера обода на тележку ставил для саврасовского бригадира, нынче Василию Давыдову колун ковал.

Роман отвел взгляд.

- Ты прямо частную мастерскую открыл в колхозной кузнице. Капиталист! Гляди, я заставлю все вернуть в колхозную кассу.

В глазах кузнеца явное изумление и растерянность: откуда только председатель все знает? Как будто у него осведомители в каждом доме. Роман знает, что в таких случаях лучше отмолчаться, да и что тут скажешь, коли пойман на горячем. И он молчит, выжидает, что будет дальше. Однако пронесло: Колманов не слишком сердит, а несколько минут спустя заговорил уже о другом.

- Передок надо бы достать на железном ходу. А где его достанешь? Деревянные-то по-путному делать не умеем, быстро ломаются.

Михаил с любопытством наблюдал за ними обоими. Широкогрудый, мускулистый кузнец явно робел перед сухоньким, низкорослым председателем. «Крепко он их тут держит, - подумал пастух. - Боятся его все. А чего уж больно бояться-то?»

- Посевная идет неплохо, - вслух рассуждал Колманов. - Погода помогает. Ты, Роман, о сенокосе теперь думай. Косилку нашу еще раз осмотри, а не то люди на клеверах руки изломают. Где же руками скосить столько гектаров!

- Ножи запасные нужны, - напомнил тот, обрадованный переменной разговора. - И железа, Лексей Иваныч, любого. Пригодится.

- Знаю. Помню... У нас в Микулинках барахло железное лежит. Только просят за то косилку починить. Сделаешь?

- Это можно, - тотчас согласился Роман.

Слышно было, как во дворе Настя, Романова жена, доила корову: шуршало сено, пел подоинок под тугими струями молока, изредка покрикивала хозяйка: «Стой, Касатушка, стой!». Гомозились куры на нашести, и гортанный голос петуха выговаривал укоризненно: «Ко-ко-ко-ко!».

- Ну а ты как со стадом? - обратился Колманов к пастуху.

Михаил ответил коротко:

- Все в порядке.

- Большого-то порядку нету. Я слышал, мальчишку чуть бык не забодал?

- Стервец, а не бык! - заметил Роман в оправдание пастуху. - Что-нибудь да набедокурит, а коровы две яловые ходят. Заменить бы племенным.

- Где его достать? - возразил председатель. - Да и денег он немалых стоит, племенной.

Роман подмигнул пастуху: пронесло, мол, грозу. А Михаил подумал: «Не больно-то я испугался!».

- Доярки хвалят тебя, - одобрительно сказал председатель. -

Нынче молока побольше надаивают.

- Ничего, справляется, - вставил Роман.

- А все-таки выпасы у нас аховые, - Колманов сокрушенно покачал головой. - Наши коровы и еще больше могли бы давать, да ведь не наедаются досыта.

- Это верно, - подтвердил Роман. - На полднях им полагалось бы лежать да жвачку жевать, а они все ходят, все рыщут, траву щиплют.

- А ты, парень, вот что: гоняй стадо через лес на ту сторону. Там опушка будет - это земля гороваткинского колхоза, но она от самой Гороватки далеко. Они на той опушке свое стадо не пасут, косят там. Да ведь до сенокоса времени много. Вырастет еще у них трава, успеется. Вот ты пока и пользуйся.

- А верно! - воскликнул Роман весело, словно удивленный тем, что эта простая мысль не пришла в голову ему самому.

- Место там хорошее, - продолжал Колманов. - Ручеек небольшой течет - попоить стадо есть где. И все кусты, кусты - никто не увидит. Пару дней попасёшь - свои луга отдохнут. Через недельку опять сгоняй туда стадо.

- Нельзя, - Михаил покачал головой.

Как видно, и Романа, и Колманова удивил его решительный ответ. Роман спросил после паузы:

- Да ты что? Боишься?

Пастух не ответил, а они поняли это молчание по-своему.

Колманов насмешливо скривил губы:

- Я еще прошлым летом говорил об этом Игнату, а он побаивался: накостыляют, мол, по шее. Понятное дело - старик был. А ты-то парень молодой, здоровый, сам кому хочешь накостыляешь. Вон какой вышибала!

- Да не боюсь я, - с досадливым выражением лица сказал Михаил. - Не в том дело.

Разговор прервался, в избе стало тихо. Колманов не изменил ни позы, ни выражения лица, но что-то в нем неуловимо переменилось, и воцарившаяся тишина стала напряженной. Роман с беспокойством покосился на него и заговорил примирительно:

- Надо как-то накармливать скотину. Теперь она еще на старых клеверах пасется, а вот как западут их, что тогда? Станут коровы наши доить наравне с козой Кати Паничевой. Что тут поделаешь, надо хитрить, изворачиваться.

- На чужие выпасы я стадо не погоню, - твердо сказал Михаил.

Кузнец снова глянул на Колманова и продолжал внушать пастуху:

- Тебя не воровать посылают, а дело советуют. У горваткинских лугов много, они испокон веку с кормежкой беды не знают. Что такого, если мы у них немного попасем! А коли заметят, пожалуются - это уж Лексея Иваныча забота, как отбрехаться. Тебя никто не упрекнет и не оштрафует.

- Я не наказания боюсь. Не в этом суть.

- А в чем же дело?

- Как ни крути, а потрава на чужом лугу - то же воровство. Мне перед самим собой стыдно будет. А уж там поймают или нет, накажут или простят - дело десятое. Не хочу я впутываться, вот и все.

На этот раз Колманов не смолчал.

- Какой праведник! - он ехидно уставился на пастуха. - Перед самим собой ему стыдно! Святой угодник из лагеря к нам прибыл! - Он посуровел лицом, возвысил голос. - Чего тут себя показывать: вот какой я хороший! Ты перед девкой поди так-то покобенься, а перед нами дурочку не ломай. Небось не маленькие, понимаем, кто чего стоит.

Пастух пожал плечами:

- Я не ломаю. Говорю, как думаю.

- А мы думаем так: у нас в тюрьме понапрасну не держат. А раз ты отсидел, значит, рыльце-то в пушку, да еще и в перышках. Ишь, как дело повернул! Уж мы, вроде жулики, а он честный. Ты на таких фортелях цены себе не набьешь, капиталу не заработаешь. А что насчет честности, то нам ее у тебя не занимать. Ты думай про то, как бы коровам было повольготней, да посытней, мы тебе за это прибавку обещали - вот твой капитал. А то - «не хочу», «не погоню»!

Вошла Настя с подойником, тяжело протопала в кухонный чулан: беременна на последнем месяце, ходит валко.

- Прибавляют помаленьку наши коровушки, - сказала она отсюда, процеживая молоко. - Ишь, нынче четыре кринки полные, а вчера немного не хватило.

- Ты собери-ка нам на стол быстренько, - сказал Роман. - Там где-то бутылка стояла, от праздника осталось...

Колманов встал и надел фуражку.

- Ты куда? - спросил Роман испуганно. - Сейчас баба моя закуску соберет, посидим немного.

- Я мигом, - сказала Настя.

У нее в чулане все сразу пришло в движение: гремела заслонка печи, вилки, тарелки, сковорода. Но Колманов уже шел к двери, обернулся на ходу:

- Так я скажу микулинским, чтоб привезли тебе косилку.

- Ладно. Да посиди, Лексей Иваныч! Вот сейчас...

Настя вышла из чулана, загородила собой дверь:

- Да ты что это, председатель? Посидеть с нами не хочешь.

Посидите, выпейте понемножку, о деле поговорите.

- Куда там выпивать! - сказал тот сердито. - Посевная, а не праздник.

- Ну, чаем напою. Радио послушайте, сейчас последние известия будут передавать.

- Радио ты сама слушай, культурная будешь, образованная. А я газету читаю, там те же новости. Да ты, наверно, больше музыку да песни слушаешь?

- А ну их! - Настя махнула рукой на радиоприемник. - Одна блядня... То баба мужику говорит «люблю», то мужик бабе. И целуются то и дело. Ни стыда, ни совести.

- Будто ты не целуешься?

- Когда я - никто про то не знает. А тут на весь белый свет. И не стыдятся.

Все засмеялись, кроме Колманова, который хоть и подобрел немного, но даже не улыбнулся.

Глава четырнадцатая

Вот в этот смех и вошла с улицы Дуня.

Она сказала:

- Ишь, какое веселье у вас!

Стрельнула глазами туда-сюда, поправила шаль на плечах.

- Ты, Евдокия, отчего такая нарядная? - спросил оттаявший Колманов. - Что у тебя нынче за праздник?

- У меня, Лексей Иваныч, каждый день праздник, если со стороны смотреть да завистливыми глазами. Баба я молодая, детей вырастила и снова теперь свободна, как девка.

- Шла бы замуж, право. Экое добро пропадает даром!

Колманов отступил на шаг, иронически оглядывая пышную Дунину фигуру.

- Так ить мужика мне не подобрать, - живо возразила она.

- Какие у нас мужики! Один безногий, другой безрукий. Куда ж мне таких при моей-то фигуре!

Она коротко хохотнула и провела руками по талии.

- Один целый мужик на всю деревню - Роман. Да его жена стережет, никого к нему не подпускает близко. Я вот хожу на него хоть издали поглядеть.

- А ты молодого парня найди, - посоветовал Колманов.

- С молодого какой спрос! А вот ты, председатель, заглянул бы ко мне на огонек.

Настя, стоя у переборки, только головой качала, с улыбкой глядя на Дуню. А та, сложив руки под грудью, стояла перед сухопарым председателем и не сводила с него насмешливого взгляда. Колманов покряхтел, потом сказал:

- Не справиться. Кабы лет на двадцать помоложе!

- А может ничего, а?

Дуня оглянулась на пастуха, и тот понял, что весь этот спектакль затеян ею для него.

- Эх, жаль, что председатель у нас староват! - воскликнула она и даже хлопнула себя по бедрам. - При молодом председателе я на работу не ходила бы, а трудодни в книжке писались.

- Ты бы, Евдокия, руками так работала, как языком. Ей-богу, дело было бы лучше.

Сказавши это, Колманов заторопился к выходу, потому что знал: Дуня в карман за словом не полезет и может вовсе оконфузить. На колхозном собрании подтолкнут ее бабы, встанет она и пойдет чехвостить его, председателя, и бригадиров, да заодно и районных уполномоченных, которые тут же сидят. И ничего с ней не поделаешь. Целый президиум начальства, а одну бабу не урезонят, так и моргают глазами, пока она не кончит.

- С ума ты сошла, Дунька, - укорила Настя свою гостью, когда дверь за председателем закрылась. - Наговорила ему!

- А что такое? Больно уж вы его боитесь.

- Ты отчаянная. Что тебе не храбриться, у тебя муж полковник.

- Был полковник, а теперь и рядового солдата нету.

Она все поглядывала на Михаила, но тот сидел безучастно, словно ничего не видел и не слышал.

- Я ведь по делу к тебе, - сказала Дуня, и лицо её поскучнело.

- У тебя, вроде бы, дрожжи были, так дай мне немного.

- Ты ж недавно из города привезла! - удивилась Настя.

- Испортились они у меня. Полежали на солнышке, ну и раскисли.

- Возьми, мне не жалко.

Пока Настя ходила в чулан, Дуня мельком заглянула в зеркало, прошлась по комнате:

- Ну что вы, мужики, сидите, словно сычи? Ни тот, ни другой слова не вымолвят. Вот и приди к вам в гости. Поговорить не умеете с женщиной.

- Устали, - сказал Роман. - А ты вишь какая веселая, как будто и не работала.

- Поди-ка ты сам встань затемно, восемнадцать коров подой три раза в день, да корма им на ночь накоси, да со двора выгони, во двор загони, узнаешь, как по-настоящему-то устают.

- Тоже верно, - смиренно согласился Роман. - И у вас работы много. Значит, в тебе молодая кровь играет, Дуньха.

Настя вынесла ей дрожжи, и Дуня, чуть помедлив, ушла.

- А верно она говорит, побаиваетесь вы своего председателя крепко, - сказал Михаил.

Он как бы подразнил хозяина, чтоб подбить на разговор.

- А как же иначе! - охотно согласился Роман. - От него зависит вся наша жизнь. Ты сам посуди, как можно поперек него идти, если он распоряжается и большим, и малым. К примеру, захочет - отпустит на базар, а не понравится что ему - не отпустит, а то лошади не даст отвезти туда мешок хлеба или теленка. Опять же корова твоя щиплет колхозного овса или озими - Колманов оштрафует, а может и не оштрафовать, помилует. Как ему взглянется. Теперь такое дело возьми: нынче я живу чин чином, а случится ночью пожар, слизнет под метелку мое хозяйство - завтра к председателю со слезами пойду и с протянутой рукой. А уж там его воля, что мне в руку положить и сколько. Да и мало ли!.. Потому я тебе советую - ты человек новый, в наших местах неживалый: поперек Колманову идти - себе дороже выйдет. Да и не просто дороже, а вдсятеро. А ты против него! Нет, нельзя. Человек у власти и надо его уважать. Тебя завтра на его место поставят - и тебя надо слушаться. А как же иначе?

- А что, - спросил Михаил, - нравится вам председатель?

Роман ответил рассудительно:

- Ничего, неплохой мужик.

Он подумал, потом повторил, словно вынес окончательное решение:

- Неплохой.

- Чем же он хорош?

- Хозяин, - глубокомысленно объяснил Роман. - И людей понимает. Если с ним все по-доброму, и он добрый. Ну, а лаяться никому не след.

Михаил улыбнулся, а чему, не понятно было. То ли рассуждениям Романа, то ли своим думам о председателе.

- Разве что крутоват немного, - осторожно сказал кузнец. - Там, где можно и душевно обойтись с человеком, помягче, он на-

пролом. Это в нем с войны, тогда некогда было рассусоливать. Ну, а сейчас-то можно бы и отпустить маленько, послабже держать.

Настя стала собирать на стол: большую миску со щами, каравай хлеба, деревянные ложки с обгрызенными краями.

Сели ужинать и замолчали надолго. Только слышно было, как стучат ложки о миску, да шумное прихлебывание, да вздохи. Щи были кислые, из старой капусты, пересоленные, должно быть от мяса. В эту пору только и можно сохранить его крепко соленым.

Когда миска опустела, Настя принесла картошку со сметаной на большой сковородке и тарелку с огурцами.

Пастух незаметно поглядывал то на Романа, то на его додородную жену. У него странно щемило сердце от всего этого семейного уюта и благополучия в доме кузнеца. «Вот это и надо, - подумал он, - ласковая жена, ребятишки... дом. Тогда будет нормальная жизнь. Тогда я корнями в землю вцеплюсь и никто меня не повалит. А так... Правильно тот старик говорит - носит меня ветром то туда, то сюда».

- Ну, а как в тюрьме кормят? - заговорил Роман, усмехнувшись. - Интересно мне, поскольку ни разу там не был.

- Надо побывать, - пошутил Михаил.

- Напророчишь.

- Ничего, и там жить можно.

- И долго ты сидел?

- Я не сидел, я работал. Лес валил, сплавлиал...

- За что тебя? Шибко побил кого?

- Долго рассказывать, - нехотя ответил Михаил. - Так уж сошлось все, ничего не поделаешь...

Ему не хотелось вдаваться в пояснения, и он поднялся, чтоб избежать дальнейших расспросов.

- Что-то устал я нынче. Где вы меня спать положите?

- Сейчас постель приготовлю, - заторопилась Настя.

Когда потушили свет и хозяева легли, пастух долго лежал с открытыми глазами, глядел в темноту.

Глава пятнадцатая

Михаил больше всего дивился тому, как розно живет народ в Прямухине. И деревня-то небольшая, полсотни дворов не наберется, и все поля прямухинского колхоза можно обозреть с одного пригорка, люди живут тесно бок-о-бок, а вот поди ж ты, какие непохожие одна на другую семьи! Дело вовсе не в том, что одни побогаче, другие победней. Просто каждый дом это свой обособленный мирок, непохожий на другие. Как будто там и свет иной, и воздух особый.

У Кати Паничевой в доме чисто, тихо. Половички лежат ровненько, занавески на окнах глаженные, и пахнет топленным молоком и геранью. Пастух прожил у нее всего один, самый первый день, зато в тот день стадо пригнали домой рано, и времени было достаточно, чтобы присмотреться к Катиному житью-бытью.

Непостижимым образом все создавало здесь уют. Как будто и стены, и пол, и вся немудреная мебелишка были так обихожены и обласканы руками маленькой женщины, что теперь, согретые её теплом, излучали его.

Мир Кати начинался с крыльца. Здесь перед первой ступенькой на земле лежит дощечка, а на ней тряпица неизвестного происхождения. Но по всему видно, даже эта бросовая тряпка, предназначенная только для того, чтоб об нее обтирали с ног большую грязь, и та недавно выполоскана в пруду. А на ступеньки спущен чистый половичек, растрепанный и белесоватый от многих полосканий и от выколачивания его тяжелым вальком. И если кто-то ступил неосторожно на голый пол крыльца, так этот след чужой здесь, как грязное пятно на белой бумаге.

Мир Кати - это ласковая воркотня её по вечерам, когда она латает Петькины штаны, продранные на коленях, это там и сям неумело, по-бабьи сделанная мужская работа - полуразвалившиеся коровьи ясли, обвязанные веревкой, в которые коза её залезает с ногами, криво прибитая не оструганная доска на воротах, ведро на крыше вместо трубы.

Уйдя от Кати Паничевой, Михаил два дня прожил в многодетной семье Озеровых, и здесь ему показалось, что он не просто перешел из дома в дом за полусотню шагов, а перебрался в другую деревню, даже в другую местность - так разительна была перемена. Здесь со старухой-матерью жили две вдовы дочери, у каждой по трое детей. Семья бестолковая, все в ней, как на подбор, вздорные, крикливые - такова уж порода. Прежний глава семьи когда-то славился тем, что в крепком подпитии куражился над женой нещадно. Бывало встанет в лужу и орет:

- Марья, чего моя левая нога хочет?

- Не знаю, Кирила Петрович.

- Целуй сапог, ведьма кривая.

- Да ведь люди смотрят, - робко говорила Марья. - Стыдно мне...

- Целуй, говорю!

И Марья становилась в луже на колени, целовала мужнин сапог.

В степенном и добропорядочном Прямухине Кирилу Озерова не любили, до самой старости звали Кирьюхой. Его больно задевало это неуважение, вот он и вымещал обиду на жене. В последние годы он поутих, время пошло не такое, чтобы можно было покуражиться безнаказанно, а потом тихо и незаметно умер.

День-деньской в доме Озеровых стоял ребячий гвалт: один ревет, другой песни поет, третий хохочет - ребятишки вольные, безотцовщина. Пока пастух ужинал, они лезли к нему со всех сторон на колени, в его тарелку, в карманы, и он, непривыкший к ребятам, спешил поскорее уйти.

После чистого Катиного жилища общий беспорядок у Озеровых нагонял тоску. Во дворе, где стояла корова с овцами, было гораздо просторнее, чище и воздух свежее. А в избе дух тяжелый, застоявшийся; по утрам от плохой печи исходит сизый дым и стоит слоистой пеленой над теми, кто спит на полу. Постели никогда не убираются, просто свалены в углу. На столе грязные сковороды и плошки облеплены мухами. По словам старухи-хозяйки половики в их доме стелют только на светлое воскресенье,

то-есть на Пасху, и уже на второй день великого праздника их так «изгвоздают», что хоть выбрось.

Старуха Озерова больна, то и дело ложится на постель и стонет или ругает дочерей, Лизавету и Глашу. Дочери рослые и сильные, похожи друг на дружку, как близнецы, все делают размашисто, кидком да броском, «в сердцах». Ходят по-мужски тяжело, только половицы гнутся да поскрипывают под ногами. Они не работают, а «ломают», очертя голову, - сила есть, ума не надо.

Михаил заглянул в огород - межи у гряд выкопаны глубоченные, до глины, и мертвая, глинистая земля выброшена наверх, на плодородный слой - неужели вырастет что-нибудь на этих грядках? А возле крыльца хворост нарублен и связан в длинные снопы - неужели влезают такие в печь?

Ребятишки вечно дерутся из-за куска хлеба или плёвой игрушки, а их матери постоянно грызутся по всякому поводу и без повода. За столом, не стесняясь пастуха и детей, Лизавета попрекала сестру тем, что той «мужика надо». А в ответ звучало:

- Я за своего Василия честная вышла! А ты сколько перебрала?

Мать шипела на них:

- Хабалки! Дуры! Чтоб вы лопнули обе!

В этой семье как будто утратили представление о том, что плохо и что хорошо. Однажды за ужином трехлетний Глашин сынишка провалился под стол. Михаил хотел помочь ему выбраться, а тот, деловито пыхтя, произнес:

- Иди на фуй, я сам!

Этому даже не удивились и не засмеялись, только бабушка усмехнулась, покачала головой:

- Ох, матерщинник!..

Изба безрукого бригадира насквозь пропахла лекарством. Бутылочки с надписью «капсин» заполонили всю божницу, и с каждым днем количество их увеличивается, потому что жена бригадира на ночь растирает им поясницу. Никаких лекарств она, по видимому, больше не признает и лечится капсином от всех болезней, которых чувствует в себе множество.

Посмотреть на Ивана на улице - бодро шагает человек, уверенно глядит по сторонам и на колхозников своей бригады строго покрикивает. Настоящий мужик, солидный, самостоятельный. А домой идет - сникнет. Дома не знает, куда сесть и что сказать, и что бы ни говорил, и где бы ни садился - все было плохо, все раздражало его супругу.

И странное дело! Когда мужа не было дома, она молчала, как глухонемая, и даже хлопотала о том, что вот придет Иван и надо его получше накормить. Беспокоилась, если он где-то задерживался, то и дело выглядывала в окно. А как только он появится на пороге, так она и принимается кричать. Про то, что у него заботы об доме нету, что он бесстыжими глазами опять глядел на кого-то, что он, «кобелина старый», одно только на уме и держит, раз приписал такой-то бабе лишний воз, который она не отвезла, или лишнюю сотку, которой она не заработала.

Под эту гневную речь Иван ужинал, молча курил, думал, делал что-нибудь по хозяйству, потом ложился спать. И даже засыпая, коснеющим языком жена его выговаривала свои упреки. А утром все начиналось сначала...

Совсем иначе жили Афонины. Когда Михаил впервые пришел в этот дом, он сразу заметил, что живут здесь богато. Скотины много: корова, теленок, овец штук шесть. Еще гусей у Афониных с десяток, или даже больше, и кур много, и где-то под полом сеней хрюкает поросенок. А хозяйничала в доме одна старушка, вернее пожилая женщина, состарившаяся преждевременно. Сын её, Ванька, разумеется, не мог зарабатывать много по молодости лет, тем более его младшая сестра. А больше в доме никого и не было.

На другой день Михаилу все объяснили: оказывается, двое старших сыновей Прасковьи Афониной работают трактористами, оба они уже в годах, но жениться не спешат, работают старательно, вино не пьют, табаку не курят. Вот почему дом Афониных имеет все следы достатка. Не далее, как год назад, братья подрубали его, и теперь вон нижние венцы точат желтоватые слезки смолы. Вокруг дома поленницы отличных березовых дров, каких

хватит теперь года на три. И изгородь огорода, и крыльцо, и крыша - все крепко, добротнo.

Маленькая и немного кривобокая хозяйка крепко держит в руках бразды правления. Многочисленные хлопоты по хозяйству строго распределены между членами семьи. Пятнадцатилетняя девчонка, Ванькина сестра, доит корову, косит ей на ночь травы, стирает, моет пол, и все это старательно, проворно. А Ванька, придя вечером с работы, усталый и грязный, успевал наносить дров, воды из колодца, полить огород, и только потом уже шёл на гулянье. И никто из них не смел ослушаться матери, хотя она ни разу не закричала на них, ни разу не обругала - разве что поворчит.

Прасковья с пастухом обошлась приветливо, но это была та приветливость, от которой холодно и хочется поскорей отделаться. Михаил заметил, как хозяйка старательно запирает горницу, комод... Причем, ключи от комода она долго не могла найти. Потому не могла, догадался Михаил, что они раньше не нужны ей были, не от кого было комод запирать, а теперь чужой человек появился в доме, не доверяет. Это подтвердилось вечером, когда его уложили спать на крыльце, а дверь, ведущую с крыльца в сени и далее в избу, хозяйка заперла на засов.

Михаил не обиделся на неё. Бог с ней, у каждого свои правила жизни, пусть она живет, как знает...

Дом кузнеца Романа - пятый по счету, в котором жил пастух. Если сравнить Бугаенковых и Афониных - обе семьи зажиточные, трудно даже сказать, которая богаче. Только опять-таки и между ними большая разница: Роман живет показно - радио купил, не прочь похвастать, самого себя похвалить. А Афонины, наоборот, прибедняются. Ванькина мать любит пожаловаться бабам:

- Не знаю, во что и обувать парня. Надо бы сапоги, да денег где взять.

А Роман, если и нет денег, скажет: и могу, мол, купить такую-то вещь, да не хочу.

Глава шестнадцатая

Теперь, размышляя о том, что видел в Прямухине, Михаил почувствовал, что прижился здесь, по привычке. Он уже знал почти всех жителей деревни, а его самого знали все. Многие заговаривают с ним запросто, как с давним знакомым. Вот, например, Юрка Дунин всегда при встрече улыбнется, пошутит, за руку поздоровается.

Пожалуй, не было в Прямухине другого человека, к которому Михаил испытывал бы столько душевного расположения, сколько к этому ласковому, бесхитроственному пареньку. Почему-то с ним приятно даже о пустяках разговаривать или просто наблюдать за ним, потому что у него на лице так и написано, что он подумал или почувствовал. На Колманова глядит - взгляд настороженный, губы поджаты. А вот перевел взгляд на деда Устина, и сразу Юркино лицо изменилось, стало мальчишеским, озорным, он ждет очередной выходки Устина и вот-вот захохочет во все горло. И уж если Михаила Юрка всегда встречает улыбкой, открытой, дружелюбной, значит, можно не сомневаться в его дружеских чувствах.

Однако не всем по душе пришелся новый пастух. Многие подозрительны и недоверчивы. Петька Паничев то и дело передает злые разговоры о нем. Выдумать такое мальчишка не может, значит, были такие разговоры. То бабы у колодца рассказывают друг дружке, будто бы к нему, пастуху, каждый день из лесу выходит незнакомый человек, которому он дает хлеба, и они о чем-то долго советуются. То мужики обругают его матерно неизвестно за что и обсуждают, на чем бы подловить пришлого пастуха.

Обсиделись они все на одном месте, вот и косят на чужого человека, словно ожидают, что вот-вот он непременно должен что-то натворить - украсть или поджечь.

«Ничего, неплохой народ в деревне, - утешал и убеждал себя Михаил, как тогда, в первый день. - Всякие есть люди, как и повсюду, - одни добрые, другие позлее. Жаль, что они трусоваты немногo, собственной тени боятся. Ничего, привыкнут и ко мне...».

Сам же он чувствовал, что постепенно в нем проходит то душевное напряжение, с которым жил последние годы. Как будто отпускает его большая душевная боль где-то внутри. Она долго еще будет слышна, но сейчас стало заметно легче. Видно, вольный воздух, зелень полей и лесов, размеренный ритм жизни - все успокаивало его, словно он попал на родину после долгих лет скитаний на чужбине. Вместе с успокоением в нем росла жажда работы, такой, которая поглотила бы его целиком, которой бы он отдал все свои силы. Она не давала бы времени для нелегких размышлений, от которых он устал. Его тянуло пахать землю, ворочать мешки с семенным зерном или взять в руки топор, чтобы строить какую-нибудь хоромину. На тяжелой работе он чувствовал бы себя увереннее, спокойнее.

Его сильно напугал тот случай на полднях, когда бык чуть не заporол Петьку Паничева. Напугал тем, что подобная случайность могла произойти в любой момент, она неотвратима, и он чувствовал себя беззащитным перед нею. Как уберечься от нее, как защититься? Больше всего боялся Михаил этой нечаянности, когда окажешься виноватым без вины, когда вина отыщется сама собой. Ведь случилось же однажды, когда судьба его повернулась так круто, что он долго не мог этого осознать, опомниться, прийти в себя.

До того рокового дня жизнь Михаила текла по ровному руслу. Рос он в деревне у отца с матерью. Как все деревенские мальчишки, бегал в школу. На четвертом классе учиться бросил, стал работать в колхозе. И все шло хорошо, никаких не чаялось осложнений. Самое большое несчастье, случившееся с ним - с лошади упал, руку повредил. Однако поболела ушибленная рука и зажила. Ну, бывали еще всякие неприятности, которые вот теперь и вспоминать-то смешно.

Все шло по искони заведенному порядку. Зимой он возил навоз, весной боронил, а как подрос - пахать стал, в сенокос на косьбу ходил, сено возил в сараи да в скирды складывал, в уборочную мешки с зерном ворочал, возле молотилки стоял. А по осени, как

и все его сверстники, до самых декабрьских морозов возил тресту на льнозавод...

Так оно и шло.

Уж на гулянки похаживал, и завелась у него милашка - Маша Овсяникова...

Эх, теперь у Маши трое ребят!.. Как выпустили его на свободу, заехал он на денек побывать в родной деревне. И надо же так случиться, что первый человек, которого он там встретил, была Маша. Шла она от колодца с полными ведрами воды. Он уже знал, что она давно замужем, и ни на что не надеялся, ничего не хотел от нее: ни задушевного разговора, ни сочувственных слов, а только чтоб она сказала «здравствуй». Только чтоб так сказала и достаточно. А она поглядела на него испуганно и недружелюбно и ничего не ответила, когда он поздоровался с нею.

- Что же ты, Маша! - воскликнул Михаил, чувствуя, что голос у него вздрагивает, и не в силах совладать с этим. Не узнала меня?

- Узнала, - отвечала она, не останавливаясь. - Чего не узнать-то.

И прошла мимо, совсем чужая, неприветливая.

А какая у них любовь была! Ведь обещания давали друг другу на всю жизнь. Что бы, мол, ни случилось - несчастье с кем-нибудь из них, или война - что бы ни произошло, не оставлять друг друга. Маша сказала: «Буду ждать тебя хоть десять лет, хоть сто». А он сказал: «Женюсь на тебе, даже если безногой и безрукой станешь. А если умрешь, никогда не женюсь ни на ком». Они говорили так, а сами свято верили, что ничто с ними не произойдет, и они всегда будут здоровы и счастливы, будут жить вместе до самой старости. А на всякий случай обещание дали. Все они тогда предусмотрели, ко всему приготовились, одно только не смогли предвидеть - того, что случилось с ним. А этого Маша ему не простила. Судьба посмеялась над ними.

Было это незадолго до войны. Черт дернул отца уволочь с колхозного тока, где веяли семенное зерно, три мешка с пшеницей. И чего ему втемяшилось! Жили они небогато, но на чужое

не зарились. И как тут отца сподобило! Вот уж верно говорят: бес попутал. Уволок отец мешки и спрятал возле риги в соломе, а зерновой склад поджег. Никто ничего не заподозрил - сгорел склад, и взятки гладки. А ночью отец разбудил его:

- Пойдем со мной.

Возле риги раскопали в соломе мешки.

- Тащи.

Сын было заартачился, но отец прикрикнул:

- Скорей давай! А то поймают, не миновать тюрьмы.

Понесли. Тут их и накрыли.

Зачем он пошел тогда с отцом! Зачем послушался? Зачем ввязался в эту поганую историю! Старый дурак по жадности своровал, а он по глупости помогал ему.

Вот так все и случилось, помимо его воли, помимо всякого его желания, а как будто само собой. Как будто на быстрине затянуло его в водоворот, закрутило, и он утонул.

Глава семнадцатая

Отцвели сирени в палисадниках Прямухина; осыпались лепестки яблоневого цвета, и уж начали набухать завязи их; отшумели майские грозы, и земля, обожженная первыми жаркими днями, снова жаждала влаги; запылали по ночам зарницы - наступило лето.

В Прямухине отсеялись благополучно и хоть в передовые не вышли, но и в отстающие не попали. Осими на время посевной поднялись, подровнялись, потучнели, и уж ветер ходил по ним волнами, играя серебристыми отсветами. Пошли и яровые в рост - словно зеленым ковром покрылись серые поля.

Нарядной, теплой, живой была красавица-земля, обласканная солнцем, украшенная волшебным искусством неведомого художника, и радовала она каждого человека и всякую тварь, живущую на ней.

Колманов за посевную еще более усох и почернел, словно

на нем пахали, но был по-прежнему неукротимо деятелен и зол. Парни от работы повзрослели, ходили валко, разговаривали неторопливо, усталость заметно сутулила им спины. Однако по вечерам до третьих петухов неумолчно брэнчала балалайка, слышался слабый топот крепких ног, и смех, и девичий визг.

Вовсе замучились бабы: помимо колхозной работы у каждой хватает забот в своем хозяйстве. Надо утром печь протопить, еды на всю семью наготовить; надо за скотиной ухаживать - доить, поить, травы на ночь накосить, навоз убрать; надо штаны да рубахи штопать, стирать, гладить; надо за ребятишками присматривать.

- Господи, - скажет иная из них, - да я на колхозной-то работе отдыхаю. Здесь хоть дух перевести можно, а дома не присядешь и на минуту - все бегом, бегом успевай, только поворачивайся.

Бабы стали злые - не подступись и не тронь. То и дело из-за какого-нибудь пустяка вспыхнет у них ссора, и тогда встанут они одна напротив другой и лают друг дружку всякими непотребными словами, поминают матерно всю родню и дедов-прадедов. Унять их нет никакой возможности - осатанели бабы, того и гляди подерутся.

Самыми ругливыми и острыми на язык были жена счетовода Володи Суковатова Валёна да старшая из сестер Озеровых - Глашка. Уж им лучше не перечь: обложат такими словами, что волосы дыбом, укорят убожеством и прегрешениями всех родственников, наплетут и такого, чего и в помине не было. Бабы они к тому же крупные, побить не побьют, а все равно страх берет. Вот поэтому с ними не каждый вступит в пререкания, а когда ругались эти две между собой - тут дым коромыслом и пыль столбом!

Отсеялись - несколько дней жили повольготнее, ходили на работы полегче, и председатель не бегал, как угорелый по полям, а сидел в канцелярии, разбирался в Володиной бухгалтерии.

В кабинете Колманова в эти дни потихоньку вершились всякие негласные дела: той надо отпроситься в город поторговать творогом, этот хотел ночью втихомолку привезти из лесу несколько бревен, чтоб заменить пару подгнивших венцов у своего дома; третий желал подзапасть дровами и тоже втихаря, потому что

хорошие дрова непременно ворованные. Разумеется, на такие незаконные действия Колманов разрешения не давал, но по некоторым намекам мужики понимали, когда он на это посмотрит сквозь пальцы, а когда нет, и надо подождать лучших времен.

В обеденное время Митряха Тарлыков безвозмездно стриг всех желающих овечьими ножницами, отчего затылки у мужиков и парней становились рубчатыми. Митряха знал только одну стрижку – «под бокс», но тем не менее у каждого стрижка получилась своя, на других не похожая. «Бокс» у Ваньки Рыжего оголил и макушку, так что Ванька стал похож на прилежного школьника, а у Васяки Рыбина соответствовал его кепке, которую Васяка носил немного набок - одно ухо было теперь совсем голое, а на другое налезали волосы. Недовольных Митряха утешал одинаково:

- Ничего. Подрастут - подравняются.

В Прямухине в эту пору начали возить навоз с частных дворов на паровое поле. Принялись с крайнего дома, с Кати Паничевой - распахнули ворота настежь, въезжали туда на телегах и выбирали все подчистую до самой земли. Навозу с Катиного двора набралось всего три-четыре воза.

На каждую телегу нагружают двое, потом один из них едет в поле, а второй отдыхает. Тут садятся отдыхающие кружком, разговоры ведут самые пустячные.

- Маруська Бахтиярова на базаре торгует мясом. Теленка привезла - ногу сломал.

- Которая Бахтиярова?

- Да из Лощемли. Али не помнишь Федора Бахтиярова? Кривой такой, еще чуть не замерз в позапрошлую зиму, шибко пьяный был.

- Дочка, что ли, ему Маруська-то?

- Какая дочка! Племянница, у него жила. У Федора была сестра Орина, вышла замуж в Клыпино, а муж-то утонул через неделю после свадьбы. Она же потом замуж вышла за вдовца в Крутец, четверых с ним нажила да и умерла. Тот и не захотел чужого ребенка кормить.

- Все вы перепутали! Ить Маруська - крутецкая. Вдовец-то отец ей родной, а Орина мачеха.

- Дак и я про то же говорю.

- А какая она тогда Бахтиярова?

- Она Травкина, потому что за Иваном Травкиным заму-жем, который трактористом в МТС.

- Рази Иван-то опять в трактористах?

- Будто бы так.

Пока выясняли, кто такая Маруська Бахтиярова, забыли, зачем она им и понадобилась.

Золотое, хорошее время! Луговины с молодой травкой теплы от солнца и пестры от цветов. Солнце марит и нежит, а в затенье приятная прохлада. Паровое поле далеко, пока напарник гоняет туда да обратно, отдохнешь всласть. Вот где посудачить да посплетничать обо всем!

Тут-то и пополз слушок: Дуня Пряжина спуталась с пастухом. Будто бы видели их за гумнами и в риге у деда Устина. Толки были разные и относились к ним по-разному. Одно было несомненно: на полднях Дуня то и дело подсаживается к пастуху, и о чем они говорят, можно только догадки строить. А судя по всему беседы у них веселые: хиханьки да хаханьки слышны.

Одни бабы говорили весело:

- Ай да Дунька! Не прозевала парня. Она еще у любой девки отобьет.

Другие поджимали губы:

- Ни стыда, ни совести. Как сучка: подхватила кобеля на улице!

Вслух при ней никто про это не говорил, побаивались. Только Валенка однажды не утерпела, спросила у нее прямо при народе:

- Говорят, ты замуж выходишь, Дунь?

Все сразу затихли, ожидая, что она ответит.

- Вышла бы, да не за кого, - сказала Дуня.

Валена не унималась:

- Да будто бы и жених-то нашелся.

- Ишь ты! А я про то и знать не знаю. Экая досада!

Тем разговор и окончился. Не первый раз выслушивала она ядовитые вопросы, не привыкать бы ей.

Рая Дунина слышала эти пересуды, но никогда не отзывалась на них, никогда не заступалась за мать, словно речь шла о чужом человеке. Да и как тут заступаться, еще пуще заговорят, еще и саму Раю приплетут. Она только улыбалась неопределенно. Бабы знали Раин характер, потому и не скрывали от нее. А вот при Юрке таких разговоров не велось, он ничего о них не знал.

Юрка жил в блаженном состоянии: сам здесь, а думы в Микулинках. Как ни уставал, а на душе все равно праздник.

В Микулинки ходил он каждый вечер и потому с опаской поглядывал на мать: как бы не запретила, с неё станется! Тогда спрячет в сундук праздничную одежду, а в будничном показываться в Микулинки стыдно. Чтоб мать не слишком сердилась, Юрка был необыкновенно услужлив и предупредителен: и воды в бочку натаскает, и корову вечером во двор загонит, и лопухов ей на ночь приготовит - все это бегом, быстро, расторопно, а потом кусок хлеба в зубы и нет его.

Глава восемнадцатая

Ближе всех принимала к сердцу эти пересуды о Дуне и пастухе Катя Паничева, но она, как обычно, помалкивала. Только однажды не вытерпела, сказала:

- Господи, сколько зла в вас, бабы! Словно с ума вы посходили. Дался вам этот пастух! Не знаете, что наговорить на парня.

- Что на самом деле есть, то и говорим, - возразили ей.

- Да кто видел-то! Никто не видел. Так на кого угодно сказать можно. Дуня веселая, пошутить любит, вот и лепим к ней всякое.

Но заступничество Кати не имело никаких последствий: бабы продолжали злословить.

Саму же Катю Паничеву в последнее время не оставляли взволнованные мысли. О чем она думала, никто не знал и не дога-

дывался, только замечали, что она стала молчаливее, чем обычно.

- Ты какая-то малахольная стала, - говорили ей бабы, на что она только кротко улыбалась.

Вечером в сумерках, в свой пустой дом она входила боязливо, словно кто-то чужой подстерегал её здесь. На ночь тщательно запиралась и перед тем, как лечь, заглядывала на печь, и под кровать, во все темные углы - не затаился ли кто там.

В чулане был лаз в подпол. Проверять там вечером она не решалась и только придвигала на западню тяжелый залавок, а на него ставила пустые чугунки, сковороды, плоски - коли будет кто вылезать из подпола, сразу загремят они, и Катя проснется. К себе в постель она клала Петьку. Так ей казалось безопаснее, да и сонное посапывание сына успокаивало её. И все-таки каждый раз она подолгу не могла заснуть, слушая каждый звук, каждый шорох.

Разговоры о пастухе и Дуне огорчали Катю, и не потому, что она чувствовала в них напраслину, а потому, что она жалела Михаила. Ведь ничего и никому не сделал этот человек, только добро. И на тебе! До чего злы люди! За что они его не любят? Разве не видят они, какой он добрый, сердечный? Вон Петька в нем души не чаёт. Каждый день только и слышно: «дядя Миша» да «дядя Миша». И на неё, на Катю, он поглядывает ласково.

В последние дни Катя уверилась, что пастух непременно придет к ней, придет именно ночью, когда все будут спать. Нет, не со страхом ждала она его прихода, а с непонятым чувством, которое будоражило её. И тревожно было, и хотелось, чтоб он пришел. А все предосторожности с запором, крючками, накладками нужны ей были затем, чтобы оправдаться перед самой собой: вот-де, мол, я же сделала все, что полагается честной женщине, чтобы спастись от греха.

Так и виделось ей: войдет в дом Михаил - откуда и как он сумеет войти, она не знала, но твердо уверила себя: сумеет! - войдет, когда они с Петькой будут спать, потрогает её за плечо и скажет:

- «Здравствуй, хозяйка!»

Тогда она проснется и тоже скажет:

- «Здравствуй».

Она не испугается, не закричит, не станет будить сына, потому, что уже твердо решила: если он вот так появится в её доме, тогда она, Катя, доверится ему.

Ночью, когда уже засыпала, так ясно представлялась ей своя собственная покорность и стоворчивость, что она уже не могла разобрать, то ли сон это, то ли все еще её думы.

- «Ты меня не бойся, Катерина», - скажет он.

И она ответит:

- «Я не боюсь».

- «Я не злодей какой-нибудь, не преступник, не бандит, я добра тебе хочу».

- «Знаю».

- «Обо мне всякое плетут в деревне, со зла наговаривают. А ты не слушай их».

- «Не верю я никому».

- «Ты верь только себе самой, своему сердцу».

- «Верно, сердце не обманешь. Я знаю, ты добрый... А болтают всякое, это верно. Да надо же о чем-то болтать людям!»

- «Пускай... А мне никто не нужен и никто не нравится, кроме тебя».

- «Я про это догадывалась».

- «Тебе трудно на свете: ни родни у тебя, ни мужа, живешь сиротой».

Тут он погладит её по волосам, и она положит ему голову на грудь и заплачет.

- «Не плачь, Катерина, теперь ты со мной заживешь хорошо. Я тебя жалеть буду».

Думая так, Катя наяву начинала вытирать глаза уголком подушки и старалась не всхлипывать, чтобы не разбудить Петьку.

Она положит голову ему на грудь, а он обнимет её своими большими руками... и станет укачивать, как ребенка.

- «Я тебя давно приметил, Катерина. Хотя ты и не самая красивая в деревне, да всё равно лучше всех. И не бойся ничего, я

тебя от беды загорожу, никому не дам обижать...».

Потом заговорят о ней в Прямухине так же, как теперь о Дуне Пряжиной: «Какого парня отхватила Катерина!». Только про Дуню-то выдумывают со зла или с зависти, слишком смелая она, Дуня, вот и дразнит всех. А тут-то будет правда.

«Михаил живет с Катей Паничевой»... Ох, как стыдно! Но, может быть, только сначала она будет стыдиться, а потом перестанет.

Потом-то женится он на ней, и заживут они душа в душу. И Петьке он был бы хороший отец.

«Уж я за ним ухаживала бы! - думала Катя, давясь счастливыми слезами. - Уж я стряпала бы ему вкусно, и смотрела бы за ним, чтоб он одет всегда был чище других... И ни в чем ему не перечила бы: он голова, пусть решает все, как сам знает. И если б выпивать иногда стал, так не ругала бы его, а ласково уговаривала бы!»

Чем больше думала Катя об этом, тем крепче ей верилось, что все так и будет, а иначе и быть не может.

Встречаясь с Михаилом на полднях или утром, когда выпускала козу в стадо, Катя украдкой пытливо взглядывала на него, но он не замечал этих взглядов. «Наверно, стесняется людей», - думалось ей, - а у самого все уже решено».

Однажды под вечер Катя несла от ручья корзину с бельем, и тут-то они встретились. Катя припозднилась, белья набралось много - шла, перегнувшись на сторону, спешила: коза была не доена. Хорошо, если Петька наломал ей березовых веников на ночь, а если нет? Придется тогда Кате самой наламывать, а то коза и молоко не отдаст. И на ужин еще ничего не было приготовлено, только молоко с хлебом, вот и вся еда.

- Давай-ка я понесу, Катерина, - сказал Михаил. - Сама ты маленькая, а корзина у тебя большая. Надорвешься еще, кто отвечать за это будет?

Сказал так ласково, словно по сердцу погладил. Она в замешательстве отдала ему корзину, и он понес её легко, словно

пустую. Катя оглянулась вокруг - не заметил бы кто-нибудь, что идет она с пастухом. Но никого не было поблизости.

- Садись и ты в корзину, - пошутил он. - Я и тебя снесу за милую душу.

Катя испуганно покосилась на него, и пастух понял, что хватил через край: «Ишь, робкая какая! Запугали её тут, что ли?»

- Петька твой просил лёску для кнута скрутить, а у меня волоса конского не было. Пусть придет завтра, будет готова лёска ему.

- Ладно. Спасибо тебе.

- Не за что спасибо. Ты скажи, Катерина, может что помочь сделать по хозяйству надо? Одной, я знаю, трудно, так я помогу, выберу время.

У Кати перехватило дыхание: «Вот он и проговорился!».

- Ничего не надо, - тихо сказала она, не слыша собственного голоса.

- Может, крыша течёт? Починить ее надо?

- Нет, не течет.

Откуда он знает? Крыша, и верно, шибко худая. Стропила погнили, солома перепрела. Её не латать надо, а заново перекрывать. Ещё одну зиму она не простоит. Вот как зимой снегу на неё навалит, она и рухнет. Надо к Лексею Иванычу идти просить соломы на крышу. Совсем беда: старенький домишко, нижние венцы сгнили, он осел, перекосился, крапива до окон достаёт.

- Может, корзинку тебе сплести? Эта, вишь, чуть жива.

- Не надо.

И корзины нужны в хозяйстве: Петьке по грибы ходить, да и мало ли еще для чего сгодятся!

- Дров наготовить в лесу? Я нарублю, складу там в поленницу, за лето высохнет. Осенью приедешь, а они сухие.

- У меня есть дрова.

- Да уж и дрова у тебя! Одни палки ольховые. Горят они хорошо, а углей не остается, одна зола. Ни в печи жара не держится, ни самовара нагреть, верно? Я тебе нарублю настоящих, березовых.

«Благодетель какой выискался! - подумала Катя насмешливо. - Чтой-то ты всем дров не наготовливаешь, а только мне?». Она уже чувствовала себя не маленькой и одинокой, а словно бы ростом выше стала, и красивее. Вишь, какой парень рад ей услужить, поухаживать за ней! И Катя уверенней поглядывала на него.

- Ты не стесняйся, Катерина, мне это ничего не стоит - дров-то наготовить. А если разговора какого боишься в деревне, так я сделаю незаметно, никто не узнает.

Она промолчала.

Пастух донес ей белье до самого дома, попрощался.

- Не надо дров-то, - сказала она, не совладав со смущением. - У меня и заплатить-то тебе нечем будет.

- Да разве я за плату! Не дело говоришь, хозяйка. Ради заработка я чем другим займусь. Просто мне по хозяйству что-нибудь поделывать в удовольствие. Соскучился я по дому, понимаешь?

«Сегодня придет, - подумала Катя с замиранием. - Сегодня обязательно придет. Это он нарочно подстерег меня, когда я с ручья шла. Нарочно и разговор завел. Какой хитрый! Подыскал время, когда нас никто не мог видеть...».

Она особенно крепко заперлась на эту ночь.

Нет, не верила она, не верила тому, что говорят о пастухе и Дуне.

А слух гулял по деревне, обрастал подробностями. Валёна Суковатова не утерпела - во второй раз завела с Дуней разговор о «женихе», а та обрезала её:

- Кому какое дело до меня? У тебя хоть горбатый, а все мужик есть. А мне почему одной пропадать?

- Дети у тебя большие, - стали урезонивать её бабы постарше, - девка на выданье - каково ей? Со стыда пропадать?

Дуня потемнела лицом от гнева, но сдержалась, ответила без крика:

- Чтой-то вы попрекать меня взялись? О своих дочерях беспокойтесь, а мою Райку бог ни красотой, ни характером не обидел, она судьбу свою найдет.

В третий раз она высказалась еще короче:

- Гуляла и гулять буду. Не ваше собачье дело.

При этих словах она усмехнулась и оглядела всех с таким видом, словно сама она уличила их в преступлении.

- Да что ты наговариваешь сама на себя! - горячо сказала Катя Паничева. - Что ты всех дразнишь? Ведь все разговоры от тебя самой идут и все слухи от тебя. Ничего нет, а люди языками треплют. Не наговаривай ты на себя!

Дуня с удивлением уставилась на неё:

- Вот защитница нашлась! Да я и сама себя в обиду не дам, молчи уж.

От Дуни отстали, только мужики подтрунивали иногда:

- Ты что-то повеселела, Дуня!

- Молодею, - задорно отвечала она.

- Довольна ли? Может в чем помочь?

- Молчите уж, безногие да безрукие! Из вас двоих одного путного мужика не составишь. А туда же «помочь»!

Короче говоря, за словом в карман она не лезла, и все эти разговоры да пересуды не задевали ее, а как будто даже нравились Дуне, и она носила голову высоко, словно выиграла по облигации и теперь разбогатела.

Глава девятнадцатая

А Михаил до поры до времени и не подозревал, что о нем так много говорят. Замечал только, что на полднях, когда на пригорок приходила отдохнуть Дуня Пряжина, доярки переглядываются, но не придавал этому значения. Обычные шутки! Сядь вместо Дуни другая, и над нею станут подсмеиваться - так казалось Михаилу.

Но вот наступил день, изменивший все; то, что раньше представлялось пустячным и нестоящим внимания, вдруг приобрело совсем иной смысл.

В этот день пришел на полдни Николай Старовер. Он запоздал, бабы уже возвращались домой. Встречаясь с ним на до-

роге, они что-то шутили, кивая на его подойник. А в стаде оставались одни доярки, они додаивали последних коров. Да еще Иван Марасанов сидел возле бидонов, ждал, когда сдадут все молоко. Михаил уже поглядывал на солнце: пора бы сгонять стадо. Уж и коровы все встали, по сторонам смотрят.

Николай завернул к пастушьему пригорку, поздоровался:

- Ух, жарко нынче!

Он поставил подойник на траву, рукавом вытер пот со лба – корова его стояла неподалеку и глядела на него. Он махнул ей рукой:

- Сейчас. Успеешь... Покурю вот.

И стал свертывать сигарку.

Дуня, как всегда, кончила дойку раньше всех и молоко сдала, и теперь сидела на том же пригорке, что и Михаил, поджидала товарок, чтобы вместе идти в деревню.

- Чтой-то ты нынче, Николай Прокофьевич припозднился? - спросила Дуня насмешливо. - А хозяйка твоя где же?

- Заболела моя хозяйка, - нахмурился он. - Не встает. Вот послала меня корову доить.

- Да-а, нелегкое дело.

Притворное сочувствие её не понравилось старику.

Николай строго глянул на неё из-под седых бровей:

- Что же тут тяжелого?

- Не мужское занятие, бабье, - пояснила она.

- Будто всякая бабья работа тяжелая, - проворчал он.

- Дак сноровка нужна!

- Все надо уметь делать, - наставительно сказал он, обращаясь и к Михаилу. - Да и не знаю я, которое дело мужское, а которое женское. Как их различить? Бабьи дела настоящий мужик должен вдвое лучше делать. А иначе какой же он мужик?

Но Дуня не испугалась сердитого тона Николая. Словно бес её толкал под бок, и она сказала с коротким смешком:

- Поди-ка, в бороду себе надоишь вместо ведра.

Но от этой шутки Николай неожиданно смягчился:

- Признаться, я корову не даивал, не приходилось, - согласил-

ся он. - Ничего, авось научусь, невелика хитрость! У меня еще ни одно дело от рук не отбивалось.

Дуня поднялась:

- Ладно уж, давай я подою твою корову. А то и сам замучаешься, и скотине титьки оборвешь. Знаю я вас, таких умелых!

Он и на это охотно согласился, постоял в раздумье, потом сел на пригорок и повёл странный разговор:

- Хорошая баба, - сказал он, глядя вслед Дуне. - Кабы её в крепкие руки, так и вовсе цены бы ей не было! Я её люблю, Дуньку-то. Она, знаешь, умеет в радости жить. У других это не получается - жалуются, стонут. Никем же не мучимы, сами ся мучиху... - с расстановкой выговорил Николай и значительно поглядел на пастуха. - А она и в горе не унывает, потому ничто её не берет. Ну, только бабьей глупости в ней много. Евина дочка! Глазами туда-сюда, задом круть-верть... Как ты думаешь, хорошо это?

Михаил, не ожидавший вопроса, ответил невпопад:

- Пускай веселится.

Николай досадливо кашлянул и стал усердно раскуривать сигарку.

- Веселье веселью рознь, - проговорил он, наконец. - Бывает так весело, что дети рождаются от разных отцов. Что ж тут хорошего?

- Угу, - рассеянно отозвался пастух.

Работа у него что-то не ладилась: прутья ломались, и корзина получалась кособокая. Это сердило его и не до разговоров было.

Николай смотрел, как Дуня присела возле коровы, огладила вымя и проворно заработала руками, а корова оглядывалась на нее, словно спросить хотела: ты, баба, ладно ли устроилась?

- Я Дуняху шибко не осуждаю, - выговорил старик. - Одна живет при живом муже. Это не шутка, - всю жизнь соломенной вдовой оставаться. Баба она красивая, здоровая - скучно ей одной. И воробей один гнезда не вьет. Раз так в природе устроено, что всякая тварь попарно живет, значит ни к чему закон этот нарушать. Вот и она стремится... Потому я не осуждаю её шибко. Ко-

нечно, нашла бы она себе ровню по годам да который на таком же положении, что тут худого скажешь? Ничего. Я б и помалкивал, моё ли тут дело. А то ведь не по себе дерево рубит. Да, парень, не по себе.

Николай покосился на Михаила испытующе, выжидая, что тот скажет в ответ. Но пастух продолжал невозмутимо плести корзину.

- Конечно, мое дело стариковское, откуда мне что знать? Могу я ошибиться, не Господь Бог, чтоб все видеть и понимать. И то сказать, указчиков да советчиков много, а помощников мало. Худо, когда старики мешаются в молодые дела. Однако, иной раз и старика нужно послушать. Верно, ведь, я говорю?

Не совсем понятно было, куда клонит Николай и что именно хочет сказать.

- Конечно верно, - охотно согласился Михаил. - Добрый-то совет не часто и услышишь.

- Вот-вот! - оживился старик. - Свой ум имей да и чужой цени. Я вижу, у тебя душа к добру тянется, к правде - ты её береги. Это большое дело - душу свою сохранить в чистоте, не запятнать худым делом. Правильно живи. Живи правильно! - повторил он, возвысив голос. - В этом самая большая радость тебе будет.

- А как это - правильно? - невинно спросил Михаил, и хитроватая усмешка тронула его губы.

- Как душа подскажет, - ответил Старовер. - Не насилуй её и она тебе подскажет... У кого душа чистая - тот не ошибется. А я разговоры о тебе всякие слышу, вот и подумал: как же он не понимает! Ведь нельзя так! Зачем себя пятнает!

Михаил не стал спрашивать, что за разговоры слышит о нем Николай, потому что был уверен: это те самые слухи, что к нему выходит из лесу человек и каждый день берет у него хлеба. Или что-нибудь, вроде этого. Он даже подивился наивности старика, который верит всяким этим глупостям. Но вида не подал.

- Я все понимаю, Николай Прокофьевич, - сказал Михаил. - Надо жить честно, только и всего.

- Вот и ладно.

Видимо этот разговор тяготил Николая, а теперь он с облегчением почувствовал, что все разрешилось как нельзя лучше. Может быть, он ожидал, что пастух станет возражать, спорить, да может и высмеять. А тот согласился сразу и без оговорок. Словно боясь испортить удачный разговор, он поспешно поднялся и пошел к Дуне принять у нее ведро с молоком.

Михаил усмехнулся ему вслед: «Мудренный старик. Плел-плел, и про Дуню, и о правильной жизни...».

И только потом он понял, о чем говорил Николай, на что намекал.

Глава двадцатая

В тот же день уже под вечер у Михаила был еще один разговор, удививший его, на этот раз с Женькой. Подпасок подошел к нему справиться, не пора ли гнать стадо к дому, а потом как бы между прочим спросил:

- Ты, старшой, нынче у Пряжиных живешь?

Михаил только перешел на житье в этот дом, и Женька отлично знал об этом. Услышав утвердительный ответ, он сказал:

- Ты там, как у тещи. Небось, как родного привечают? Блины и яишница на семи рядах?

«Старшой» подумал, что подпасок просто так брякнул, не подумавши, и промолчал. А тот не унимался.

- Эти бабы, как кошки, сами лезут, - говорил он с таким видом, словно кому-кому, а ему-то, Женьке, это было хорошо известно. - Ты старшой, все-таки смотри, поосторожней с тетей Дуней. А то у баб разговоров полон рот.

Подпаску хотелось казаться взрослым, хотелось дать понять, что он не глупый и понимает что к чему. Михаил глянул на него непонимающими глазами:

- Ты про что толкуешь?

- Да брось ты притворяться! Меня не бойся, я не выдам. Я ничего не знаю и ничего не видел, и не слышал - любому так ска-

жу. Только ты поосторожней с теткой Дуней, потому что до Юрки слух дойдет, хорошего будет мало.

Михаил сказал тихо и вразумительно:

- Я эту тетю Дуню пальцем не тронул, понимаешь? Я же с ней только разговаривал, как и ты. При тебе же все было! Так при чем же тут Юрка?

- Ну да! Только про вас и говорят в деревне. Смотри, старшой, мое дело предупредить, а дальше сам соображай.

- Чудной ты парень, - Михаил пожал плечами, внимательно глядя на Женьку. - Да что говорить-то? О чем тут можно говорить?

- Всякое. Да и тетя Дуня не отказывается, а только знай свое: какое, мол, вам до меня дело! Она такая, никого не боится.

- Да ну тебя! Что ты врешь все!

Михаил, рассерженный, отвернулся, хотя ему ясно было, что подпасок не врет, а все так и есть.

Стадо медленно приближалось к деревне. Женька, как ни в чем ни бывало, покрикивал на коров и хлопал кнутом, а пастух встревоженно думал: «Что он молот мне? Да не может такого быть. Слышал звон, не знает где он».

Петька Паничев встретил пастуха еще на выгоне.

- Дядя Миша! - кричал он издалека. - Дай кнут понести!

Обычно Михаил не проявлял внешних признаков радости при появлении Петьки, но всякий раз доставал из кармана что-нибудь заранее припасенное: то серенькое яичко жаворонка, то голову чертика, вырезанную из березового нароста, то чижик или деревянный револьвер, стреляющий горошинами и мелкими камешками.

Сегодня Петька получил большое, с ладонь, перо - возле прозрачного костяного черенка белый пушок, в середине поперек синяя полоска, потом синева переходила в черное, а на самом конце алая полоска. Перо обыкновенное, да уж больно чисты краски - синева, алость. Они притягивали взгляд, заворачивали.

- А чье это, дядь Миш?

- Жар-птицыно.

- Вот и неправда! Таких не бывает на самом деле, - только в сказках.

- То ли еще бывает, Петр Семеныч! Не хуже, чем в сказке. Вырастешь большой, - узнаешь.

Михаил нес в руке новенькую корзинку, сплетенную из очищенных от коры корней ели. Корзинка белая, ладная, аккуратненькая, словно фабричной работы.

- А я знаю, ты у Пряжиных нынче живешь. А корзинку тете Дуне сплел, верно?

- Все-то ты знаешь! Верно, она попросила сделать ей корзинку.

- Она тебя нынче охомукает!

- Это как же?

- Известно как: запряжет, значит.

- Кто же тебе сказал такое?

- А мужики говорили: охомукает Дунька пастуха. Ты смотри, ей не поддавайся.

- Ладно, - в растерянности произнес Михаил. - А ты не говори никому так.

Петька его не услышал: рассматривал диковинное перо.

«Дело плохо, - подумал пастух.- Если уж такие мальцы знают... Да с чего взяли!».

Стадо уже входило в деревню, и она наполнилась привычными звуками: бляенье овец и мычанье коров смешалось с плотным потоком копыт по пыльной дороге, скрипом ворот и окликаками хозяек:

- Милка! Милка! Иди домой! Иди, моя хорошая.

- Красотка, Красотка! Идешь, моя красавица!

- Барь-барь-барь...

Солнце только что село, заря пылала в полнеба, и было еще светло, как днем. Только восточный край неба темнел: синева становилась лиловой, а потом наливалась чернотой - оттуда наступала ночь. Синеватые тени уже ложились на стены домов, на деревья, на склоны холмов.

Хороша была в этот предвечерний час деревня Прямухино! Багровые отсветы блестели на стеклах окон, как при пожаре. Крыши и высокие тополя четко рисовались на фоне оранжевого неба.

Михаил украдкой оглядывался по сторонам: не смеются ли над ним, не смотрят ли вслед с ухмылочками. Но все были заняты делом, озабочены. Впрочем, ему показалось, что кое-кто из попавших ему навстречу поглядел на него как-то особенно: а я, мол, знаю про тебя... Скорее всего показалось.

Глава двадцать первая

Вечерняя прохлада освежала и бодрила измученное дневной жарой тело. Пахло пылью и полынной горечью, но даже эти запахи почему-то радовали сердце. И беспокойство, закравшееся в душу, немного отодвинулось куда-то.

Юрка Дунин у своего дома распрягал лошадь. Он спешил, то и дело покрикивал на Серуху и, когда уселся на нее, она взяла с места в галоп: знала, что сейчас напоят ее прохладной водой из ручья, а потом отведут на выгон на всю ночь.

В доме Пряжиных никого не было. Пастух положил на крыльце и кнут, и новую корзину, и побрел неторопливо через огород в низину к ручью. Он шел походкой очень уставшего человека, руки бессильно мотались вдоль туловища.

С каждым днем все труднее пасти, с каждым днем слепни и мухи все больше мучают коров, стадо беспокоится, пастуху с подпаском присесть некогда, едва удерживают скотину. Конечно, на такое стадо надо троих пастухов, но Михаилу хотелось побольше заработать, потому он с самого начала и решил пасти вдвоем, тем более, что подпасок попался толковый и проворный. Вот только порезал он вчера ногу о стекло, ступает теперь на пятку, не бежит - скачет. Толку от него стало мало.

Говорят, Игнат в прежние годы пускался на разные хитрости: то в полдень домой пригонит, и стоит скотина во дворах, пока не спадет жара, а то загонит стадо в лесную чащу, где травы нет,

а слепней меньше. Коровы голодные, зато спокойнее пасти. На летние месяцы он брал еще одного подпаса, но это было лишь в последние годы, когда Игнату тяжело было бегать.

«Ничего, справимся как-нибудь, - думал Михаил. - Где его возьмешь, второго подпаса, да и какой он окажется? Попадется такой, что хоть его самого паси».

В низине заметно парила вода, а трава успела охолодать, босые ноги стыли. Михаил дошел до ручья, снял рубаху, стал умываться. Он плескал пригоршнями теплую, словно в самоваре подогретую воду, побрякивал, фыркал, крепко хлопал себя по плечам, растирал ладонями руки и грудь, где синей татуировкой была изображена женщина в безобразной позе, а чуть ниже - надпись крупными буквами.

Вода была не шибко чистая. Текла она из болота, через пруд, в котором поили стадо, под старым мостом, где сквозь расщепленный бревенчатый настил сыпалась в нее всякая труха, мимо кузницы, где ржавели в ней обрывки листового железа, старые чугунки и ведра. Потом она текла по усадьбам вдоль огородов, и здесь в ней бабы полоскали белье, замачивали старые кадки и лохани. И все-таки эта вода была желанна и приятно освежала тело.

Позвякивая ведрами, подошла Рая Дунина.

- Ишь ты, как медведь! - сказала она одобритительно. - Стоишь за кустом и фыркаешь. Напугал.

- Чтой-то больно пугливая, - отвечал он, утирая лицо рубахой и загораживая татуировку локтем.

- «Чтой-то ты больно», - передразнила его Рая, нажимая на «о». А он, не скрываясь, оглядел её всю и стало ему еще веселей:

- Ишь, какие девки в Прямухине выгулялись! С первого взгляда привораживают.

Рая польщенно засмеялась. Она вошла в ручей по колено и стала зачерпывать воду, не снимая ведер с коромысла, а коромысла с плеч. Зачерпнула и легко взошла на бережок.

- Давай я помогу, - предложил он, торопливо надевая рубаху.

- Не поскользнься, - Рая посмотрела на него насмешливо.

А он подошел, снял ведра с коромысла, потом поставил их на бережку, крепко схватил Раю и потащил в ручей, приговаривая:

- Я тебе поиздеваюсь! Я тебе пошучу.

- Пусти! - крикнула она, отчаянно сопротивляясь, и бухнула ему кулаком по спине.

Он отпустил ее и сказал с некоторым удивлением:

- Ну и тяжелая ты, Райка! С места не поднять. И силища у тебя прямо мужичья.

- А ты думал как! Ты тоже хорош медведь. Все ребра мне переломал.

Она с притворным неудовольствием косилась на него, поправляя сбившуюся кофту.

- Не подходи, а то вот коромыслом огрею.

Они пошли рядом. Михаил нес в руках ведра, а Рая коромысло.

- А что, парень твой, наверно, побаивается тебя, а?

Рая догадалась о чем он хочет узнать.

- Нету у меня никакого парня, - сказала она. - Я сейчас свободная.

- Эх, жалко, что я тебе не нравлюсь, а то задружили бы мы с тобой. Верно?

- Уж не знаю.

- Чего не знать! Точно говорю. Потому что ты мне нравишься.

- Ладно, не заговаривай зубы, - Рая смутилась. - Не такие заговаривали, да с чем пришли, с тем и ушли.

- Много ушло?

- Тебе что за дело!

- Жалко мне их.

Она засмеялась:

- Ну и трепач!

В калитку она пошла впереди, покачивая бедрами, то и дело оглядываясь, улыбалась ему.

«Хорошая девка! - отметил про себя пастух. - И такая простая, без хитрости. Вот возьму и женюсь на ней. Чего мне еще искать! Останусь жить в Прямухине...».

Они прошли между грядками и Рая стала поливать огурцы. Зеленые их ладошки раскрылись совсем недавно, в каждой паре посередине выступал остренький зубчик, из которого разожмет-ся потом очередная пара листочков и стебель. Огуречные всходы были ровные, одинаковые, и посажены с толком: не редко, и не густо.

- Хороши, - кивнул на них Михаил.

- Много ты в этом понимаешь! - насмешливо заметила Рая, - скажи-ка, что это взошло?

Мелкая травка густо высыпала на грядке, и даже на боках ее, в меже. У тех, что повыше, уже вылезли кудрявые кисточки-листья.

- Это морковь, - сказал Михаил.

- Сам ты морковь. Укроп! Полоть его надо, а то задушит огурчики. Ну, а вот здесь что?

У тех всходов, на которые показала она, парочки листьев были совсем, как огуречные, но покрупнее.

- Тыква.

- Эх, ты! Тыкву от бобуна отличить не можешь!

- Подзабыл маленько, - сказал пастух, потом добавил тихо, для себя. - Не до того было.

Ему нравилось разговаривать об огородных делах. Он даже присел на корточки перед грядой, пристально рассматривая все, что росло на ней, и старательно выдергивал с корнем сорную траву.

Скорым шагом через огород прошел Юрка. Бросил обрать на поленницу, бегом взлетел на крыльцо, а через несколько минут вышел уже принаряженный:

- Слышь, Рай! Скажи маме, что я уже поужинал.

- Давай дуй, - напутствовала сестра. - Счастливо тебе погулять. Потачки не давай девке своей!

Она засмеялась, а Юрка погрозил ей кулаком.

- Еще воды принести? - спросил Михаил у Раи.

- Ишь, заботник какой! Хватит и этой. Я только огурцы полью, а остальное оставим так. Может, завтра дождик пойдет, за-

чем и поливать? А ты уже полоть начал? Иди, иди прочь, нечего бабьими делами заниматься.

Михаил нехотя вышел из огорода и сел на завалинке. Он уже не чувствовал прежней усталости, словно там, на ручье, и в огороде, он пробыл долго и хорошо отдохнул. Думать о неприятном ему не хотелось, да и не давал он себе тут воли. «Чему обрадовался?» - сказал он сам себе и улыбнулся.

Рая уже хлопотала в избе - гремела подойником, что-то передвигала, стучала заслонкой печи, ухватами. «Сегодня пойду её провожать, - решил он окончательно. - Обязательно сегодня. Надо решиться на это, и не откладывать. Тогда все эти пустые слухи полягутся. Парень с девкой гуляет - это ничего, про это толковать не станут».

Глава двадцать вторая

Когда пришла Дуня, ужин был уже на столе. Рая раскрыла окно, позвала Михаила.

- Иди ужинать.

И не удержалась, подкусила:

- Или уже уснул?

Он вошел в дом. Еще с порога увидел, что Дуня чем-то недовольна, а дочь её, наоборот, развеселилась. «Вот и хорошо, - подумал он. - Надо мне построже с мамашей». Они уже садились за стол, и Михаил сел. Рая наклонилась к тарелке, чтобы скрыть улыбку. Ей что-то хотелось сказать очень смешное, но она не решалась это сделать при матери.

Михаил сильно проголодался, но не спешил приниматься за еду. Бывало мать говорила: «В гостях, сынок, ешь не торопясь. Хоть ты с голоду помираешь, а жадности на еду не показывай. Это нехорошо, неприлично. Жадно только свинья ест».

Здесь, в Прямухине, он каждый день был в гостях. Потому сейчас не спеша взял ложку, не спеша отломил от ломтя кусок хлеба, посмотрел по сторонам. Взгляд его задержался на фотогра-

фии, которая висела почему-то отдельно от других. Рая поймала этот взгляд, спросила лукаво:

- Понравилась, да?

С фотографии на сидевших за столом смотрела молодая девушка, круглолицая, пухлогубая, с косой толстой на плече.

- Очень красивая, - отозвался Михаил, разглядывая её. - Просто на редкость какая. Кто это?

- Смотри, влюбишься, - со смехом сказала Рая и не выдержала, захохотала во весь голос, поглядывая на мать.

«Это, наверно, сама хозяйка в молодости», - догадался Михаил.

Ему стало досадно, что он так похвалил её: не хотелось говорить что-нибудь лестное для Дуни.

«Однако до чего хороша! - подумал он, все еще не отрывая взгляда от фотографии. - Красавица... Вот с такой я погулял бы, да опоздал лет на двадцать».

- Хватит зубы-то скалить! - прикрикнула в это время Дуня на дочь. - На ручье не насмеялись?

Видно было, что ей понравилось внимание Михаила и то, что он назвал её красивой, но это не смягчило её раздражения. Недовольство, клокотавшее в ней, победило, и она сорвалась на крик.

«Смотри-ка! - молча подивился Михаил. - Уж и приревновала меня мамаша! Права свои предъявляет, как на мужа: мой да и все тут!»

И еще он подумал, что не могла Дуня сама видеть их на ручье, потому что на скотном дворе была. Значит, сказал ей кто-нибудь и сделал это не без умысла.

Разговор за столом умолк, и до конца ужина все молчали. Дуня, может быть, уже раскаивалась, что сорвалось у нее резкое слово, и сидела разобиженная неизвестно на кого. А Рая чуть отворачивала лицо в сторону, чтоб не встречаться взглядом с пастухом, - тогда её опять смех разберет.

Михаил украдкой наблюдал за ними. Удивительно, до чего они были похожи внешне - Дуня и дочь. У обеих короткопалые, полные руки, круглые лица, и даже в том, как они сидели обе,

было что-то похожее. Только мать так моложава лицом, что больше походила за старшую сестру. На взгляд разница в годах матери и дочери составляла не более десяти лет.

«Да, пожалуй, мамаша ни в чем дочке не уступит, - размышлял Михаил. - Легкая жизнь у нее, что ли? Вишь, какая молодая. Бабы, наверно, завидуют ей, вот и плетут всякое. Только я-то тут при чем?»

Ему вспомнился нынешний разговор с подпаском, потом с Петькой. Не могли они слышать от одного человека. Петька - от мужиков, а Женька сказал, что у баб разговору только об этом. Значит, поговаривают многие.

«А ведь и Старовер про то же толковал! - осенило его. - Да, да, о том же! Как я не догадался сразу! Я, дурак, только по-смеивался: глупый, мол, старик, верит слухам о каком-то человеке, который якобы ко мне из лесу ходит. А он потому и говорил о Дуне, чтобы сказать, что-де тут большая разница, и он её не осуждает, а только меня, потому что она мне не пара. Намекал и так, и этак, а я, дубина, не понимал его. Он меня предостеречь хотел... Верно, верно, потому он так настойчиво и повторял, что надо жить правильно. Эх, старик, старик! Зачем ты так осторожно! Ведь таким дуракам, как я, надо прямо говорить, а то они долго соображают, толстокожие... Наверно, обидеть меня опасался. Да еще боялся, что я пошлю его подальше, когда он заговорит со мной про мои пашни».

Михаил уже не ловил Раиных взглядов, он глубоко задумался. С чего же все началось? Откуда взялись эти разговоры? Не могли же они возникнуть просто так, из ничего! Где-то тут есть причина.

Он стал вспоминать, что же было у них с Дуней. Вроде бы, ничего особенного. Ну, приходила она на пригорок к нему, когда стадо ставили на полдни. Сядет, заговорит о чем-нибудь пустячном. Он не придавал этому значения. Всякий раз она была очень оживленной, то и дело смеялась, пошучивала над ним, поглядывала на него веселыми глазами.

Однажды она решила научиться корзины плести. Согнула обруч, а потом стала собирать основу. Попросила помочь. Вот тогда они один-единственный раз сидели близко друг к другу, плечом к плечу, почти касаясь головами. А доярки на них, конечно, поглядывали да посмеивались.

В другой раз, когда он зашел на скотный двор, она, смеха ради, затолкнула его в сеник и дверь заперла снаружи. Пришлось перелезть через стену. То-то было хохоту! А ему все казалось: что тут особенного?

Заигрывала с ним Дуня, что тут говорить! А он замечал, что нравится ей, ему было приятно это. Хоть сам ничего себе не позволял с нею, не за что себя укорить, но и её не останавливал. Вот оттого все и пошло.

После ужина Рая накинула на плечи шаль и вышла. Михаил тоже не стал задерживаться, заторопился к выходу, словно боялся остаться наедине с Дуней.

Глава двадцать третья

Деревня уже утихомирилась, засыпала. Лишь в нескольких домах мелькал огонь. Возле канцелярии брэнчала балалайка, кто-то учился играть. Но вот она попала в умелые руки, ожила, забила ритмично и бойко. И тотчас в лад ей девичий голос пропел:

- Запевай, подружка Вера,
Запевай, котору хошь.
Моё сердце не тревожь!

Михаил узнал голос Раи Дуниной. Грудной, низкий голос, немного грубоватый. «Елецкого» она всегда пляшет с Верой Устиновой.

- Выхожу и запеваю
Первую начальную.
Не могу развеселить
Головушку печальную.

Так отвечала ей Верка Устинова. Она худенькая, легонькая, потому и не слышно её топота.

«Опять про то же», - усмехнулся Михаил.

Теперь Рая спросит, в чем же эта печаль, а Верка ей про измену. И пойдет у них разговор. Одна счастливая подружка рассказывает про залеточку и его «кари глазки», про тропиночку, по которой он ходит к ней, про то, как другие наговаривают на залеточку, а она не слушает их.

А Вера будет жаловаться на коварство своего залеточки, советует «не верить трепачам». Тут же приплетут они «цветочки полевые», «ленты алые в косе», «иву над рекой» и много всего, что в общем-то никакого отношения к их страданиям не имеет.

На таких гулянках Михаилу всегда было невесело. Видно, он вышел из того возраста, когда эти игры и пляски кажутся интересными, когда ради удовольствия постоять с девкой у крылечка готов парень отмахать с десяток километров. Словно умерло что-то в нем, ни к чему ему вся эта суета, как давно женатому человеку.

Лучше бы посидеть сейчас с мужиками, да не видно их, разбрелись по домам. Деревня уже спит, и только у канцелярии собралась вся прямухинская молодежь. Места на скамейках заняты, а кому не хватило, стоят кружком, и в этом кругу топчутся Рая с Веркой.

Михаил присел на корточки у стены. Ночь уже наступила темная, даже ближних можно узнать только по голосам.

- Отстань, Ванька, дурной!
- Рыжий, ты уже спишь?
- А назови поласковой - отпущу.
- Погулял бы вчера с мое, тоже спал бы стоя, как лошадь.
- Больно нужно! Отстань, паразит!

- А самой люблю.
- И-и-и-и-и-и-и-й!
- Оля сидела, плела,
Синий венок васильковы-ы-ый...

- Юрка Дунин опять в Микулинки пешком поперся.
- Говорил я ему, дураку: возьми жеребенка. До Микулинок доскакал бы в минуту!

- Милый глядел ей в глаза-а,
Взгляд его был невеселый.

- Посиди ты, Маня у меня на коленях.
- Ну вот, теперь ко мне привяжешься!

- Дорога подружка Вера,
Не пора ли нам кончать?
Мы сегодня обещались
Залеточек встречать...

Рая Дунина с Веркой отплясались, и четверо парней решили ходить «чижа». Раю пригласил Васяка Рыбин. Они встали совсем рядом с Михаилом. Когда заиграла балалайка, и они закружились, подол её платья почти задевал его по лицу. Потом на месте Васяки оказался Ванька-рыжий, разговор завел:

- Ты говоришь, в Москву собираешься?
- Тебе что за дело?
- Купи там мне что-нибудь. Потом подаришь.
- Ишь ты! Охочь больно до дарового!

Рыжий хотел что-то сказать, но тут пришла его очередь идти на «рублевое» место. Он покружился с той девкой, тряхнул головой и пропел:

- Ах ты, милая моя,
В городе бывала ли?
Девятидесятилетние
Дома видала ли?

- Рыжий черт! - сказала Рая, услышав в частушке обидную для себя насмешку.

Когда к Рае вернулся Васяка, Михаил услышал, как он сказал ей тихо:

- Ты не уходи сегодня без меня, слышишь? Вместе уйдем.

- Еще чего! - громко сказала Рая.

Она оглянулась и, как показалось Михаилу, заметила его.

- Ну ты не артачься больно-то, - обиделся Васяка. - Думаешь, я всерьез?

- А наплевать мне, всерьез или в шутку. Больно вас много наберется, провожающих!

«Ишь ты, девка-то с норовом», - подумал Михаил.

Ему показалось, что Рая нарочно так громко сказала Васяке, чтоб слышал и он, Михаил. Тем самым она хочет дать ему понять, что далеко не со всеми она так ласкова, как с ним нынче.

После Чижа другая пара вышла плясать «елецкого», а потом опять станут «ходить чижа». Так у них и будет идти веселье до вторых петухов, и только потом гулянье расходится. Вот тут-то самое время идти провожать девку, а раньше никак нельзя.

Глава двадцать четвёртая

Михаил устроился поудобнее, положил голову на руки, закрыл глаза. Говор вокруг стал постепенно отдаляться, затихать и тогда, словно неведомая сила подхватила и перенесла, как пушинку, от канцелярии... Пастух очутился где-то на лугу. Стадо разбрелось, и не собрать его, а подпаска не видно. «Уснул где-нибудь под кустом, - думал засыпающий Михаил. - Не справится мне одному». До самого горизонта ходили пестрые коровы, прыгали стреноженные кони, носились телята, задравши хвосты - вдали все они были похожи на муравьев. «Да и гнать-то куда? - подумал Михаил в тревоге. - Пора на полдни. Наверно, доярки ждут, Иван Марасанов матерится. А я заблудился...».

Кто-то нечаянно толкнул его. Пастух потер лицо ладонями, но и это не помогло: необоримо тянуло ко сну. «Ну его к бесу, это гулянье! - подумал он и поднялся. - Спать пойду...».

В доме Пряжиных огня уже не было. Он осторожно, стараясь не стучать, вошел в дом.

- Я тебе в сенях постлала, - сказала Дуня, и по тону её можно было догадаться, что она еще не спала.

«Чего ей не спится? - неприязненно подумал Михаил. - Райку ждет? Юрку?».

Он нашел в темноте сеней кровать, разделся и лег. Дрема, овладевшая им у канцелярии, уже развеялась, и он теперь сожалел, что не подождал еще немного Раю, мог бы возвратиться вместе с нею.

В доме было тихо, только в передней тикали ходики, словно не поспевавшие отсчитывать время. Михаил невольно вслушивался в эту тишину, словно ожидал, что вот-вот Дуня скажет ему что-нибудь. Но она тоже молчала.

Он уже начал задремывать, когда Дуня, шлепая босыми ногами прошла на крыльцо, говоря сама себе:

- Эти гуляки когда придут домой - неизвестно. Надо запереться, а то придет кто и не услышишь.

Уж очень притворно прозвучали её слова, и так же притворно Дуня зевнула. Она заперла наружную дверь на крючок, подошла к его кровати, сказала придушенным голосом:

- Подвинься-ка.

И легла к нему под одеяло.

Ошеломленный, он послушно отодвинулся к стене, словно боялся обжечься. Несколько мгновений они лежали молча, неподвижно, потом он, опомнившись, привстал на локте:

- А вот уж это ни к чему.

Он перевел дыхание и повторил:

- Ни к чему.

- Да что ты оробел-то? - прошептала она изумленно и растерянно.

- Да не оробел я! - сказал он грубо. - Храбрая ты больно, слишком храбрая!

Она лежала тихо, и ему было слышно только, как она неровно дышит. Ему показалось, что Дуня едва сдерживает рыдания. «Как будто ударил», - подумал он с острой жалостью к ней и сказал мягче:

- Ты не сердись на меня. Нельзя это... Сейчас Рая придет. Да и Юрка явится. Нельзя нам, понимаешь?

- Я же заперла, - напомнила Дуня, и в голосе её послышалась надежда.

- Не в этом дело, - строго произнес Михаил. - Ты иди. Иди, спать пора.

Она села, растерянно бормоча:

- Да что ты!.. Чего испугался-то?.. Да ты не в себе, что ли?

Он тоже сел на краю кровати, в темноте нащупал одежду и стал одеваться.

- Да что же это! - почти простонала Дуня. - Куда ты заторопился? Не съем я тебя... Господи! - воскликнула она вдруг с болью и страстью. - Неуж я так остарела! Да неуж-то такая пора настала, что мне на коленях просить!

Она всхлипнула.

Он тихонько тронул её за плечо:

- Не надо, Дуня.

- Да я тебя не жениться на себе прошу, - горячо зашептала она. - Нет-нет! Ты женись на ком хочешь, а только нынче ты мой, слышишь? Нынче ты мой! - Она обняла его, прильнула всем телом, ища губами его губы:

- Люб ты мне, Михаил. И таиться не хочу: люб, вот и все! Я сама не понимаю, что со мной творится. Ни за кем я не гналась, и никто мне не нравился так. А теперь готова, как девка несмышленная, бежать за тобой. Можешь ты это понять?

- Не надо, Дуня, - упрямо повторил он, разнимая её руки. - Нехорошо.

- Да что нехорошо? Что нехорошо?

Вдруг кто-то постучал в дверь. Негромко постучал, но они вздрогнули оба.

- Ох, и глупый же ты парень! - с горечью вздохнула Дуня и пошла отпирать дверь.

Михаил прилег на кровать, поспешно укрылся одеялом и замер. Он услышал, как Рая на улице сказала:

- Это я, мама.

Они обе прошли сенями в избу.

«Слышала она или нет? - подумал Михаил. - Могла слышать. Громко мы разговаривали, разгорячились очень. Вот чертова баба!».

Глава двадцать пятая

В жаркие дни ручей возле Прямухина все мелел и, наконец, совсем пересох. Остались только мелкие бочажки вдоль по руслу. Из них черпали воду для поливки капусты да огурцов, и бочаги постепенно мелели день ото дня, хоть и в большую воду были неглубоки. Вода в бочагах густо затягивалась ряской и нехорошо пахла.

Искупаться было негде. Идти в Старицу - далеко, а по такой-то жаре покажется вдвое дальше. Не успеешь обернуться, уж бригадир звонит с обеда. Купаться и маленькие, и взрослые прямухинцы ходили на Новый пруд. Вырыли этот пруд когда-то на лугу, в стороне от деревни, чтоб водопой был для скота. А потом луг запахали, и пруд стал ни к чему, вода в нем стоячая, глинистая. Муть не осела бы и за неделю, но воду баламутили каждый день с утра и до вечера. Где уж ей отстояться.

Утром сюда являлись мальчишки, плавали, ныряли, катались на плоту. Изредка вылезали пообсохнуть, погреться на солнышке, а потом опять в воду. К полудню вода в пруду становилась уже похожей на жидкую грязь.

После звонка на обед пришли на пруд девки. Мальчишек

разогнали, самым упрямым, не желавшим покидать благословенное место, надрали уши и стали купаться сами. Но недолго они тут наслаждались. Парни выпрягли лошадей, поставили их во дворе и тоже толпой пошли на Новый пруд. Поднялись на взгорье - издали видать: лежат на бережку пестрые ситцевые платья.

- Айда! - азартно скомандовал Васяка Рыбин, и кинулись все что есть мочи, словно волчья стая.

Но девки знали их повадки, заметили. Они натягивали платья прямо на мокрое белье, в котором купались, и опрометью с визгом убежали прочь от пруда: если поймают парни, то заташат в воду и тогда стыда не оберешься.

- Надо было по-пластунски подползти, - с досадой выговорил вошедший в азарт Афонин Ванька. - Вот тогда было бы дело!

- Дурак ты, Афоня! Пока ползешь до пруда, живот до хребта сотрешь.

Догнать никого не удалось, да и не до того. Прибежали запыхавшись, мокрые от пота, торопливо разделись и попрыгали в воду.

С одной стороны бережок обрывист, дно здесь твердое, глинистое, с песочком, отсюда и ныряли. А в других местах и осокой порежешься, и дно там вязкое, илистое: по пояс вода, по колено липкий ил. Зато на середине - «по шейку». Здесь можно и поплавать.

Грязно-желтая вода Нового пруда - вроде целебной в такой жаркий день. И хоть сама она тепла, словно молоко парное, но освежала разгоряченные, потные, с прикипевшей пылью тела.

Густой гогот поднялся над прудом. Попав в воду, все словно обезумели от радости. Ходят на руках, пуская пузыри, подныривают друг под друга, устраивают кучу малу. Ваньку Рыжего схватили за руки, за ноги и подержали в воде лишку - нахлебался, но все равно ржет, как конь. Васяка Рыбин взобрался верхом на дебелого Афоню, и тот свалил-таки его в осоку. Юрка Дунин приладилась нырять через куст: разбежится с крутого бережка и - ласточкой над ивовым кустом, так что ветки чиркают по живо-

ту. Один раз неудачно разбежался - широкая царапина вспухла наискось через грудь. Костыка Крайний вымазался весь грязью и, черный, как негр, бегал по высокому берегу пруда и орал благим матом, чтоб девки издали видели - все равно не разберут, кто это. А потом, обессилев от смеха, свалился Костыка с берега, плюхнулся в воду - отмываться.

Накупались, вышли на берег, повалились на траву и даже удивительно было, что они вполне чистые после такой желтой воды. Рыжий вlepил Афоне куском глины - желтая клякса расплылась по спине. Афоня подвигал лопатками, сказал врястяжку:

- Хорошо! У меня там как раз чесалось.

Закурили с наслаждением, рожи у всех довольные.

- В Лощемле, говорят, весело гуляют. Гармонь Витька Конь купил.

- Какую?

- Хроматику.

- У них там две балалайки есть.

- А главное, девок много.

- Надо туда сходить.

- Крутецкие тоже придут.

- Испугался!

- Если придут - цокнемся.

- Перчатки возьмем. Я себе на свинцовой пластине такую выпилил - быка свалить можно.

- Ну и дурак. Ты еще гирию пудовую возьми. Перчаточка должна быть маленькая, как колечки на четыре пальца, чтоб ее и не видно было.

- Сволочь, кусается! - Афоня хлопнул себя по голому заду.

- Кто?

- Слепень, гад!

- Кровь у тебя сладкая. Меня вот не кусают.

- Эх, принес бы кто кваску! Костях, ты говорил, что у вас квасок свежий. Сбегай, принеси, что тебе стоит!

- Что ты! У меня снегу зимой не выпросишь!

- А мне муравьи пузо нажгли.

Рыжий, морщась, потер живот, на котором заметно вспухли волдыри.

Все лежат веселые и беззаботные, и только Юрка Дунин молчалив, даже не улыбнется, когда все другие хохочут вповалку. Васяка Рыбин толкнул его в плечо:

- Юрк! Ты чего нынче такой? Как будто рупь потерял, а?

- Отвяжись ты, - нехотя ответил Юрка.

- Колманиха его вчера обманула, - Васяка подмигнул парням, а потом добавил такое, отчего все захохотали.

Юрка и ухом не повел, как будто не слышал, и от него отстали.

У Юрки Дунина из головы не шло вчерашнее...

Он пришел в Микулинки, когда уже ночь наступила - не вдруг дойдешь от Прямухина до Микулинок. Никакого гулянья он там не обнаружил, но на этот случай была у них с Наташей особая договоренность. У околицы на холме, поросшем молодыми березками, лежал большой камень. Место укромное и тем удобное, что отсюда видно все, а тех, кто на холме, ниоткуда не видно. Вот здесь Юрка и должен был дожидаться.

Ждать пришлось долго, и уж Юрка собрался пойти постучать к Наташе в окно, но тут она появилась. Прибежала босиком и легко одета:

- Я ненадолго, на минутку.

Юрка подумал, что сейчас она прибежала просто так, проверить, здесь он или еще не пришел, и вот немного погода пойдет переоденется и тогда уж придет насовсем, и тогда уж они пойдут гулять.

Наташа не любит сидеть на крыльце или на завалинке, где надо говорить шепотом. Обычно они с Юркой гуляют по накатанной дороге, что ведет из Микулинок к большаку. Справа и слева от дороги стоят елочки, за которыми удобно спрятаться, если попадется кто-нибудь навстречу. А сюда на этот камень, они приходили отдыхать - не всю же ночь на ногах.

До Наташи Юрка дружил с другой девкой - с Веркой Дубовой из Гороватки. Та боялась не только за околицу выйти, но и

от своего дома отойти. Ей казалось, что стоит только чуть удалиться от родительского гнезда, как парень сразу ее «обманет». В чем именно будет состоять обман, она не знала, но с точки зрения Верки такой обман есть уже то, что парень, прогулявшись с нею подальше от дома, потом не женится на ней.

Еще больше боялась Верка, что слух пойдет, если увидят её с Юркой где-нибудь за околицей в позднее время.

А Наташа не боится ничего: ни обмана, ни слухов. Однажды он сам сказал ей:

- Ты не бойся, Наташа, я не сделаю тебе ничего плохого.

- Молчи уж, что ты можешь сделать! - отвечала она с насмешкой. - Мелешь бог знает что!

- Мало ли... Знаешь, как иногда бывает - обманывают.

- Господи, какой же ты дурак-то! - воскликнула она и засмеялась.

С Наташкой всегда было легко и весело. А вчера она прибежала, уселась на камне - на Юрку не смотрит, поеживается. Скучная какая-то.

- Ноги погрею, - сказала она деловым тоном. - Трава уже росная, холодная, а он такой приятный, теплый, как живой.

Камень днем нагревался, и за ночь не успевал остыть. Теплый, шероховатый от лишайников он казался спиной огромного животного, зарывшегося в землю спать.

- Что же ты босиком? Простудишься, - заботливо сказал ей Юрка.

Он сразу заметил, что она чувствует себя неловко, словно виновата в чем-то.

- Я на минутку. Сегодня никуда не пойдем. Отец приехал, ругается, гулять не разрешает.

Вид у нее озабоченный, сказала и отвернулась, как чужая.

- А что за вечер такой особенный, что гулять нельзя?

- И потом тоже нельзя будет, - с запинкой сказала Наташа.

- Отец не хочет, чтоб я с тобой гуляла. Не хочет, чтоб ты ко мне ходил.

- С чего это?

- Не знаю.

- Что-то наговорили ему? - заволновался Юрка. - Я с ним никогда не ругался и вообще... ничего у меня с ним такого не было. Значит, натрепали на меня.

- Ему про твою мать наговорили, - сказала Наташа.

- Про мать? - переспросил Юрка в недоумении. - А что о ней можно наговорить?

- Сплетничают у нас в Прямухине про неё, а до отца дошло. Он же знаешь какой! На десять лет вперед заглядывает.

- Что ему могли сказать о моей матери? - произнес Юрка после длительного молчания, и голос его неожиданно пресекся.

- Да ну его! Мать у него, говорят, с пастухом гуляет... Да не стану я повторять всякое! Я и отцу сказала: не хочу слушать. Он рассердился.

Наташа оглянулась на Юрку, - он сидел, насупясь.

- Не расстраивайся ты, - она взяла его за руку, дернула к себе, чтоб посмотреть на нее.

Юрка не шелохнулся, только руку отнял.

- Да ты из-за чего? Что про мать-то болтают? Или, что отец запретил нам гулять?

Он в ответ пожал плечами.

Наташа вздохнула. Наступило тягостное молчание.

- Пойду я, Юр, а то дома сейчас хватятся меня, узнают, что я с тобой была - попадет.

- Ну и что же ты теперь решила? - спросил он злым голосом.
- Послушаешься отца?

Теперь наступила её очередь пожать плечами.

- Ты пока не ходи к нам в Микулинки, - сказала она нерешительно, - потом приходи, ладно?

Юрка встал и зашагал прочь, не оглядываясь.

Глава двадцать шестая

Сейчас, сидя на берегу пруда, Юрка поглядывал на парей испытующе: знают они или не знают о тех самых сплетнях, про которые говорила Наташа?

- Скотину нынче домой пригнали на полдни, - сказал Афоня.
- Вот и пастух к нам идет. Тоже в нашей луже хочет поваляться.

Васяка вдруг подмигнул Юрке:

- Твой папа.

И кивнул в сторону подходящего пастуха.

Юрка сумрачно посмотрел на Васяку:

- Чего треплешься?

- А ты не знаешь, что ли? - удивился тот. - Ну-ка, ребята, скажите-ка ему, правильно я говорю или нет?

- Все правильно, - сказал Ванька-рыжий, а остальные только улыбались.

- Да ладно, чего ты побледнел-то! - это Васяка его пожалел. - Может, просто бабы зря болтают. Не обращай внимания и береги свое здоровье.

Юрка отвернулся.

Пастух подошел, поздоровался, стал раздеваться.

- Когда сильно жарко, пастухам праздник, - заметил Ванька Афонин. - Стадо можно домой пригнать, а самому поспать.

- Слепни скотину замучали, - отозвался Михаил, как бы извиняясь за то, что стадо пришлось поставить во дворы. - Мы с Женькой с ног сбились. Да если б было где пасти, можно и поддерживать скотину, а то крутимся на одном месте.

Он разделся догола, подошел к воде, потрогал её ногой.

- Стекол битых нету?

- Нету, не бойся.

Тело у пастуха белое, только чернели от густого загара руки до локтей и шея.

- Тебе бы не за коровами бегать, а кули с зерном таскать, - заметил Васяка, с уважением оглядывая внушительную фигуру пастуха.

- А ты думаешь, я не таскал? - обернулся к нему Михаил. - Все было! И бревна в обхват ворочал, и балки стальные носил на шестой этаж, мешки с цементом, ящики с гвоздями...

Он вошел в воду, поплыл - раз-два взмахнул руками и оказался уже у противоположного берега.

- Волна перед ним - словно катер гонит, - переговаривались парни, - вот плавает!

- Эй, ты где так плавать научился?

- Я на Волге вырос... А потом на Северной Двине пришлось побывать. Если б плавать не умел, меня уж рыбы три раза съели бы.

Он опять кинулся в воду, и та раздалась под ним, того и гляди выплеснется из берегов.

- Силен, бродяга! - Рыжий смотрел на пастуха восторженно. - Вот кого надо взять с собой в Лощемлю, он четверых на себя возьмет.

- Возьмет! - Юрка Дунин презрительно скривился. - Я однажды у него спросил. Он говорит: пусть лучше меня побьют, а я руки не отведу... Силы много, а трусоват.

Пастух поплавал и вышел из воды.

- Дрянь прудишко, - сказал он, отплеываясь. - Уж лучше в болоте купаться, чем здесь. И как вы эту грязь переносите?

- Мы привыкли, - отвечали ему.

- Афоня, ну-ка поборись с ним, - предложил вдруг Васяка Рыбин.

- Поборитесь, - пристали и другие. - У нас Афоня самый здоровый.

- Не борись, парень, - серьезно и спокойно сказал пастух и прилег рядом со всеми.

- Почему? - ревниво спросил Ванька Афонин.

- Я вижу, силенки у тебя есть, да жирку много. Ненадолго тебя хватит.

- Тогда давай попробуем, - сказал Ванька и поднялся.

- Ну-ка, кто кого? - подзадоривали остальные.

- Нет, ребята, - Михаил вздохнул. - Не буду я бороться.

- Испугался!

Пастух дружелюбно подмигнул Афонину:

- Считай, что я струсил. Твоя победа.

- В штаны наклал! - поддразнили его.

- Да я же без штанов! - сказал Михаил добродушно.

Парни засмеялись.

Немного погодя, пастух заметил, что Васяка Рыбин пристально рассматривает его.

- Ты чего меня рассматриваешь, как бабу?

- Картинки на тебе, - Васяка хмыкнул. - Иконостас!

На белом теле пастуха проступала синяя татуировка. Васяка привстал, медленно прочитал надпись на спине:

«Будь проклят тот от века и до века, кто вздумает тюрьмой исправить человека».

- Ого! Тебя, как книжку, читать можно.

- Да все дурость наша, ребята. Напоили меня допьяна и разрисовали. Я после того неделю больной провалялся. А теперь в баню сходить стыдно.

- Здорово! А тут дай посмотреть.

- Ха-ха-ха! Сдохнуть можно, смотрите-ка!

- Да будет вам! - рассердился пастух.

- Мишка, ты сделай и нам такие картинки. Ты, наверно, умеешь.

- Умею, да не буду.

- Жалко тебе, что ли, чужой кожи?

- Дураки вы, мать вашу... Большие уж, а глупости в башке хоть отбавляй.

От него отступились.

- Ну, пойдемте еще по разику окунемся да и обедать пора, - сказал Васяка.

С разбегу, с низкого бережка он кинулся в воду.

- Пузо ободрал, - сказал Рыжий, кивнув на Васяку.

Но тот вынырнул как ни в чем ни бывало на самой середине пруда. Попрыгали в воду и остальные.

- А ты чего же? - спросил пастух у Юрки.

Тот не ответил, стал одеваться.

- Пойдем, побарахтаемся, - опять пригласил Михаил и тоже пошел в воду.

Юрка проводил его ненавидящим взглядом.

Глава двадцать седьмая

Парни дружно вылезли из пруда, стали одеваться, а Юрка следил, как плавает пастух, как от каждого взмаха рук его тело выныривает из воды, и волны расходятся от него кругами.

Михаил окунулся в последний раз и пошел к берегу, на ходу приглаживая волосы и приговаривая:

- А дрянь вода, ребята. Но все равно хорошо.

Комок глины ударил его в грудь. Михаил поднял голову:

Юрка стоял на бережку и мял в руках еще один комок.

- Эй, парень! - беззлобно сказал пастух. - Ты чего? Мне ж теперь снова надо окунаться.

Он нагнулся, поплескал на себя водой, глину смыл, а на коже так и осталось красное пятно. Но едва он выпрямился, Юрка влепил ему в живот еще один комок. Грязь брызнула в стороны, потекла по животу пастуха.

- Держи грех, а то отшибу! - сказал Юрка и засмеялся коротко.

- Ну, будет, - сказал пастух недовольно.

Он вернулся назад, окунулся, похлопал себя ладонями по груди и опять направился к берегу. А Юрка нагнулся, сгреб рукой на срезе обрыва еще горсть мягкой глины и ждал, когда пастух приблизится. Он все так же улыбался, мстительно и зло. Михаил остановился, с недоумением глядя на Юрку.

- Ну, зачем? - спросил он, стоя по грудь в воде.

Юрка в ответ швырнул в него комок, целясь в голову, но не попал.

- А просто так, - ответил он издевательски.

Парни, уже одетые, с любопытством смотрели на них.

- Да что тебе надо? - спрашивал пастух.

- А ничего, - глумливо отвечал Юрка. - Это я шутю... нарочно, понял? Разве тебе не нравится?

Михаил, теряя терпение, сплюнул и пообещал:

- Я тебя за уши сейчас оттреплю.

- Ого! - весело, даже обрадованно, сказал Юрка и опять нагнулся за глиной. - Испугался я тебя! Ишь ты, жирненький, отъелся на наших харчах. В лагере, наверно, похуже кормили?

- Ну-ка, ребята, оттащите его, дайте мне одеться.

Но «ребята» светло заулыбались и не тронулись с места.

- Сиди, сиди там, - поддразнивал Юрка и опять швырнул горсть глины.

Глина легла на воду дробью, несколько мелких кусочков угодили пастуху в лицо. Он молча стер их ладонью, внимательно глядя на Юрку. Выходить на берег и «оттрепать его за уши», как пообещал, он не собирался. Это несколько успокоило Юрку. Он швырнул в пруд пастуху одежду:

- Одевайся там!

Потом повернулся и молча пошел к деревне.

Компания парней наблюдала эту сцену с искренним интересом и азартом. Кто-то из них даже отпускал советы неизвестно кому из двоих: «А ты его оглоблей!», «Эй, поднесите-ка им по жердине!».

Но когда Михаил побрел к берегу, на ходу вылавливая из воды рубаху и штаны, парни притихли. Видимо, лицо у него было такое, что они то ли пожалели его, то ли обробели.

- Что это с ним? - спросил он у них.

Парни переглянулись, одни с недоумением, другие с хитрецей.

- Не знаем.

Он оделся, поглядел вслед Юрке, потом сердито сказал:

- А вы не могли остановить, когда он грязью швырялся?

- Мы не хотели вмешиваться, - ответил за всех Ванька-рыжий. - У вас свои счета, вы сами и разбирайтесь. А наше дело телячье: стой да смотри.

- Какие же у меня с ним счета могут быть?

- Да уж мы не знаем.

Рыжий подмигнул товарищам, и они понимающе заулыбались. Ободренный этим, Рыжий добавил:

- С мамашей-то его ты фью-фью! Вам-то хорошо, а Юрке не нравится. Ему ваши шашни поперек горла встали.

Пастух с расстановкой выругался матом, потом сказал в сильной досаде:

- С ума посходили люди! Дурак я, что ли, с пожилой бабой гулять? Или мне девок не хватает?

- Брось, не притворяйся, - парни недоверчиво ухмылялись. - Зря говорить не станут.

- Да вот клянусь вам ребята, не было ничего! Кто-то слух пустил дурачий, а вы все верите.

- Ладно, - одобрили его. - Не дрейфь! Мы тебя не ругаем, что нам за дело! Конечно, Юрка тебе не простит, а мы не вязываемся.

- Да идите вы, знаете куда! - заорал пастух. - «Не вязываемся», «не ругаем», - передразнил он. - Я им говорю: белое, а они твердят: черное.

Парни, усмехаясь, глядели кто куда, но только не в глаза пастуху. Он в сердцах рывком затянул ремень брюк, одернул рубаху, прилипшую на животе, закатал повыше мокрые штаны.

- Ей-богу, ребята, с ума сойдешь с вами, - сказал он уже негромким голосом. - Главное, Юрку жаль, понапрасну он переживает.

Юрка Дунин был уже далеко, подходил к деревне. Шел он, опустив голову и засунув руки глубоко в карманы.

- Жаль, - повторил пастух.

- Ты поговори с ним, - посоветовал Васяка, в голове которого, кажется, впервые шевельнулась мысль, что зря наговаривают на пастуха. - Может он тебе и поверит.

На это Михаил ничего не ответил, а через минуту сказал, вздохнув:

- Ох, проклятушая деревня! И народец у вас тут... Никого не щадят.

Глава двадцать восьмая

Когда он вернулся в деревню, откуда-то налетел на него Петька Паничев:

- Дядь Миша! Тебя председатель зовет. Иди скорей в канцелярию, сейчас тебе попадет.

Наверно, с таким же видом Петька кричал бы: «пожар!»

- Так уж и попадет! - Михаил с сомнением покачал головой.

- Он сердитый больно. На меня заругался, за тобой послал. Я уж на Новый пруд собирался бежать. Мне сказали, что ты туда купаться пошел.

- Что ж ты так запыхался, Петр Семеныч! Экое дело - председатель послал! Если так бегать, толку будет мало. Тогда все, что за столом съедаешь, в тебе перегорит, и в дело ничего не пойдет. Станешь плохо расти, понял? А ты ходи важно, не спеша, тогда тебя и председатель побаиваться станет.

Он потрепал Петькины волосы, ободряюще подмигнул ему, а сам невольно оглядел себя, все ли в порядке. Застегнул пуговицы у рубахи, подтянул ремень потуже - как-никак к начальству идти.

«Зачем я ему нужен? - думал он, шагая к канцелярии. - Неужели и он про то же? Начнет читать мораль, чтоб я не гулял с бабами. И буду я стоять дурак дураком...».

Но он ошибся. Его ожидала неприятность совсем другого рода.

В канцелярии окна были распахнуты, и чтоб ветром не сносило листы бумаги, счетовод Володя Суковатов прижимал их камешком. Володя был постоянным свидетелем всего, что происходило в председательском кабинете. Тут жаловались и льстили, просили и требовали, угрожали и проливали слезы. Тут каждый день происходили сцены и поинтереснее той, которая начиналась теперь. Володя привык ко всему и невозмутимо шелкал на счетах, прилежно заполнял широкие ведомости или что-то писал. Подумаешь, устроят головомойку пастуху! Покричит председатель да тем и кончит дело.

На лавке вдоль стены сидели бригадир Иван-безрукий, Митряха Тарлыков, еще кто-то. Эти только что зашли, любопытства в них больше.

- Звали, Алексей Иванович? - спросил Михаил, едва переступив порог.

- Звал, - ответили за председателя мужики, как будто хотели поторопить события.

Колманов сердито расхаживал, а теперь сел за стол, стал сворачивать сигарку, поглядывая на пастуха исподлобья. Все замолчали, хотя и делали вид, что ничего особенного не происходит.

Михаил огляделся - то ли сесть ему полагается, то ли стоять? Свободная скамья есть только возле широкого председательского стола. Садиться туда нельзя, не полагается. Он встал у двери возле стены, заложив руки за спину.

Колманов сигарку рассыпал, сердито смахнул табак на пол и стал сворачивать новую.

- Потрава, товарищ пастух! - сказал он громко и строго уставился на Михаила.

«Где? Какая потрава?» - недоуменно подумал тот и нахмурился, выжидая, что скажет Колманов дальше.

- Целый гектар яровой пшеницы стравил скоту, коровий командир! - и словно только теперь осознав всю серьёзность происшедшего, председатель выругался: - Ах, мать твою так! Целый гектар!

Михаил с беспокойством переступил с ноги на ногу, растерянно вымолвил:

- Какая пшеница? Как это стравил?

- Ну, там не гектар, меньше, - тихо заметил Иван-безрукий, ни к кому не обращаясь.

- Мы пахали землю, удобряли её, холили, радовались на это поле, когда пшеничка взошла, а ты походя испохабил! - не слушая Ивана, продолжал Колманов. - Таковую пшеницу загубил! Тебе наплевать, что люди на этом месте пот проливали, мозоли наживали. Взял и испортил! Ты в лицо колхозникам плюнул.

По мере того, как Колманов говорил, голос его поднимался все выше и выше, того и гляди сорвется на крик.

- Да где потрава-то? – не выдержал Михаил, тоже начиная сердиться.

- А ты овечкой-то смиренной не прикидывайся! «Где потрава-то?» Ишь, он и не знает! Мы заранее предвидели, что ты отпираться станешь: я не я, и лошадь не моя. Глядишь, и сойдет с рук, так что ли?

Он свернул, наконец, цигарку, но закуривать не стал, а отложил её в сторону.

Мужики, сидевшие у другой стены на лавке, молчали. В наступившей тишине было слышно, как поскрипывает Володино перо.

- Значит, не помнишь и не знаешь? Я тебе напомним. Возле Пьяного ручья клин пшеницы вытоптан. Целое стадо ходило: и коровьи и овечьи следы. Свежие, только вчера там гуляли. Ты, наверно, думал, что никто не заметит? Думал, что мы туда еще месяц не заглянем, верно? Посеяли и наплевать, да? Можно там скотину пасти? Целый гектар пшеницы! Это, если ты хочешь знать центнеров шестнадцать-восемнадцать. Две тонны отборного зерна.

Володя Суковатов покряхтел и вставил:

- Если на пуды считать, побольше ста будет.

- Вот так. Стопудовый урожай ты погубил. Одним махом! Как корове под хвост.

Колманов вскочил из-за стола, потом опять сел.

«Сильно нервничает, - отметил про себя Михаил. - Значит, дело серьезное».

Как всегда в такие минуты к сердцу подкатила тоска. Ну, почему опять не повезло? Не одно, так другое...

- Там край только чуть попорчен, - опять сказал Иван-безрукий, сочувственно глядя на пастуха.

- Мы вчера не пасли возле пьяного ручья, - сказал Михаил. - Подумал и добавил: - И позавчера тоже.

- Как же так: не пасли? А вот Женька говорит, что как раз там и были вчера.

Хоть и невесело на душе, но Михаил чуть не улыбнулся: «На пушку» ловит председатель. Дня три стадо гуляло в лесу да на выгоне, да возле болота, а к Пьяному ручью не гоняли, потому и не мог Женька так говорить. Откуда же все-таки взялась потрава? Не выдумал же её председатель? Может, отбилась какая-нибудь корова да и напакостила?

- Женька не говорил вам такого, - сказал Михаил осторожно. - Не были мы там и вчера, и позавчера. С чего же подпасок напраслину станет на себя возводить? Какой ему интерес?

- Ну, говорил или нет - дело десятое. Поле вытоптано - вот факт. Против фактов не попрешь. Все равно не отпереться тебе.

- Я не отпираюсь, рассказываю как было.

- А было так, что ты упустил стадо и сгубил яровое поле. Из каких доходов будешь платить? С тебя причитается две тысячи киллов пшеницы. Ты за год столько не заработаешь. Значит, так: я пишу акт, вот понятия подпишут, и передаю его в прокуратуру. Две тыщи киллов пшеницы - шутка ли? За это судить надо! И будем судить!

Последние слова Колманов выкрикнул так громко, что Михаил вздрогнул. Опять наступило напряженное молчание.

- Иди, иди, гуляй, парень! - сказал вдруг Володя. - Нечего тебе тут околачиваться.

Все оглянулись на него.

А Володя махал рукой на окно, в котором виднелась светловолосая голова Петьки Паничева. Окрик Володи не произвел на мальчишку впечатления, он шмыгнул глазами туда-сюда, но едва заметил, что к нему поворачивается и Колманов, тотчас нырнул вниз.

Председатель встал из-за стола, быстрым шагом прошелся по комнате, остановился перед Михаилом:

- Рассказывай, как дело было. Уснул? Ночь прогулял со вдовой, а днем решил отоспаться?

При упоминании о вдове мужики ухмыльнулись. Михаил заметил эти ухмылки, но сейчас он даже не почувствовал досады от этого. «Судить!» - этот выкрик все еще звучал у него в ушах.

- А может быть это умышленное вредительство? - наседал Колманов. - Как расценить?

- Надо посмотреть, что за потрава, - ответил Михаил, виновато клоня голову. Теперь он уже был почти уверен, что вчера убежало из стада несколько коров. Женька ему сразу не сказал, а председателю сознался.

- Да ты знаешь, знаешь! - перебил его Колманов. - Нечего крутить да вертеть! Меня не проведешь. Сознаться.

Пастух пожал плечами.

- Значит, не хочешь по-хорошему? Решил отпираться? Ну, что же, передаем дело в суд.

Он сел за стол с видимым облегчением, как человек только что принявший бесповоротное решение.

- Если бы признался теперь чистосердечно да попросил нас по-человечески: так, мол, и так, проспал, прогулял, больше не повторится, - рассуждал он, сидя за столом. - Может мы тогда и простили бы, замяли дело. А ты решил схитрить. Тогда под суд пойдешь.

Это разозлило пастуха.

- Да вы меня не пугайте, - сказал он сердито. - Я уже пуганный. Не было у нас потравы, за это я ручаюсь. Мы за скотиной посмотрим. И нечего тут!..

Колманов так и взвился:

- Он пуганный! Он ручается! Да я-то за тебя не поручусь и копейкой. Целый гектар пшеницы загубил, а теперь хочет в кусты схорониться. Не выйдет!

Он с размаху стукнул кулаком по столу, камешки подпрыгнули с бумаг. Некоторые упали на пол. Счетовод Володя кинулся поднимать их, придерживая листки, лежащие на столе. А голос председателя поднялся на новую высоту. Колманов разошелся не на шутку:

- Ты преступник! Один раз отсидел, а теперь пошел на сознательное вредительство. Больше никак это не назовешь. Да еще хочется ему в святых ходить, праведником считаться. Я тебя давно понял. Небось помнишь наш разговор у Романа? Ишь, стоит фертом: не пугайте меня, я пуганный.

В окне опять показалась Петькина физиономия. Пастух встретил его сострадательный взгляд, и ему захотелось ободрить мальчишку: ничего, мол, парень, все в порядке. Присутствие Петьки почему-то успокоило его.

- Надо разобраться, Лексей Иваныч, - сказал пастух совсем другим тоном, тихо и рассудительно. - Мы отравы не делали. За свою вину, я хоть сейчас наказание приму, но где тут моя вина, пока не вижу. Надо поглядеть, что за потрава, а то ведь я стою и ни черта не понимаю. Так чего же я стану каяться и прощения просить, коли ничего не знаю. Вы меня тоже поймите.

Неожиданная покорность пастуха подействовала на Колманова умиротворяюще. Он замолчал и уселся за стол, тяжело дыша: достал из кармана галифе платок, вытер потное лицо.

- Да она еще поднимется, пшеничка, Лексей Иваныч, - вступился бригадир. - Вот её дождичком вспрыснет, она и встанет. Ничего, выпрямится...

- Встанет, - поддержал и Митряха Тарлыков. - Зеленая еще, молодая. Она и не совсем загублена.

- Заступники! - пробормотал Колманов. - У вас о колхозном добре душа не болит.

В голосе его уже не слышно было прежней злости. Михаил подмигнул Петьке, и лицо мальчишки тотчас расплылось в улыбке. Но стоило председателю пошевелинуться на стуле, как улыбка вмиг исчезла с Петькиного лица, и он снова нырнул вниз.

Колманов ткнул пальцем в сторону пастуха и сказал:

- Штраф заплатишь. Какой мы тут решим. Вот подсчитаем убытки и решим. Но это для первого раза! - Он постучал по столу костяшками пальцев. - Еще один такой случай, и ты будешь там, где недавно был. Запомни это, праведник. Можешь идти.

Михаил, ни слова не говоря, вышел. А выходя, подумал, что верно говорил ему недавно кузнец Роман: спорить с председателем накладно. Лучше помалкивать. Кузнец - умный мужик. Гнется, да не ломится, ни в чем не возражает, но потихоньку делает свое. Потому и разбогател.

Глава двадцать девятая

Пьяный - такое имя дали ручью за то, что по берегам его среди редких березок были целые заросли голубики - пьяницы, как её здесь называли. Вдоль ручья тянулись лентами лужайки с редкими кустиками. Михаил с Женькой этот выпас берегли, гоняли сюда не часто, через день, а то и реже. Если попасть два-три дня подряд, выбьют коровы это место, и тогда не скоро трава на нем поднимется. А так они пустят стадо часа за два до полден на Пьяный ручей, коровы накинута на сочную траву да попьют воды, потом и на полднях не толкуются, спокойно лежат и жуют жвачку.

Даже если пригнать скотину домой, коровы на своем дворе не бегут сразу к яслям, где их хозяева приготовили охалку свежей травы, а ложатся отдохнуть. Хозяева и доярки сразу заметят, голодные коровы или сыты. Тут никого не обманешь.

Но пасли на этом лугу с опаской и бережением: с обеих сторон к ручью подступали поля, так что весь этот коридор между полями с ручьем посредине едва-едва позволял пропустить стадо. Впрочем, коровы вели себя здесь смиренно и не смотрели на посева, потому что трава и на лужках была хороша. И вот на тебе - потрава!

Как же это случилось? Кто потравил? Да уж не подстроил ли кто нарочно? Ведь в последние дни Михаил никуда не отлучался и точно знал, что ни одна корова не отбивалась от стада. И все же сомнение брало: а вдруг проглядели они, и отбилась!

Когда жара немного спала и стали выгонять стадо, Михаил спросил:

- Женька, что ты сказал председателю, когда он с тобой разговаривал?

Подпасок сразу понял, о чем речь. Он и сам был встревожен.

- Да меня он и не слушал, только ругался. Того гляди излупит. А тебя грозился в тюрьму закатать.

- Ишь, какой горячий, - пробормотал Михаил с некоторым смущением. - Сам поет и сам себя слушает, как соловей. А что другие доказывают, того и слушать не хочет, наплевать ему на других, лишь бы самому выговориться. Я говорю, что не было отравы, а он знай шумит: было.

- Я только сейчас оттуда. Как меня Колманов отругал, я и побежал поглядеть.

- Ну?

- Там, верно, край поля попорчен. Не шибко, но есть. И весь луг вытоптан.

- Как же так, - в растерянности произнес Михаил.

Значит, отрава все-таки есть, и Колманов не зря сегодня так разозлился.

- Знаешь, старшой, на том лугу старицкие пасли.

- Почему ты думаешь на старицких?

- Больше некому. Только им и возможно прогнать к Пьяному ручью свое стадо. А коровьи лепешки недавние, вчерашние. Вот вчера они и пасли.

- Ну-ка, давай сейчас туда стадо двигать. Посмотрим, сильно что ли, отравили.

Если Женька верно говорит, значит дело дрянь. Теперь уж и вовсе не возразишь председателю, остается покорно клонить голову. До сих пор Михаил надеялся на лучшее, что кто-то увидел на поле несколько коровьих или овечьих следов и донес Колманову, а тот решил пугнуть пастухов, чтоб неповадно было, чтоб посматривали лучше за скотиной. А когда ругался, понял, что не больно-то его боятся, вот и закипятился пуще.

Это бы еще ничего. Если так, тогда все ограничивалось бы сегодняшним разносом. А вот если старицкие набезобразничали, то как докажешь, что это они отравили поле? Никто не видел, а

не пойманный - не вор. И придется за чужие грехи расплачиваться собственным карманом. А то может выйти что-нибудь и того хуже.

Михаил задумался... Ну, хорошо. На этот раз он отделался счастливо. Может еще и не оштрафуют. А если снова такое случится? Или обьестся корова, или волк овцу задерет, или жеребенок ногу сломает - что тогда? Эти невеселые мысли владели пастухом, когда он услышал издали Женькин крик.

- Старшо-ой! - что есть мочи кричал подпасок. - Старицкое стадо возле Пьяного пасется!

Пастух встрепенулся:

- Ты чего?

- Вон они! - Женька показывал вперед. - Опять пригнали!

Впереди за деревьями ничего не было видно, но Женька со всех ног бросился туда, матерясь во все горло. Михаил поспешным шагом отправился за ним. Когда миновали свое стадо, услышали впереди, за кустами бляенье овец и чужие голоса, кто-то хлопал кнутом.

- Уматывайте отсюда! - кричал Женька. - Все скажем! Попались теперь! Вы будете отвечать, а не мы! Пошла прочь! Но! А ну пошла!

- Ты чего это коров хлещешь? - послышался чужой голос. - Это твои, да? Ишь, налетел! А если я тебя так хлестну, а?

- А вот попробуй! Попробуй только! - частил Женька.

- Ах ты шкилет! Ну я тебя сейчас!

Михаил вышел из-за деревьев, - по обеим сторонам Пьяного ручья паслось чужое стадо. Женька размахивал кнутом и кричал на чужих коров, выгонял их со своей земли. А к Женьке приближался с угрожающим видом коротконогий мужичок в зимнем треухе. С другой стороны к ним бежал во всю прыть мальчишка-подпасок. Еще один пастух возрастом помоложе мужичка и выше его ростом стоял в стороне и пока не двигался с места. Он первый заметил Михаила и ленивой походкой тоже двинулся к спорившим.

Женька пятился от своего врага и устрашающе кричал:

- Не подходи! Не подходи, говорю, а то хлестну!

Он оглянулся, увидел Михаила, и это придало ему храбрости. Он размахнулся и для острастки хлопнул кнутом перед наступавшим на него мужиком. Тот остановился, тоже откинул назад свой кнут, намереваясь хлестнуть подпaska.

- Эй ты! - предупреждающе крикнул Михаил. - Не смей!

Мужичок, словно не слыша, секанул Женьку по ногам. Тот завизжал, закрутился на месте, присел на корточки.

- Не тронь парнишку! - закричал Михаил уже на бегу. - Не тронь, говорю!

Мужичок оглянулся на подбегавшего пастуха, а Женька, воспользовавшись моментом, вскочил, проворно размахнул кнутом, но ударить обидчика ему не удалось: старицкий подпасок, ловко прыгнув, наступил на Женькин кнут обеими ногами. Женька с досадой бросил его и налетел с кулаками на старицкого пастушонка. Оба они покатались по траве. Мужичок в треухе хотел помочь своему, но Михаил был уже близко:

- Стой, говорю!

Его уже колотило от злости, и он знал, что в минуту сильного гнева действует, как в тумане, почти не рассуждая. Мелькнула мысль, что сейчас не надо давать себе воли, и он крепко сжал зубы, словно этим мог запереть колотившую его злость, не дать ей исхода.

- Вам кто разрешил? Кто разрешил здесь пасти? - выговорил он сквозь зубы.

Мужичок не больно-то испугался:

- Смотри ты - допросчик какой! Ну, я разрешил, у тебя не спросил.

Михаил, не владея собой, ударил мужика, как раз при-шлось ладонью по щеке. Получилась оглушительная оплеуха, от которой тот качнулся и, наверно, упал бы, не схвати его Михаил за отворот пиджака. Шапка у мужика съехала на бок, он вылупил глаза и закричал:

- Митька! наших бьют!

- Отойди, Мокеич, я кнутом! - крикнул тот Митька.

Михаил хотел ударить мужика еще раз, но сдержался и только резко толкнул его. И в ту же минуту рядом с Михаилом, со свистом взрывая траву, хлестнул кнут. Митька, остановившись с разбегу шагах в десяти, размахнулся снова, и если бы Михаил не увернулся, удар пришелся бы как раз поперек туло-вища, по груди.

Вжжик! Вжжик! - раз за разом хлестал Митька, и по лицу его было видно, что он трусит, потому и спешит нагнать на противника побольше страху.

Михаилу пока удавалось увертываться, но вот горячей болью обожгло левую ногу.

- Ага! - торжествующе закричал Митька. - Попробовал?!

- Катай его! - Мокеич тоже откинул кнут, прицеливаясь.

Теперь они полосовали траву возле Михаила в два кнута.

«Глаза бы не выстегнули!» - опасливо подумал он и отступил за куст. Сначала он только увертывался, но когда задели по ноге, злость вспыхнула с новой силой, и он тоже приноравливался ударить. Вот кнут Михаила оглушительно хлопнул прямо перед лицом Митьки, и тот шарахнулся назад. Но как раз в этот момент Мокеич достал Михаила по ногам, он охнул - боль была резкой, словно кипятком плеснули на обе ноги. Это ободрило нападавших, и они наседали все напористей. Михаил отступал, отступал, не давая им приблизиться, иногда резким выпадом отпугивал их.

- Мокеич, заходи с той стороны!

Митька дышал тяжело, как после пробежки, рот его постоянно кривился - так старательно он работал кнутом.

- Сейчас ты у нас запляшешь! Мы тебе покажем!

Коротконогий мужичок заходил сзади, и теперь Михаилу пришлось вдвое трудней: его взяли в клещи. Сделаешь выпад на Митьку - а сзади уже набегает Мокеич, только шагнешь в его сторону - наступает Митька. Они действовали кнутами гораздо ловчее и проворнее, а Михаила выручало одно преимущество - кнут у него был длиннее. Они поняли это сразу, опасались подходить близко, и потому много хлестали зазря. Однако с тех пор, как

зашли с разных сторон, атаки их еще более участились.

Вжжих! Вжжих! - ложились на землю кнуты, и зеленая травка падала под ними, скошенная.

Михаил отступал к ближним деревьям. Оглянулся на Женьку - он и старицкий подпасок стояли друг против друга, как петухи, и слышно было, переговаривались:

- А ну тронь!

- А ты попробуй!

Голос Женьки звучал злее, настойчивей, уверенней, а у его противника со слезой. Из этого Михаил заключил, что дела его подпaska обстоят неплохо, хотя и полной победы добиться ему еще не удалось.

А Митька с Мокеичем приноровились хлестать не по очереди, а враз, залпом. После первой же такой атаки Михаил едва успел отскочить в сторону. Митькин кнут вспорол-таки ему рубашку на боку, хоть и не достал до тела. «Запорют», - подумал он и отбежал за деревья. Здесь было удобнее защищаться, но отсюда хуже нападать - развернуться негде.

- Вжжих!

Сухая хвоя и подзолистая земля облачком вздымаются от удара туго свитого кнута.

Вжжих!

Другой кнут звучно ударил по стволу сосны.

Мокеич и Митька наступали в полном согласии друг с другом. Они перебежали с места на место, выискивая, откуда можно было бы достать неприятеля.

- Пляшешь, гад? Танцуешь? - спрашивал Митька, вошедший в азарт.

- Мы те покажем, - приговаривал и Мокеич, пританцовывая на коротких ножках. - Долго будешь нас помнить!

- Дуй отсюда, пока не поздно!

Это Митька уже торжествовал победу, он хотел, чтобы схватка завершилась бегством врага. Побежит - тогда можно и кончить хлестать.

- Драпай, говорю, пока не располосовали!

«Нет, так мне их не одолеть», - сообразил Михаил.

Теперь он действовал расчетливо, не горячась. Злость клокотала в нем по-прежнему, но не она руководила им. Он зорко следил за каждым движением наседавших на него пастухов, выжидая благоприятного случая.

Митька подошел ближе и, когда хлестнул, конец его кнута обмотался за сучок сосны. Он дернул его к себе - никак. И в эту же минуту Михаил бросился к нему. Он с такой силой схватил его за грудь, что затрещал пиджак, Митькина голова моталась, как у тряпичной куклы. Мокеич уже спешил тому на выручку. Он приблизился на расстояние своего кнута и голосил:

- Отойди, я его! Отойди!

- Как же! Отойдет сейчас, жди, - проговорил Михаил сквозь зубы.

Он загораживался от Мокеича Митькой, который сопротивлялся, выкручивался из рук, упирался.

В стороне слышны были громкие хлопки - это пастушата хлестались на кнутах. Но там Женька быстро одолел своего противника, старицкий подпасок заревев во все горло, бросился бежать. А Женька повернул на помощь «старшому».

Мокеич поднял с земли какую-то рогулину и теперь подбежал к Михаилу, засуетился возле, выбирая момент, когда стукнуть. Женька увидел, как «старшой» вдруг шагнул к мужичку, вроде несильно ударил его под подбородок - тот выронил рогулину и опрокинулся на спину.

- Если вы, гады, еще раз вздумаете пасти на нашей земле, - Михаил ожесточенно тряс своего врага за воротник, сдавливая ему горло. - Если вы еще раз... Башку отверну на сторону!

- Пусти, - прохрипел Митька, и в голосе его слышна была просьба. - Ну, пусти, чего привязался!

Мокеич между тем, кряхтя, приподнялся. Подбежавший Женька пнул его ногой, и он опять упал. Видно, никак не мог прийти в себя.

Женька остановился, глядя с торжеством, как старшой вытрясает душу из старицкого пастуха.

- Ну, отпусти, - попросил Митька.

Михаил оттолкнул его:

- Убирай свое стадо! Быстро!

Он сделал несколько шагов следом за отступившим противником, словно намереваясь догнать его, и Митька побежал.

Женька нагнулся, поднял Митькин кнут, перерезал его пополам перочинным ножиком, потом то же самое сделал с кнутом Мокеича и бросил ему все эти половинки.

Мокеич сморкался в руку, разглядывал ладонь, то и дело сплевывал в сторону.

Митька издали крикнул:

- Ну, смотри теперь! Мы тебя подловим. Не думай, что нас только двое. Ты за все заплатишь!

Михаил ничего не ответил, но Женька не стал молчать:

- Беги, пока не догнали! За штаны крепче держись!

Когда вернулись к своему стаду, которое разбрелось по опушке леса, старшой задрал штанину - багровые рубцы вспухли у него на ноге.

- У меня тоже - во! - похвастался Женька, засучивая рукава рубахи. - И на ногах.

- Ты молодец, - похвалил его «старшой». - Здорово ты победил!

Польщенный подпасок великодушно заявил:

- Ты тоже дал им жизни! Один против двоих...

А старшой невесело вздохнул:

- Да, брат, отличились мы с тобой нынче... И как это нас угораздило!

Он нахмурился и замолчал.

- Конечно, отличились, - с гордостью сказал Женька. - Двое на троих и - наша взяла! Будут знать теперь, как гонять свое стадо на чужой луг. Здорово ты этого Митьку-то! Подпасок захохотал во все горло. - Я гляжу, у него голова мотается, как тряпичная.

- Ладно тебе, - остановил его старшой. - Ничего тут хорошего нет. Ты никому, смотри, не рассказывай.

- Еще чего! - Женька решительно мотнул головой. - Если бы нас побили, я б никому не рассказывал, а раз мы их... А этот-то, мой-то, заплакал! Как я ему врезал раз, он и в слезы. Небось, я не заревел, когда он мне хлестнул... слюня-вый. А этот Мокеич ихний сидит и сопли на кулак мотает!

Женька опять захохотал, даже присел, держась за живот обеими руками. И чем больше смеялся он, тем мрачнее становился старшой. Подпасок оглянулся на него раз и два, лицо его стало принимать недоуменное выражение, и он замолчал.

Минуту спустя, он стал вспоминать драку со старицкими пастухами, но смеялся уже не так охотно, а скорее притворно, то и дело посматривая на Михаила, вызывая тем самым и его поиздеваться над побежденным врагом. Он никак не мог понять, почему так невесел и озабочен старшой, почему хмурится. Впрочем Женьку недолго занимало это. Радость победы клокотала в нем, переливаясь через край. Стоило им разойтись, когда стали собирать стадо в кучу, как Женькин голос уже разносился по лесу. Он пел свою любимую песню:

- На широкую долину
Выгонял я скотину,
Пас!
Пас, ё-кы-лы-мы-ны,
Пас!

При этом он хлопал кнутом и отчаянно свистел.
«Хорошо ему живется», - подумал Михаил с завистью.

Глава тридцатая

Целую неделю не появлялся Юрка в Микулинках.

В первые два-три дня в нем не затухала обида: как легко Наташа отказалась от него! Стоило только прикрикнуть отцу, и она уже готова послушаться. Да что она, маленькая! До каких же пор будет на папу оглядываться: разрешит он или не разрешит. Когда же она станет хоть немного самостоятельной? Ведь вот только заикнулся отец, а она уже послушненько: «Ты не приходи пока».

А что значит «пока»? Да если на то пошло, он, Юрка, может совсем не приходить, никогда. Он никому не навязывается. Не дорожит им - он тоже не станет держаться, и тогда надо еще посмотреть, кто за кем будет бегать. Во всяком случае чтоб Юрка бегал - этого ей не дожидаться. Он не дворняга, которую только помани - она и побежит, а прогони - заскулит и все-таки бежит, хвостом виляет, в глаза заглядывает. Это Крючок может так; а он, Юрка, на это не способен, не таковский.

Однако в середине недели в его голове созрели примирительные мысли: «А что в самом деле, с таким отцом, как Колманов, не больно-то поспоришь. Он и взрослого согнет, а уж такую девчонку, как Наташа, и подавно».

Если разобраться, ничего такого обидного она тогда Юрке не сказала. Просто посоветовала переждать немного, пока отец успокоится. Что ж на рожон-то лезть! Вот поулягутся слухи, и все пойдет по-старому. Надо только сделать что-то такое, чтоб не было всяких разговоров о матери. А на Наташу что ж сердиться! В общем-то она права.

Но обида еще не прошла. Все равно думалось: могла же она быть посмелее. Подумаешь, отец запретил! Да он ей завтра пить-есть или дышать запретит, тоже слушаться?

И Юрка пока что выдержал характер.

А к концу этой недели он начал проявлять беспокойство. Это оттого, что в голове его закружились совершенно глупые предположения. Например, ему подумалось, что Женька Дадыкин про-

нюхает о его ссоре с Наташей, и будет тут как тут. Кто знает, как может повернуться дело!

Вдруг Наташа подумает, что Юрка разобиделся на нее очень сильно и не собирается с нею больше гулять. А если она считает, что они окончательно разругались, то вполне может разрешить Женьке провожать её.

Юрка подумал даже, что Колманову ничего не стоит столковаться с Яковом Дадыкиным. Вот надумают породниться два председателя, возьмут да и поженят Наташу с Крючком. Чем плоха пара? Он сразу же говорил сам себе: нет, этого никак быть не может! Но тотчас возражал: а почему бы и нет? Если дочка так слушается отца, да принимая во внимание её ссору с Юркой, то она вполне может и согласиться... Что ж, жених богатый. Да и откуда Юрка взял, что Крючок вовсе противен Наташе? Девки, они народ непонятный, сегодня они с тобой так, а завтра этак. Хоть она и насмехается над Женькой в глаза и за глаза, а кто знает, что у нее на душе.

Вот и произойдет непоправимое: проворонит он Наташу - грызи потом всю жизнь локти. «Тогда позор на всю Европу! - думал Юрка. - Скажут: натянула тебе девка нос... И кому уступил? Крючку. Ладно бы парень был неплохой, а то ведь дерьмо».

Он не замечал, что думает о свадьбе Наташи с Крючком, как о деле решенном, и от этих мыслей Юрку бросало в жар.

Наконец, он не выдержал и отправился в Микулинки. А в Микулинках его ожидала такая новость, услышать которую он никак не чаял, и которая повернула его мысли совсем в другую сторону.

Наташи там он уже не нашел. Маня Командирова сказала, что отец отослал её в город к родным, велел устраиваться на работу в «Красный швейник». Есть там такая фабричонка. И все будто бы потому, что Наташа не послушалась отца.

- В чем же она его не послушалась? - спросил Юрка в недоумении.

- Смотри-ка, еще притворяется! - воскликнула Маня. - Да он же вам запретил гулять, а она все-таки к тебе вышла и сидела с тобой.

Маня не скрывала своего торжества по поводу Юркиных неприятностей, а его при этом известии захлестнула горячая нежность к Наташе. Значит, зря он о ней думал плохо! Значит, не так-то легко она сдалась!

- Отец её ругать стал, - рассказывала Маня, - а она ему: это, мол, моё дело, с кем гулять. Ну, вот ей Лексей Иваныч пропишет!

А Юрка в эти дни ничем не помог Наташе, только обиды свои перебирал. Хорош, нечего сказать.

Он вернулся домой ни с чем, и встревоженный, и обозленный. В этот вечер дома он застал одну Раю. Она сидела в темноте, не зажигая огня, ужинала. Видно, только что с гулянья пришла.

- А мать где? - спросил Юрка подозрительно.

- Сейчас придет. Задержалась на скотном.

Юрка хмыкнул неопределенно и сказал:

- Ничего себе задержалась!

Он посидел на лавке, зажег лампу, на что Рая заметила:

- Зачем керосин жжешь? Чай, не шить собираешься. Садись, ешь. Мимо рта не пронесешь.

Молоко она ела прямо из кринки, и кринка была почти пуста. Оттого, когда она прикладывалась к ней, слышнее были вздохи и прихлебывание, это раздражало Юрку. Он посмотрел на нее, сказал сердито:

- Ну, чего ты никак не насытишься!

Рая подняла на него удивленные глаза:

- Жалко тебе хлеба с молоком, да?

- Не жалко. Поговорить надо, а ты тут чавкаешь.

- Говори. Я буду есть и слушать.

- Ты только спала бы да ела!

- Ладно, хоть ты у нас такой, не ешь и не спишь, а только со своей цыпочкой гуляешь.

Рая засмеялась. Она не любила ругаться и всякую ссору всегда превращала в шутку. Теперь она следила за братом веселыми глазами и поддразнивала:

- Мне и надо побольше спать да есть. Я толстая буду, все парни тогда мои.

- Вот-вот, - пробормотал он. - У вас одно только на уме.
- Что у нас на уме?
- Как бы парня найти, замуж выскочить.
- Значит и твоя девка о том же думает: как бы тебя на себе женить.

Юрка промолчал, походил по избе, потом сказал:

- О нашей матери слухи пошли.
- Про что это ты?
- Я говорю, сплетни всякие разносят в деревне про мать.

Рая пожала плечами:

- С чего ты взял?
- Разве ты не слышала ничего?
- А что будут о ней говорить? Ты не в своем уме!

Рая, конечно, сразу сообразила, о чем говорил Юрка, но делала вид, что не понимает его. Незачем ему все знать.

- Слух пустили, будто она с нашим пастухом спуталась, - проговорил Юрка.

- Ничего себе ты о своей матери выражаешься - спуталась! Шлюшка она, что ли?

- Я уж не знаю, как и выражаться. Гуляет она с ним!

- А это не твое собачье дело! - рассердилась вдруг Рая. - Я вот ей скажу, что ты о ней говоришь.

- Как не мое дело? - не сдавался Юрка. - Я ей кто? Сын. Да и ты не посторонний человек. Нас очень даже касается. Зачем она обоих нас на позор выставляет?

- А ты зачем в Микулинки к девке ходишь? Ты нас с матерью срамишь.

- Какой же тут срам? - Юрка даже остановился и недоуменно развел руками.

- Значит, как от матери, так позор, а от тебя нет?

- Так я же совсем другое дело! Я молодой.

- А она старая, что ли?

- Я парень... неженатый.

- И она неженатая.

Рая не выдержала сердитого тона и снова засмеялась.

Теперь уже Юрка разозлился по-настоящему:

- Не ломай дурочку! Словно так и надо, чтоб пожилая женщина гуляла с пастухом на виду у всей деревни! Он же тоже еще парень молодой! Ему жениться надо! А она...

- Тьфу ты! Вот дурак-то!

- Даром, что ли, слух идет?

- Какое тебе дело до этих слухов? Мало ли чего языками треплют.

- А такое...

- Вот и про тебя начнут говорить, как ты с Наташкой гуляешь. Что ты сделаешь? Рты всем не позатыкаешь.

- Мы с Наташкой поженимся. А из-за матери и про нас тоже треплют. А Колманов взбесился. Ему не нравится, что с евоной дочкой гуляет парень, у которого мать такая.

- Не хочет и не надо. Плакать не будем. Не пара вы с Наташкой. Погулял и хватит.

- Не твое дело, пара мы или нет. Я тебе про то говорю, что каждому свое время. Мать молодая была, свое отгуляла, пора и честь знать. Я до еёних лет доживу, небось не стану по вдовам шастать.

- Посмотрим, - насмешливо сказала Рая. - Ишь, на хвост ему наступили, не понравилось! И Колманов тоже хорош гусь! Занимался бы своим делом, нечего нос совать куда не следует.

- Он позора боится.

Рая в усмешке сузила глаза:

- Разве у вас с ней до позора уж дело дошло?

Юрка, ходивший из угла в угол, остановился с угрожающим видом:

- Я тебе сейчас по шее дам, ей-богу.

- Не злись. Ты мелешь всякое, а я слушай.

Он опять принялся мерить шагами комнату: доходил до одного угла, чуть не натыкаясь на стену, резко поворачивался и шел назад. Огонек лампы колыхался, когда он проходил мимо, и оттого лицо Раи, сидевшей у стола, то светлело, то темнело. Юрка

не замечал насмешливого взгляда сестры, и не останавливаясь, пробормотал:

- Скоро нас все сторониться станут, как чумных.

- Смотрико-ся, страсти какие... А ты вот что: ты помалкивай в платочек, страдалец. Твое дело телячье, понял? Вот так. А что мать делает, не твоя забота. Она не маленькая, все понимает не хуже тебя.

- На все свое время есть, - твердил Юрка упрямо. - А она, видно, до седых волос таскаться будет.

- Юрка, да ты сдурел вовсе! Ты чего её срамишь! Мать ему не нравится. Какой учитель выискался!

Рая так расстроено глядела на брата, что он, встретив этот взгляд, несколько сбавил тон: заговорил, словно убеждая в очевидном:

- Ты подумай головой-то, ведь не дело она делает! Ну, скажи...

- Не знаю я ничего. Мало ли что наврут люди!

Рая опустила голову, словно боясь, как бы брат по глазам ее не догадался, что она давно знает про все эти сплетни.

- Ну, этот гад поплатится у меня, - вдруг закипятился Юрка. - Я ему сделаю, будет помнить.

- Ты-то? Сядь, отдохни и не скрипи зубами, - насмешливо сказала сестра. - Что ты можешь ему сделать? Ты еще мало каши ел.

- Да он трус первой марки! Я ему вчера харю грязью залепил, а он только умылся. И ничего.

Рая внимательно посмотрела на брата и сказала, вздохнув:

- Если так, то еще раз дурак. Ты сам себя посмешищем выставлял.

- Неуж прощать ему? Кто его сюда звал? Кто он такой? Приехал откуда-то, пригтели его, а он...

- А если он не виноват? Если зря про него треплют?

- На пустом месте и не растет ничего, небось не на тебя сказали, а на мать. Если у тебя с пастухом ничего не было, так и сплетен нет.

На это Рая ничего не нашла возразить.

- Стыдно стало жить. - Юрка провел руками по лицу, словно снимал липкую паутину.

В голосе его прозвучала неподдельная боль, и Рая поняла, что брату, действительно, не легко, и весь этот нынешний разговор, который он затеял, не случаен.

- На людей смотрю, а они на меня, - продолжал он. - И по глазам вижу: все знают, только не говорят. Смеются за спиной. Стыдно.

- Уж больно ты стыдлив, - осторожно заметила Рая, не зная, как утешить брата. - Не обращай внимания. Я вот девка, должна побольше твоего переживать, а наплевать-то мне!

- Да ведь она мать нам, нельзя ей.

- Не знаю я ничего, что лъзя, а что нельзя. Я своей матери не указчица, вот и все. Указывай ты, если такой умный.

- И укажу.

- Давай-давай.

- А вот где она сейчас, наша мать, где? Почему её так долго нет?

- Иди, следи за ней, - с насмешкой посоветовала она.

В этот момент на крыльце послышались шаги.

- Юрка, - сказала Рая встревоженно, - и не вздумай разговора заводить, слышишь? Не смей её обижать! Ведь все люди выдумали, понимаешь ты или нет? Я точно знаю, что все это выдумано!

Глава тридцать первая

Вошла Дуня. Она была оживлена, запыхалась от быстрого шага. Юрка ревниво глянул на нее - мать показалась ему почти девушкой, молодой и веселой: глаза у нее блестят, румянец виден даже при неярком свете лампы. Он словно впервые увидел ее такой.

Легко и бесшумно она прошла по избе, скинула платок с головы, поправила волосы, говоря:

- Корова у меня в старую силосную яму залезла. Ой, искали мы её, проклятушую, искали! Даже в лес ходили. Устала я, как собака. Темно уж, ночь - где ж в такую темь найдешь! Того гляди волки нападут - жутко. Хорошо еще Михаил с нами был, а то мы и до лесу не дошли бы. Уж я махнула рукой, - может завтра найдется. А она - эва! - в яме стоит и лопухи там жрет. Женька-подпасок нашел.

- Не надо бы тебе с пастухом ходить, - хмуро сказал Юрка.

- Так разве я одна ходила с ним? Нас четверо было.

- И так только и разговору по округе, что ты...

- Юрка! - предостерегающе крикнула Рая, но это только подхлестнуло его.

- ...что ты с пастухом гуляешь.

Дуня остановилась и поглядела на сына: Юрка стоял у окна к ней спиной и словно разглядывал что-то там, в темноте ночи. Она поняла, что он заговорил так неспроста и сказала:

- Полно тебе! Что ты бабьи сплетни собираешь.

- Я не собираю, да уж в нос стали тыкать. Больно приятно! И ты не смей с пастухом разговаривать, чтоб этих слухов не было.

- Что-то ты мне указывать взялся, с кем мне разговаривать, а с кем нет, - сдерживаясь, сказала Дуня.

- Из-за тебя прославились на всю округу.

Юрка старался говорить спокойно, неторопливо, чтоб был серьезный, а не крикливый разговор, но получалось резковато. Дуня рывком расстегнула верхнюю пуговицу кофты, словно та душила её.

- Я тебе вот что скажу, сыночек дорогой... У тебя еще на губах молоко не обсохло, чтоб так со мной разговаривать. Ишь, как он попрекать взялся!

Рая отодвинула от себя кринку с молоком, тревожно переводила взгляд то на Юрку, то на мать. Она порывалась что-то сказать, но её не слушали.

- Ты однако не такой уж маленький, все понимать должен, - задыхаясь выговорила Дуня. - Поживи-ка вдовым десять лет, как

я жила. Да что десять! Я всю жизнь вдова. Только по неделе и жила замужем в самые счастливые годы. Это когда отец твой на побывку приезжал. А так - ни помощи, ни ласки. Одна вас растила. Без отца-то ты и вырос такой, что матери без оглядки режешь всякие слова. Нет, коли ты взрослым стал, так поживи так, как я жила - всю жизнь бобылем. А уж потом указывай, как мне себя вести. Ты от моего подола еще шагу не успел ступить, а уж девку для себя нашел. А почему? Пусто, небось, одному, плохо одному, да ведь с тобой еще мать и сестра. Вот так-то.

- Да некрасиво получается, мама, - глухо сказал Юрка, услышав в голосе матери слезы.

Он никак не ожидал, что мать так рассердится на его упрек. Ему думалось, что едва он скажет ей об этих слухах, она станет оправдываться, что вовсе не виновата. И тогда он сделает вид, что поверил ей, а мать этот разговор запомнит, как предостережение. Но тут повернулось совсем в другую сторону. Мать не стала оправдываться, не стала ничего отрицать, она вовсе не считала себя виноватой. «Значит, все-таки правда», - решил Юрка, и ожесточился еще более.

- Со стыда ведь пропадем, - сказал он. - Каково нам с Райкой, ты подумала?

- Со стыда!?

Дуня уперла руки в боки, словно не сын Юрка был перед ней, а всегдашняя Дунина супротивница Валена Суковатова.

- Со стыда! Ах ты, паршивец! Да если бы я в свое время постыдилась, тебя и на свете не было бы! А нынче ты вырос и меня со счетов долой. Хорош сынок! Старая, мол, стала, на погост пора. Теперь, мол, я буду жить в свое удовольствие, а на мать родную наплевать.

- Я такого не говорил, - заметил Юрка.

Но Дуню теперь было не остановить.

- Рано ты меня в старухи записал, и не тебе меня записывать. Ты спроси, сколько твоей матери лет? Наверно, не знаешь? Со-рока нет. По тебе много, а по-моему мало. Я только полжизни прожила, у меня впереди еще столько. Я молодая и со всех сторон

здоровая, вот замуж выйду и кучу детишек нарожу.

Услышав такие слова, Рая широко улыбнулась, и успокоенная, снова принялась за молоко. Теперь она уверилась, что нынешняя ссора кончится благополучно. Раз мать упомянула про детей, которых она еще народит, значит она в такой момент способна и пошутить. А раз так, то немного погодя, она отгадет и снова будет весела.

А Дуня разгорячилась, негодование клокотало в ней. Она зло вытерла навернувшиеся слезы обиды, и продолжала:

- Я шестнадцати лет замуж вышла, и еще не отгуляла того, что мне господь отпустил. Так чего ж я в старухи записываться буду раньше времени! Нет, погоди, сынок, я еще жить хочу.

- Да плюнь ты на него, мама, - примирительно сказала Рая. - Охота тебе из-за него нервы трепать!

Дуня перевела дыхание и сказала уже более спокойным тоном:

- Ну вот, хоть ты меня не осудила. Спасибо, дочка.

Она даже слегка поклонилась Рае, так дорога была ей сейчас эта поддержка.

- Хоть ты меня не стыдишься. Сынок-то, видишь, разгневался, зачем мать молода. А ты простила.

- Нечего мне прощать, мама, - Рая была так расстрогана благодарностью матери, что у ней самой блеснули слезы. - Живи, как хочется. Мы тебе не указчики.

- Как же! Сыну вон хочется, чтоб я теперь в богадельню ушла.

И Рая, как обычно, поспешила разрядить обстановку:

- С ним девка гулять не хочет, бросила его. Вот он и думает, что кто-то виноват. Оно и впрямь обидно: девка-то последняя из никудышных, а вот поди ж ты.

Едва только Рая заговорила о Наташе, Юрка резко повернулся и вышел вон, хлопая дверями.

- Что это он нынче разошелся? - спросила Дуня. - Ляпнул ему кто-нибудь...

- Ничего, пускай проветрится.

Мать села к столу, налила себе молока в кружку, и все еще не могла успокоиться, качала головой, приговаривая:

- Ишь, что выдумал! Какие-то слухи... На чужой роток не накинешь платок, а языки у всех длинные и без костей. Так что же я с ними сделаю!

- Я уж ему говорила, чтоб был поспокойнее, - заметила Рая. - А он который день ходит какой-то издерганный, злой. Кто-то ему в уши нажужжал про пастуха, вот и расстроился.

Дуня вздохнула и сказала, помолчав:

- Зря болтают про меня.

Лицо у нее приняло обиженное выражение, и Рае показалось, что мать вот-вот заплачет. Но она справилась и заговорила совершенно спокойным голосом.

Юрка вернулся, когда дома уже легли спать. Молча улегся и он, но долго не мог заснуть. Мать тоже не спала, вздыхала, ворочалась. Только Рая не шевелилась, она обычно засыпала, едва успев добраться до постели.

Глава тридцать вторая

Совсем недавно все казалось Михаилу просто и ясно. Мрачное, тяжелое оставалось позади, а впереди было светло, солнечно. Будущая жизнь виделась озаренной светом и расцвеченной яркими красками, и ни одной тучки, ни одного облака на горизонте.

Разве это было недавно? Да, всего несколько месяцев назад. Он ехал в поезде целую ночь и два дня. В переполненном вагоне было шумно и душно, он часами простаивал в тамбуре. Сквозь заиндевелое стекло дверного окна не разглядеть ничего. Он дыханием протаивал круглый глазок, но не затем, чтобы видеть, что там мелькает за окном, а просто так, в раздумье, не замечая, что делает. В тамбуре холодно, зато никто не мешал думать. Разве что изредка кто-нибудь из пассажиров выйдет покурить, заговорит, но тогда можно притвориться, что не слышал вопроса за грохотом колес.

Поезд приближался к Москве. Там пересадка, и через пару дней Михаил должен был приехать к себе домой. Это вовсе не значило, что в родной дом, потому что такого у него не было. Мать умерла два года назад, а полугнилую избушку, в которой она жила, двоюродный брат продал на дрова. С него не взыщешь, он заботился о старушке перед её смертью, и уж за одно то Михаил чувствовал себя в неоплатном долгу перед братом.

Он будет жить у себя дома, в своей деревне, среди людей, с которыми вырос, на земле, по которой столько лет бегал босиком. Пусть он теперь чужой там, пусть о нем многие позабыли, все-таки его неодолимо влекло туда, хотя бы просто побывать, оглядеться, а там видно будет. Хотелось взглянуть на то место, где стоял родной дом, поговорить с людьми, отыскать на погосте могилу матери, если только могила сохранилась. С этого нужно начинать, так он решил.

И никаких не было у него других планов. Что тут планировать раньше времени! Образуется как-нибудь: и где жить, и где кормиться, и где работать. Вот только надо приехать...

Там, на родине, солнце ярче и небо голубее; леса исхожены вдоль и поперек и обжиты, как свой сад; земля теплая, как живая - ноги до сих пор помнят теплую шероховатость тропинок и теплые лужи после грозы.

На родине все привычно и понятно: воробей чирикает, и ты уже понимаешь, что он сказал; рыба плеснулась, и ты уже знаешь, что это за рыба; калитка скрипнула, и ты уже, не глядя, догадываешься, чья это калитка и отчего она скрипит.

На родине все кажется особенным, и потому, как вспомнишь, станет радостно и грустно и захочется по-бабьи заплакать. Дома даже воздух другой и ветер знакомый, как будто он и дует только по полям среди лесов и деревень родной стороны. По утрам туман пахнет дымом из печей и всяким варевом да стряпней: пирогами с капустой, картошкой в мундире, свежим хлебом... Бывало, вставши по утрам рано и шагая с уздечкой на выгон за лошадьё, он никак не мог и подумать, что станет вспоминать потом эти запахи утра чуть ли не со слезой.

По весне купальницы в низине - словно желтая река. Так и кивают тебе головками-бубенчиками. А по луговине к самому крыльцу дома подступают полчища одуванчиков. Тогда он просто не обращал на них внимания, это девчоночье дело - замечать цветы. А теперь вот невольно думается, что все они выростали и зацвели только затем, чтобы удивить и порадовать его, только его и никого больше.

Да, что ни вспомни, все мило. И разве только человеческому сердцу? Вот и птицы летят на родину за тысячи верст ради ласкового и такого краткого лета.

Был случай, когда Михаил еще мальчишкой залез на тополь и доставал из гнезда грачонка. А тот неожиданно щипнул его за палец. Михаил испугался, дернул руку, и грачонок вывалился из гнезда. Когда птенца потом поймали, у него была вывихнута нога, с неделю жил он в избе, потом улетел. История эта забылась, а вспомнилась года через два, когда Михаил увидел по весне, как тот же хромоногий грач поселился на тополе перед их домом. Куда он летал, и какие края повидал за это время, а все-таки вернулся! Может и теперь прилетает каждую весну из дальних стран на свое отчее дерево?

Вот и Михаил возвращался, чтобы заново вить свое гнездо. Только там он может жить хорошо. Пусть даже не в своей деревне, где-нибудь по соседству, а все на родной стороне. Вот приедет, встретится с земляками, а там авось пригласит кто-нибудь погостить. Потом, денька через два-три и образуется все окончательно... Главное то, что с этого надо начинать. А дальше все пойдет хорошо, потому что доброе начало всякое дело красит, оно само по себе половина удачи.

Он чувствовал, что в душе его созрело страстное желание взяться за работу, войти в круг таких обыкновенных и таких прекрасных дел, которыми занят каждый человек, живущий у себя дома.

Руки просили работы. Те самые руки, которые не знали отдыха во все последние годы, которые ворочали бревна, таскали тяжелые носилки, копали землю. Те самые руки, на которых тяже-

лый труд оставил неизгладимые следы: глубокий шрам на правой ладони, искалеченные ногти на левых пальцах. Они просились взяться за плуг, за углы тяжелого мешка с зерном, за тугой поясok ржаного снопа.

Когда он думал о работе, глаза его видели сквозь заиндевевшее стекло тамбурного окна широкий луг и лошадь, везущую воз сена, он видел и самого себя, шагающего рядом с вожжами в руках.

А вот он склонился над бревном и рубит паз - и в перестуке колес тогда явственно слышалось, как вонзается лезвие топора в сочную древесину, как трещит отдираемая щепка...

А вот зеленая трава, мокрая от росы, и в ней молнией равномерно мелькает коса...

Вот круглая скирда из ржаных снопов, и он, Михаил, высоко на ней аккуратно, поясok к пояску, укладывает снопы - завершает. При этом воспоминании он вздохнул: ведь нашли же в нем, молодом еще пареньке, особый талант - он умел класть эти хлебные скирды и умением своим превосходил даже самых опытных стариков.

Когда он думал так, сердце от большого волнения стучало сильно и часто. В такие минуты он сразу веселел и начинал незаметно для себя напевать.

За годы, проведенные далеко от дома, ни разу не испытал он радости от работы, хотя и считался старательным и трудолюбивым. Ни разу! Кажется, он и уставал вдвое больше, чем если бы делал то же самое у себя дома. Он равнодушно и озлобленно выполнял то, что ему приказывали, чувствуя только растущее раздражение и глухую обиду. А теперь душа его словно просыпалась навстречу той радости, которую принесет работа у себя дома. Михаил прислушивался к этому волшебному воскрешению души, и сам удивлялся, что это чувство так сильно в нем.

А потом к радости этой приложится другая: у него появится своя семья. «У меня будут дети... жена... - думал он с некоторым удивлением и недоверием, словно бы мысленно прислушиваясь к этим словам. – Моя жена и мои дети... Чудно!».

Какая она будет, его жена? Красивая? Да нет, дело не в красоте. Красота необязательна. Она будет сильной, работающей и веселой. Может быть, даже ласковой и душевной - это, пожалуй, самое главное.

Хорошо бы самому, своими руками срубить избу, крепкую, просторную, какой хватило бы на всю жизнь и ему с женой, и детям. Это, конечно, нелегко построить дом. Но, ведь он здоров, и силенка есть. Летом они пожили бы в какой-нибудь амбарушке, а к зиме, глядишь, и в свое жилье перешли. Он уже прикидывал, где можно купить лесу, как привезти, кого пригласить на помощь.

...Как все было ясно тогда в поезде! Эта ясность радовала так же, как и сознание, что теперь он свободен. Казалось, все будет именно так, и нечего в этом сомневаться. Верилось: сбудется все, о чем столько передумано. Эта мечта о простой и прекрасной жизни давала ему бодрость и силы в самые тяжкие дни. Не такая уж это высокая мечта - обыкновенная. Ничего в ней нет недостижимого. Значит, сбудется.

Сквозь круглый глазок видно, как мелькают столбы, заснеженные леса, огни станций. С каждым часом все ближе Москва, а там он скоро будет у себя дома.

Тогда он еще не подозревал, что надежды его не скорое благополучие наивны и глупы, как и неосуществимы. Он ожидал чуда или чудесного превращения, в результате которого жизнь его сразу преобразится, станет прежней, беззаботной и легкой. А чуда не произошло.

В Москве он сделал пересадку и на свою станцию прибыл около полуночи. Не стал дожидаться рассвета, всю ночь шел пешком и рано утром явился в родную деревню. И надо же было так случиться! Только вступил он на деревенскую улицу - навстречу идет от колодца женщина с полными ведрами. Он прежде всего весело отметил про себя: хорошая примета! И только после этого узнал Машу Овсяникову.

В первое мгновение он подумал, что и тут ему повезло, что это прямо-таки судьба - то, что ему вот так сразу повстречалась Маша.

С тех пор, как он узнал, что она вышла замуж, он старался вовсе не думать о ней. И если все-таки мысль о Маше приходила в голову помимо его воли, он отгонял её, спешил отвлечься, заняться каким-нибудь делом. Признаться, не часто беспокоили его думы о ней, особенно первые год-два. Слишком много было переживаний другого рода. Но чем ближе становился срок возвращения в деревню, тем чаще он вспоминал о ней.

Верно говорят: сердцу не прикажешь. Вот думалось, что давно отболела старая рана, отболела и зажила. А оказалось, нет, не отболело.

Потом уже, на обратном пути из деревни, он понял, что именно встречи с Машей он ожидал более всего. И так спешил из-за нее - хотелось поскорее увидеть. Только бы увидеть! Сердце не желало признавать её чужой, и нежность победила старую боль от той обиды, которая жила в нем со дня, когда он узнал о её замужестве. Пусть она теперь сказала бы ему только «здравствуй». И всего-то одно слово, а как оно было ему нужно! Он сам не знал, зачем нужно, а только чувствовал сердцем, что без него не может. Лишь бы поздоровалась, просто поздоровалась и все. Ну, может быть, еще спросила бы, как он доехал и надолго ли в родные края. Что-нибудь такое, что говорят при встрече после долгой разлуки, когда слова не важны, а важно увидеть дорогого человека, в глаза ему заглянуть. Тогда он, успокоенный, обрадованный, ничего больше от нее не ждал бы. Тогда он с легкой душой положил бы начало своей новой жизни у себя на родине, в своей деревне.

Она не сказала ему «здравствуй» - не захотела. Больше того, она посмотрела на него так враждебно, так непримиримо, что теперь вспоминать тяжело, словно Маша оскорбила его самым обидным словом.

Эх, зачем он встретил её! Лучше вовсе не встречать бы...

Незадолго до того, как случилось с ним несчастье, мать сказала ему:

- Маша - хорошая девка, сынок. Если любишь, береги её. Не сбережешь - не будет тебе счастья. У нас в роду все однолюбы.

Брат мой Иван, как жена его молодая умерла, захирел, запил, так и не было ему пути. Папаша мой рано овдовел - мама у нас в реке утонула - так он вдовцом и жил. Нас, малолетних сирот, растил, воспитывал, а жениться во второй раз не захотел, как его ни уговаривали. Вот и я такая же...

Она не договорила, но Михаил знал, что мать не любила отца. В молодости была она невестой другого, да не сладилось у них со свадьбой.

Не помогло материно наставление, не сберег он Машу.

Судьба словно в наказание, свела в тот день Михаила еще с одним человеком, который был дорог ему. Этот не стал сторониться или отворачиваться, наоборот - руку протянул.

- Ну как ты? Надолго к нам приехал? Отбарабанил, что полагалось?

Вот так он и продолжал спрашивать вопрос за вопросом, не дожидаясь, когда и что ему ответят. А сам все косил в сторону, рыскал глазами туда-сюда, словно хотел позвать кого-то себе на помощь.

Михаил сказал кратко:

- Нет, я ненадолго. Только побывать.

И дорогой ему человек облегченно перевел дух. Но что-то еще беспокоило его, чего Михаил поначалу не понял. Кажется, он боялся, что Михаил попросится ночевать к нему, и стал жаловаться, что живет с тещей, а она у него «хуже фашиста». Михаил и не думал напрашиваться в гости, и друг торопливо попрощался с ним, изобразив на лице великую озабоченность.

Вот тогда Михаил понял, что новую жизнь надо начинать не здесь. Судя по всему, в родной деревне не забыли его прегрешения, а кое-кто и не простил. Наплевать, что он отсидел свое! У Маши Овсяниковой, например, свой уголовный кодекс, в котором, видимо, всего две статьи: черная и белая, обвинительная и оправдательная. Она, по-видимому, осудила его пожизненно. Что ж, у нее было право судить его более жестоко, чем все другие.

Да и друга за что упрекать? За то, что в душе его не со-

хранилось более дружеских чувств к человеку, который воровал и сидел за это в тюрьме?

Следовало признать, что в родной деревне он потерпел неудачу. Новую жизнь надо начинать на новом месте. Пусть там его люди узнают таким, каков он есть теперь. А что у него позади, того они знать не будут. Так лучше.

С этим он пришел в Прямухино.

Глава тридцать третья

Бригадир Иван-безрукий подошел к рельсу, подвешенному на толстый сук тополя, глянул в один конец деревни, потом в другой, словно палач, ожидающий, не будет ли помилования его жертве. Откуда и какому тут быть помилованию? Ясно, что казнь должна состояться незамедлительно - пора, пора давать звонок на работу. Косцы вернулись с лугов уже давненько, успели позавтракать и передохнуть, а те, кого он послал ворошить сено, наверно половину дела сделали. Солнце поднялось высоко над тополями. Самое время, чего тут...

- Дядь Иван, дай позвоню! - издалека закричал Петька Паничев.

- И чего тебе не спится, Петька? - сказал Иван подбежавшему мальчишке. - Спал бы да спал. Кабы мне твою жизнь, я только и делал бы, что на кровати валялся. Ну, попробуй, позвони.

- А я тогда был бы бригадиром, ага?

Петька поднял с земли тяжелую железяку, ударил сбоку по рельсу, и она тотчас выронилась у него из рук. Он отскочил, сморщился, дуя на ладони.

- Руки отбил? - Иван добродушно усмехнулся. - Значит, парень, рано тебе в бригадиры.

В глазах у Петьки стояли слезы боли, но он выговорил:

- Так мы же не насовсем еще менялись. Если по настоящему, я был бы, как ты, а ты, как я.

- Ты, Петька, вот что. Собери-ка всех ребят из своей команды и скажи им, что я нарядил вас сено топтать. Нынче его начнут возить в Староверов сарай. Понял?

- А трудодни будешь нам писать?

- Самым старательным запишу. Но если кто будет только возню да баловство затевать - тому ничего. Давай быстро!

Иван крепко взял одной рукой железаку, ударил по рельсу снизу, с торца. Железный брусок не отскочил, как у Петьки, а на мгновение как бы прилип или увяз - удар получился тугой, звучный. Как в колокол. Петька заложил уши ладонями и отбежал в сторону.

Иван бил размеренно и долго, потом постоял, дожидаясь, когда люди из его бригады начнут запрягать лошадей, и только потом отправился в канцелярию. Оттуда он вышел уже не один, а с Колмановым. Оба свернули в прогон, подошли к крайнему сараю.

Колманов распахнул ворота, по-хозяйски огляделся. Оглядываться-то было нечего: сарай пустовал с тех пор, как зимой вывезли отсюда сено. Саней и старых дрог здесь на хранение не ставили и удобрение не ссыпали. Однако Колманов оглядел все внимательно: и сенную труху под ногами, и переклады, и стены, и крышу, - и остался доволен осмотром.

- Крепкий еще, - заметил он удовлетворенно. - Послужит лет пяток, а то и больше.

Затем он нагнулся, поднял горсть сеной трухи, помял её в ладонях:

- Надо было Староверу рассыпать это по усадьбе. Вишь, сколько клеверных семян.

Возле ворот стояла лагунка с засохшим дегтем. Колманов нахмурился и вынес её, пробормотал:

- Паразиты! Нет бы к месту прибрать - бросили!

Иван тоже сделал строгое лицо.

- Дырка там, - показал ему председатель на тот угол, откуда косо падал на стену солнечный лучик. - Заделай сейчас же, а то потом забудешь.

Иван молча кивнул.

- Ну, давай подгоняй народ, а я пойду во второй бригаде побываю.

Председатель ушел, а Иван присел на порог в воротах, стал сворачивать сигарку, старательно двигая бровями, словно это могло помочь его единственной руке. Оставшись один, он заметно повеселел.

Сенокос в Прямухине начался несколько дней назад. Сначала скосили на силос осоку вдоль ручья, а потом принялись за луга. Клевер пока не трогали. Силосную яму закрыли вчера, а сегодня сено поспело, за него пришел черед братья.

Во второй бригаде нынче тоже начнут закладывать сарай. Но Иван видел, что сена у них поменьше, отстают с косьюбой. Народу там столько же, но с дисциплинкой немного похуже: то выйдут на косьбу чуть-чуть попозже, потом пораньше уйдут с покоса, то во время перекура чуть побольше пошутят. Из этих «чуть-чуть» и складывается так, что вторая бригада всегда отстает, хоть ненамного, но все-таки позади. Это доставляло Ивану большое удовольствие.

«Теперь надо следить, чтоб не обжали они меня на вывозке, или под дождь не попасть бы, - размышлял он. - Ну, ничего. В прошлые годы они столько раз пересушивали сено! А мы ничего, не плошали. Это потому, что бригадир рот не разевает...».

Митряха Тарлыков подошел и отвлек бригадира от деловых мыслей:

- Кого еще сюда нарядил, Иван?

Беспокоится, что мало народу здесь будет, что придется работать без передышки.

- Много вас тут будет, - успокоил Иван Митряху. - Я вот думаю, не отбавить ли, не послать ли от сарая кое-кого на луг. Луговое-то сено мелкое, подгрести надо получше. К тому же класть на воз его хлопотно - скоро ли воз навешь!

- Так и нам не просто вваливать в сарай, - возразил Митряха. - Оно скользкое, словно шелковое. На вилы не подцепишь, а и грабли ни к чему. Пошли туда старух каких-нибудь. Здесь, у са-

рая, их не поставишь, а на лугу они поработают. Дело не трудное - сено подгрести.

- Да я уж послал.

Бригадир поглядел озабоченно вверх:

- Крыша прохудилась, надо чем-то залатать. Не то зальет дождем, сгноит сено.

Митряха тоже глянул:

- Брось ты! Там и дырка-то с гулькин нос. Ничего не зальет.

Покури.

Видно было, что Иван в душе согласен с ним, но все же насмешливо хмыкнул:

- Да-а... Ну и хозяин из тебя! Председателем поставит - через год всем колхозом пойдем по миру.

- Со мной так, - добродушно согласился Митряха и коротко хохотнул. - Потому и не ставят.

Между тем у сарая прибавлялось народу. Подходили по-двое, по-трое бабы, парни с девчатами.

- Парнишек надо собрать нам на подмогу, - сказала Валена.

- Пусть сено топчут, все-таки польза. Нечего им зря по деревне носиться.

- Что нам парнишки! - возразил Иван. - Сюда надо кого потяжелше. Тебя, например, да Райку Дунину, еще девок кое кого потолще.

- Знато бы, еще больше потолстели, - сказала Валена серьезно. - Верно, девки?

- Да пусть они по двухпудовой гире себе на горбы привяжут, - предложил Ванька Афонин.

- Во тебе! - девки показали ему по кулаку.

Катя Паничева сидела в стороне и вязала носок. Работу эту она начала несколько дней назад и носила её с собой. Как сели на отдых, глядь, у Кати в руках уже мелькают спицы, и она шопотом считает петли. Если у нее спрашивали, кому она вяжет такие большие носки, она отвечала:

- На продажу, на базар повезу.

А носки предназначались для пастуха Михаила. Она не знала еще, решится ли отдать ему эти носки, хватит ли у неё смелости: все-таки это был бы подарок со значением, словно девка парню вышитый платок дарит. Но надо же было как-то отблагодарить его за доброту. Дров он для Кати наготовил в лесу, теперь пообещал сделать новый палисадник. А денег за это не берет, и слышать не хочет ни о какой плате.

Глава тридцать четвёртая

В Прямухине появилась новая мода - ставить красивые ограды у палисадников. У многих они латаные-перелатаные, едва стоят. Каждый хозяин до сих пор рассуждал так: лишь бы изгородь у огорода была крепкая, а палисадник дело десятое. Теперь вдруг всем захотелось иметь красивые палисадники.

Первым поставил новую изгородь перед окнами своего дома кузнец Роман Бугаенков. Видно, все у него было припасено заранее, а тут за два утра врыл он в землю новые столбы, опоясал их жердями, а потом выстроил рядочком новые колышки, ровные, аккуратно обструганные, один к одному. Верхние концы кольев не вровень подогнал, а волнами, зубцами. Словно кружево огородило вишневые кусты и молодые березки в палисаднике Романа.

На него глядя, принялись городить и другие. Теперь в обеденный перерыв только стук стоит в деревне - колышки тешут, приколачивают. У каждого нашлись на задворках запасенные впрок жерди и колья, а кое у кого и доски. За неделю обновились палисадники Володи Суковатова, безногого молоковоза Ивана Марасанова, Рыбиных, Крайних. Скоро престольный праздник, а в этот день по издавна заведенному порядку соберутся гости из дальних и ближних мест. Вот и спешат прямухинцы красоту навести.

- Делать вам, что ли, нечего, - посмеивались старицкие, проезжавшие через Прямухино.

Но, говорят, и в самой Старице кое-кто тоже принялся плотничать да столярничать.

Вот и Катя Паничева не хотела отставать, тоже мерекала, как бы сделать палисадник. Вчера вечером шел Михаил мимо её дома, а Катя врыла в землю первый столб. Палисадника у нее вовсе не было, просто росли перед домом две березы да молодой тополек, вот она и решила их огородить. Ей казалось, что тогда и изба её станет смотреть веселее.

Михаил остановился:

- Давай помогу, хозяйка.

Он забрал из её рук заступ, которым она рыла яму под столб. В яме попался камень, совладать с которым она никак не могла, и уж хотела бросить это дело, а тут Михаил. Он в одну минуту выворотил камень из земли и принялся было за вторую яму, но она остановила:

- Хватит, у меня еще и столба-то второго нет.

Он улыбнулся насмешливо:

- И кольев, наверно, нет?

- Десятка полтора всего, - призналась Катя.

- Эх ты, хозяйка! Ладно, натаскаю я тебе кольев.

Если денег он не возьмет, пусть хоть от теплых носков не отказывается. Лето не круглый год, будет и зима.

Но вязать ей в этот день не пришлось много: подъехали первые два воза. Едва успели их ввалить в сарай, глядь - уж подъезжают еще три, а с этими управились - из прогона выплыл огромный воз Юрки Дунина.

Тень от сарая все короче, словно она прижимается к его стенам. Ближе к полудню все сильнее пригревало солнце, а день был безветренный. Если и пробежал где-то ветерок, то возле сарая он вовсе замирал. Здесь царило затишье. Откуда-то залетали крупные слепни, чуть зазеваешься - вопьется в шею или в голое плечо.

- Стой! - азартно кричал Митряха и прихлопывал у кого-нибудь на спине слепня.

Тут же пленника «женили» - втыкали ему в брюхо соломинку и он улетал, тяжело, как бомбардировщик. Его провожали зло-

радными взглядами. Если при этом случался бригадир, он непременно матерился:

- Митрях! Так твою так!.. Ты, как глупой. Тыкай каждой мухе соломинку, а сено вваливать дядя будет.

Спотыкушки - эти и вовсе обнаглели: назойливо вьются над головой, возле голых рук и ног. Мушки маленькие, а кусают больно; как изловчится сесть, так и куснет - вздрогнешь, как от пчелиного укуса.

Пыльно и душно. Нечем дышать. Мелкое сено попадает за ворот, прилипает к мокрым спинам, собирается за поясами, оттого жара кажется вовсе невыносимой. А к сараю беспрерывно подъезжали воз за возом, выстраивались в очередь.

Наведался Колманов, тоже взмыленный, словно воз сена на нем привезли:

- Живей, живей! Того гляди, тучу принесет.

Это он для острастки, никакой тучи не видно. Однако, чем черт не шутит! Ишь, как парит...

Даже в этот жаркий день на председателе суконная гимнастерка. Мягкие волосы под козырьком фуражки прилипли ко лбу. А у гимнастерки даже ворот не расстегнул Колманов, словно это ему не полагается по уставу. Авторитет бережет.

Глава тридцать пятая

Юрка Дунин привозил самые окладистые и высокие воза. За это его поругивали у сарая.

- Ты, парень, езд-ко к нам как-нибудь в объезд, - посоветовал ему Митряха. - Через Микулинки, например. У тебя там, говорят, милаха есть, вот и с ней заодно повидаешься. Ты, главное, не спеши, потише езд, а мы тут отдохнем.

Шутку Митряхи поддержали общим смехом, а Юрка даже не улыбнулся. Вид у него был такой, словно он хотел досадить работавшим у сарая.

- Молодец, - похвалили его. - То-то все возчики были бы такие ловкие!

Юрка опять-таки не отзывался на похвалу, уезжал. Он был чем-то явно расстроен, но чем именно, никто не интересовался. Кому какое дело до него! У каждого своих горестей и своих забот по горло.

Вот уже несколько вечеров подряд Юрка приходил в Микулинки и все попусту: Наташа из города не возвращалась. Неужели насовсем осталась там? Может, уже устроилась на фабрику и работает? Никто ничего не знал, а у самого Колманова не спросишь.

Мысли Юрки попали в заколдованный круг. Он мог думать только об этом и ни о чем больше. «Что же теперь делать? Неужели и нынче она не вернулась? Схожу, узнаю... Да что без толку!.. А как все было хорошо!.. И все мать...».

Когда Юрка думал о матери и пастухе, он становился нервным и раздражительным. Тогда ему казалось, что везде только и разговору, что о них. И если кто-нибудь поглядывал на него с улыбочкой, он готов был кинуться в драку. Если за его спиной раздавался громкий хохот, он холодел от мысли, что смеются над ним или над матерью.

Беда цепляется за беду. Перед самым обеденным перерывом случилась с Юркой оказия.

На воз ему подавали несколько человек и среди них Николай Старовер. А уж этот не позволит ехать с маленьким возом, то и дело напоминает:

- Ты, гляди, парень, раскладывай пошире.

А не все ли равно, маленький воз свезешь или большой? Ведь пишут за них одинаково - по десять соток. Этак за день другие возчики свезут возов по пятнадцати - полтора трудодня, а Юрке только-только трудодень заработать, потому что больше десяти возов не привезешь. Иван-безрукий строго смотрит, чтоб никто не привирал.

И вот перед обедом занятый злыми мыслями Юрка не заметил, как Серуха свернула с дороги к пруду. Спихватился, когда воз покатился с пологого бережка, и лошадь рысью вбежала в воду. Привычный скрип и тряска разом кончились - это колеса угодили в вязкий ил, а казалось, что воз поплыл по воде, как лодка. Юрка

вскочил, натянул вожжи, да куда там! Разве остановишь теперь лошадь!

«Только бы не вздумала купаться, - стоя на возу на коленях и ожидая, что сам он вот-вот с сеном вместе опрокинется в пруд... - Если она ляжет, тогда все пропало - повалит воз».

Пруд неглубокий, лошади по пузо, и Серуха, не слушаясь вожжей, брела на середину. Вытянув морду вперед, она водила лиловыми губами по поверхности, пробуя на вкус, фыркала недовольно, несколько раз ударила по воде передней ногой, разгоняя ряску, и стала жадно пить. Видно, в ту минуту переднее колесо попало в яму - воз качнуло, и Юрка стремглав слетел в воду. Когда он вскочил, вид у него был самый дурацкий - рожа в тине, с рукавов рубахи стекает зеленоватая вода.

А с берега уже слышен громкий смех. Юрка откинул со лба мокрый чуб, оглянулся через плечо, и увидел пастуха.

«Чего он ржет? Притворяется. Ничего тут смешного нет, - подумал Юрка. - Это он нарочно старается, чтоб меня задобрить. Тьфу, сейчас народу набежит...».

Воз пока еще держался целым, съехала в воду одна макушка. Бултыхая ногами, Юрка побрел вокруг покосившегося воза, взял лошадь под уздцы, рванул изо всей силы:

- Но!

Серуха в испуге вскинула голову, и Юрка, еще более облизавшись, ударил её кулаком по ноздрям. Она попятилась, и он ударил её еще раз.

- Эй, парень! Ты чего это лошадь мордуешь! - послышалось с берега.

Не обращая внимания, Юрка замахнулся снова. Пастух наскоро засучил штаны и шагнул в воду.

- Уйди отсюда! - бросил ему Юрка через плечо. - Тебя не просят, ну и катись!

Но пастух подошел, хмуро и решительно отстранил его. Если бы только он сказал что-нибудь, вроде, «дай, я помогу» или «дай, я попробую», то Юрка ни за что не позволил бы ему. Ласковый или дружеский тон только разозлил бы его еще больше, потому

что он сразу посчитал бы это за подхалимаж, за желание угодить. А Михаил так зло глянул ему в глаза, что Юрка уступил.

Серуха сразу успокоилась, услышав сдержанную ласку в голосе пастуха.

- Поддерживай правый бок! - приказал он Юрке, а тот поедлил немного и повиновался: подступил к возу, уперся в него руками и плечом.

Не время да и не место вступать в спор, того и гляди Колманов нагрянет, тогда не сдобровать. Воз еле держится на телеге, вот-вот съедет весь в воду. Дело нешуточное - столько сена утопить!

Михаил внимательно оглядел воз, повернул лошадь чуть в сторону, стал понукать. Она дернула раз, дернула другой - никак. Тогда он прикрикнул на нее, Серуха подобралась, как перед прыжком, потом рывком влегла в хомут, воз тронулся с места и поплыл.

- Придерживай! - сдавленно крикнул пастух и почти рысью вывел лошадь на берег.

Здесь они остановились все, тяжело дыша. Михаил сразу повеселел, уже с улыбкой оглядывался назад. На поверхности пруда осталась широкая полоса среди зеленой ряски, и на самой середине несколько охапок сена.

- Ты это вылови, - кивнул пастух. - Да и низ воза придется подсушить.

Юрка молча стряхивал с плеч сенную труху.

- Слушай, парень, я с тобой поговорить хочу, - Михаил оглянулся, опасаясь, не слышит ли кто их разговора. - Мне кое-что непонятно... Ведь мы с тобой вроде как друзья были со-всем недавно, верно?

Юрка подошел к лошади и стал разбирать вожжи.

- Мы с тобой в лесу тогда встретились, хорошо поговорили, потом пахали вместе, помнишь?

- Тпру! - крикнул Юрка на Серуху, которая лишь переступила с ноги на ногу.

- И ты со мной человеком был, и я с тобой тоже, - продол-

жал Михаил. - Так с чего это ты переменялся? Что ты теперь на меня волком смотришь? Ну, скажи. Сейчас мы одни, никто нас не слышит. Ну? Что ты против меня имеешь? Рожа моя не нравится?

- Это верно, - негромко пробормотал Юрка. - Рожа, действительно... Кирпича просит.

Пастух пропустил это замечание мимо ушей.

- Я ведь не потому беспокоюсь, что испугался или что. Просто между людей должна быть ясность. Чтоб никаких недоразумений, на то мы и люди. Мы всегда можем договориться, понял?

Юрка промолчал.

- Так почему ты против меня теперь? Ну, говори. Сказать нечего? Если я в чем виноват, учти, исправлюсь. А если не виноват, если ты понапрасну, что тогда?

Юрка деловито подтянул чересседельник и уже намеревался влезть на воз. Куда теперь ехать, он не знал. К сараю - сено внизу мокрое, и в поле тоже нельзя.

- Чего ты привязался! - огрызнулся он. - Иди, куда шел. Заговаривает еще!

- Я с тобой объясниться хочу по-хорошему. Чтоб ничего между нами не было.

- А я не хочу, - сказал Юрка вызывающе.

Он поставил одну ногу на оглоблю, второй шагнул на круп лошади и полез на воз.

- Не хочешь - не надо, дело хозяйское, - сказал Михаил, придерживая лошадь, чтоб она не дернула воз невзначай, и продолжал так же терпеливо. - Только нечего тогда нарываться на драку. Ты мать свою пожалел бы. Про неё языками треплют, а ты вместо того, чтоб заступиться за нее, этим слухам веришь.

- Это меня не касается! - крикнул Юрка с воза. - А если что подтвердится, мы с тобой не так поговорим, запомни это. Отпусти лошадь и катись отсюда!

Михаил отступил в сторону. Он смотрел вверх, на Юрку и сказал так же ровно и негромко, только в голосе его слышна была горечь:

- Мне-то думалось, что парень ты неглупый. А тебя купили за рубль двадцать.

Юрка, не слушая его, подхлестнул Серуху мокрыми вожжами, и воз тронулся.

Глава тридцать шестая

Ночью, когда люди, измученные дневной работой, спали, кто-то унес из амбара мешок ржаной муки. В этом амбаре всегда хранили муку, крупу и прочие продукты для кормежки приезжавших уполномоченных или заходящих пильщиков да плотников, которые подряжались подлатать какие-либо колхозные строения. Кладовщик Степан Батин любил заходить сюда: здесь держался сытный запах, крепкие сусеки и лари из толстых досок радовали глаз.

А нынче вошел кладовщик, - ему сразу бросилось в глаза: мешок муки, стоявший в углу, исчез. По счастью, ничего больше не было в амбаре, а то, пожалуй, и еще что-нибудь прихватил бы вор.

Степан быстро огляделся, прикидывая, каким образом вытасчен мешок. Гадать долго не пришлось: в углу были выломаны две половицы. Сначала он подумал, что вор не успел скрыться и сидит там, под полом. Амбар стоял углами на четырех валунах, под него легко подлезть, но до сих пор залезали туда только кошки мышей ловить да куры в поисках укромного места, где можно без помех насиживать яйца и выводить цыплят.

Степан осторожно заглянул под половицы - никого. Виден на земле след - мешок тащили волоком под стену. Снаружи напротив того места просыпалось немного муки. Больше никаких следов не заметно.

Он запер амбар и торопливо пошел в канцелярию. Через несколько минут вернулись с Колмановым и снова осматривали все: и место, где стоял мешок, и вынутые половицы, и муку, просыпанную снаружи на землю.

- Хорошо еще я нынче заглянул в амбар, а мог бы сколько времени не спохватиться! - сказал Степан. - А так по свежим следам...

- Кто вор? - спросил Колманов Степана.

Тот пожал плечами и промолчал. Только стало ему неуютно после председательского вопроса.

- Тут не знаешь, на кого и подумать. - Голос у Степана был виноватый.

- Может ты взял, Степан? - спросил Колманов и пытливо уставился в глаза кладовщику.

- Да ты что, Лексей Иваныч! - взмолился Степан.

Зная характер Колманова, он уже ожидал такого вопроса.

- А ты что думал! Ты кладовщик, на тебя первое подозрение.

- Что же я сам у себя воровать буду? Я пока ума не лишился.

Ишь, что подумали...

- Не сам у себя, а у колхоза, - поправил председатель. - В Клыпине магазин обчистили - оказалось, сама заведующая все и подстроила. И замок сломала, и следы нарочно оставила мужскими сапогами. Всяко бывает, Степан. Так что если тебя бес попутал, так уж выкладывай сейчас же мне, пока я шуму не поднял.

- Да не брал я эту муку, Лексей Иваныч!

У Степана Батина семья большая: шестеро детей, скоро будет семеро, да еще и старуха-мать. Живет он бедно, каждый кусок на счету, потому бывает, что горстку худого зерна прихватит своим курам, а то и высевки мучные или меду колхозного стакан. Но много никогда не брал. Об этих-то мелочах догадывался Колманов, но делал вид, что ничего не подозревает.

Он с удовлетворением выслушал объяснения Степана. И впрямь опасался, что нашло затмение на мужика, не от жадности - от бедности, как потом судить, коли семеро ребят?

- Смотри, Степан, - сказал председатель для пущей остратки. - Потом поздно будет.

- Чай, не маленький, - пробормотал тот. - Чего не дело-то говорить.

- Имей в виду: не найдем вора - мешок муки с тебя удержим.

- Так я же не сторож, Лексей Иваныч! - опять взмолился кладовщик. - Мое дело - принять - выдать, а уж воровство случилось, - я не виноват.

- Колхоз убытка не потерпит. Кто-то должен нести ответственность. Тебе доверили колхозное добро, ты его не уберег. Будешь платить.

- То-то у меня ее много заработано, муки-то!

- Ладно, - смягчился Колманов. - Вора мы найдем.

Легко сказать «найдем». А как его отыщешь, если и подумать-то не на кого. Народ в Прямухине на добро цепкий, но воров здесь не бывало. Прямухинцы возили по ночам строевой лес из соседнего лесничества, выкашивали тайком траву на чужих угодьях - это не считалось воровством. А чтобы в амбар залезть! Никогда не бывало такого. Здесь уважали людей деловых, работающих, и легких денег не любили.

- Ясно, что мужик это сделал, - размышлял вслух Колманов.

- Бабе не под силу. Ведь это надо половицы выломать! А потом уволочь мешок на себе... Сколько в нем было?

- Пятьдесят шесть киллов.

- Может и вдвоем кто... Ну-ка давай походим вокруг, нет ли какой улики.

Они долго ходили возле амбара, внимательно глядя себе под ноги, но больше никаких следов не обнаружили, словно вор с мешком прямо из-под стены улетел по воздуху.

- Кто же мог? - бормотал Колманов. - Кто же на это решится?... Сенокос, а тут возись с хищением колхозной собственности. Это вредительство, умышленная политическая диверсия.

Степан не искал политических мотивов происшедшего: «Какая там диверсия! Просто сперли, вот и все». Он тоже был расстроен донельзя - шутка ли! Мешок хлеба удержат по осени! Вишь как председатель дело повернул - колхоз не потерпит убытку. А чем кладовщик виноват? Если бы он не запер амбара или еще что. Что ж, теперь по ночам сидеть возле амбара? «Кабы знато, что украдут, мог бы и постеречь... Соломки послал бы, где упасть. Да ведь, не знаешь, где упадешь!».

- Думаю, кто-то чужой украл, - сказал Колманов после длительного размышления. - Но знал, негодяй, где что лежит.

- Чего тут не догадаться, - возразил кладовщик. - У нас не сто амбаров-то.

Он тотчас сообразил, куда клонит председатель: что-де, мол, кладовщик кому-то подсказал.

- Знал, что здесь можно взять, - упрямо повторил Колманов. - А раз так, значит, человек нам знакомый. Черт ли их разберет! Каждому в душу не заглянешь. Чужая душа - потемки.

- Да нет, Лексей Иваныч, это кто-то нездешний. Наши, прямухинские, такого не позволят. Не бывало еще у нас, чтоб свои воровали. Помнишь, улей с нашей пасеки утащили? Чужие из-за реки. Двух годовалых жеребят в прошлом году цыгане увели. Белье с веревки снимали у Афониных и у Насти Марасановой - тоже не наши, две бабы городские, гостили в Клыпине. И нынче тоже чужие.

- Может и так, - согласился Колманов.

Они присели на пороге амбара, закурили оба, сосредоточенно размышляя.

- Есть у меня одно соображение, - заговорил председатель. - Уж не пастух ли это сделал? Пес его знает, что за человек! В тюрьме сидел... не нравится он мне что-то, не доверяю я ему. Иной раз подумаю: и с этой стороны неплохой человек, и с той. Не пьяница вроде бы и ведет себя тихо. А все равно что-то в нем неясно, какой-то он не такой. Больно уж хорошим хочет казаться. Зачем это? А чтоб подозрений на него никаких не было, так я думаю.

- Верно, Лексей Иваныч, надо бы его проверить.

Степан Батин и рад был направить размышления председателя в новое русло.

- А как? Тут нельзя с бухты-баракхты. Мужик он тертый, голыми руками его не возьмешь.

- Надо узнать, где он нынче ночью был. Поспрашивать нужно, может кто что и видел подозрительное.

- Мда... это мы сделаем. Осторожно только, не спугнуть...

Лица обоих мужиков приобрели такое выражение, словно они, как охотники, наконец увидели дичь.

- А зачем ему мука? - на минуту усомнился Колманов.
 - Продаст кому-нибудь.
 - Может и продаст, да не успел еще. Скорее всего, припрятал.
 - Вот и поискать бы!
 - Тогда надо всей деревней искать, а работу бросить. Вот уж не было печали, да черти накачали! Надо в Старицу идти, позвонить Кирилину, начальнику милиции.

У Колманова был вид человека, для которого план действий уже был ясен. Он бросил сигарку, растоптал её ногой.

- У кого пастух сейчас живет?

- Вчера перешел к Староверу. Он возле кузницы косы отбивает.

Степан Батин почувствовал некоторое облегчение: подозрение с него переложили на другого, и ход размышлений председателя казался правильным, сулил удачу. Только бы найти этот проклятый мешок! Только бы он не пропадал бесследно!

Глава тридцать седьмая

Кузница стояла за ручьем возле пруда. Построили её здесь сравнительно недавно, после того, как сгорела старая возле дороги на Старицу. Тогда вместе с ней сгорел и сарай с сеном, и еще один сарай, в котором хранились сани, оглобли, дуги, колеса и прочая деревянная утварь. Все сгорело дотла, словно корова языком слизнула, только потому, что не оказалось рядом воды, нечем было тушить. Поэтому новую построили на отшибе, возле пруда.

Веселый звон стоял в кузнице, он радовал сердце каждого, кто шел мимо. Удары то редкие и глухие, то частые, рассыпавшиеся дробью, с раннего утра и до позднего вечера раздавались в кузнице. С того дня, когда её здесь поставили, не прошло и двух лет, а она уж подзакоптилась, подчумазилась, заросла с трех сторон крапивой да лопухами, а с четвертой стороны, там, где ворота, выросла гора железного лома, совсем непутного. Здесь валялись обломки колесных шин, истлевшие до сердцевины плужные

лемеха, обросшие ржавчиной болты и гайки, остовы старых веялок, дырявые полотна сит, ломаные шкворни, скобы, подковы, куски проволоки и мятые оцинкованные ведра, и прочий никому не нужный хлам.

Из открытой двери дышало жаром, тугие удары о наковальню отдавались в ушах. В кузнице обычная картина: в горну полыхают алые куски угля, у наковальни кузнец в самокромном фартуке из клеенки и мускулистый сухощавый парень Сенька Паршин, голый по пояс. У Романа легонькие щипцы в руках, а Сенька орудует тяжелым молотом. Они оба оторвались от дела, завидев Колманова. Сенька отошел к мехам, стал раздувать горн.

Николай Старовер сидел снаружи в тени кузницы и размеренно, ровно стучал молотком по бабке, деревянное косье лежало у него на плече, синеватое лезвие косы после каждого удара почти незаметно для глаза передвигалось в одну сторону. Никто не только в Прямухине, но и во всех окрестных деревнях не сможет отбить косу так, как это умеет Старовер. Даже самую безнадежную косу, окончательно забитую и загубленную, он внимательно и осторожно отобьет, оттянет, заклепает - и станет служить она, как новая. Побывав у Николая, любая коса становилась как бы вдвое легче, она «сама ходила» в руках косца.

Отбивать косу умеет в Прямухине каждый косец, но даже самые опытные из них охотно отдавали свою косу Николаю - если он отобьет её, не так устанешь за утро.

Старовер не сразу заметил председателя, был увлечен работой. А Колманов остановился рядом, ожидая, когда Николай поднимет голову, глянет на него. Подошел Роман, вытирая руки ветошкой.

- Пастух у тебя живет? - спросил Колманов, когда Николай отложил готовую косу.

- У меня.

- А ночует?

- Где ему ночевать? У меня же.

- Я к тому, что парень он молодой, неженатый. Может, прогулял всю ночь, или ко вдове какой завернул на огонек.

- Чего ж, его дело.

- Где он у тебя нынче спал?

- Жена постлала на лавке, а он, верно, с вечера гулять ушел.

Сказал: если, мол, поздно приду, на сеновале ночую. Сеновал теперь, что улей с медом. Я и сам там спал бы, да староват стал.

Колманов значительно глянул на кладовщика, потом на Романа, переспросил:

- Значит, не пришел он ночевать к тебе?

- Наверно, на сеновале спал. Не знаю в точности, когда он вернулся.

Старовер, считая разговор оконченным, окунул молоток в воду и снова застучал по бабке.

- Конечно... Дело молодое, - пробормотал Колманов.

- Да может зря болтают, Лексей Иваныч, - заметил негромко Роман.

- Про что?

- Да вот будто Михаил к Дуньке ходит.

- Амбар у нас нынче ночью обокрали, - строго сказал Колманов. - Дело посерьезнее того, кто к кому ходит. Голова есть, надо думать. Кто украл? Не знаю. А вот пастух в эту ночь не ночевал, где ему полагалось. Делай выводы.

- Неужели он?

- Он, больше некому, - решительно сказал Колманов.

Старовер остановил молоток и косу, густо прокашлялся, кося на председателя недовольным взглядом, потом сказал:

- Чего напраслину говорить! Почему именно он, а никто другой? Мало ли кто нынче не спал дома, так обязательно тот воровал?

Это замечание не понравилось Колманову, а Степан Батин тотчас напомнил:

- Из тюрьмы пришел парень, потому и думаем на него.

- Да это еще не улика. Может, это и оправдание ему.

- Оправдание? - переспросил Колманов и хмыкнул издевательски.

- Человек отсидел и знает, что полагается за преступление закона, - спокойно пояснил Старовер. - А раз знает, не преступит. А вот кто сам не испытал, от такого скорее можно ждать.

- Бывает, конечно, и так, - согласился председатель. - Исправляются некоторые, верно. Да только этот, видно, не таков. Он из тех, кого только могила исправит.

- Зря ты так, Алексей Иванович, - укорил Старовер и покачал головой. - Эко дело, по молодости парень в драку попал! Да и у нас в Прямухине не один праздник без этого не обходится. Если по строгости подходить, то всех ребят и мужиков надо в тюрьму садить, да и из баб кое-кого тоже.

Роман улыбнулся, а Степан Батин озабоченно переводил взгляд то на Николая, то на председателя.

- Так-то оно так, да не за драку он сидел, - внушительно отвечал Колманов. - А за это же самое, за воровство. На собрание нам сказал, что за драку, стыдно было правду сказать. А от меня не скроешь. Украли они вдвоем, отец да сынок, зерно с колхозного тока. Отец до сих пор сидит. Яблоко от яблони недалеко падает... А то: за драку. Вроде бы, так почетнее.

Наступило молчание, после чего Колманов назидательно произнес, словно точку поставил в конце спора.

- Вот так, Николай Прокофьевич.

Старовер не нашелся, что возразить и, не говоря ни слова, взял следующую косу, обмакнул молоток в жестянку с водой, принялся выстукивать.

- Во-он оно что! - протянул Степан Батин в раздумье. - Хитер парень!

- Пока этот молодец следы замечает, - сказал Колманов, - надо его изолировать. Медлить тут нельзя. Когда еще милиционер придет! А мы станем ждать, рот раскрывши. Ты, Роман, мне сейчас нужен будешь. Пойдемте.

- Ну, Алексей Иванович! Все разузнал! - Роман с преувеличенным восхищением глядел на Колманова.

А тот чуть нахмурился, словно ему неприятно было восхищение кузнеца.

Николай Старовер, уже занесший молоток над бабкой, поглядел им вслед, потом ожесточенно застучал, так что стук отдавался тугим звоном.

Глава тридцать восьмая

Бело-рыжая корова Красотка отелилась прямо на выпасе. Корова эта из Дуниной группы. Дуня ожидала, что та отелится не скоро, даже вот в стадо выпустила, просила только поберегать её, не гонять шибко.

С самого утра Красотка куда-то запропастилась. Женька пошел искать её в лес и вскоре нашел, да не одну - с теленком. Михаил послал подпaska в деревню за подводой.

Теленок все пытался подняться на ноги, но так и не смог, был еще слаб. Красотка старательно вылизывала его языком, он покачивался от каждого её толчка, стараясь укрепиться на слабых ногах и подрагивал кожей - зябко ему было под жарким солнцем в этом новом для него мире. Корова иногда взглядывала на пастуха и коротко мычала. Тогда становилось заметно, что у них с теленком совершенно одинаковые глаза и даже в их мордах что-то похожее есть. Это было смешно и трогательно.

Женька приехал с Дуней. Михаил поднял теленка на руки и положил в телегу на охапку сена, покрыл ветошью, что привезла Дуня. И все время, пока укладывал его, Красотка стояла рядом, поталкивала пастуха мордой в бок, словно просила обращаться с новорожденным осторожнее.

- Ишь, заботливая, как баба, - подивилась Дуня.

После той памятной ночи Михаил встречал её часто, но они почти не разговаривали друг с другом. На полднях она уже не подсаживалась к нему, как это бывало ранее. Несколько дней вид у нее был опечаленный, обиженный, а потом она снова повеселела, - шутила, напевала, и даже поглядывала на него вызывающе.

- Корову можно и не привязывать к телеге, - заметил Михаил. - Никуда не денется.

Он уже хотел было отойти, но Дуня остановила:

- Тебя председатель зовет, поедем со мной.

- Зачем я ему?

- Не знаю. Велел сейчас же, не мешкая.

Это встревожило Михаила: за хорошим спешно не позовут. Наверно, опять насчет потравы? А какая там потрава! Уже все подравнялось, ничего не заметно.

«Может не из-за потравы, а из-за пастухов? - подумал Михаил. - Уж не пожаловались ли они? Скажут, что избил...».

Дуня села на телегу, поехала.

- Если не вернусь через час, ставь стадо на полдни, - наказал Михаил пастушонку Женьке. - Да я, наверно, скоро...

А сам опять подумал с некоторой тревогой: «Чего жаловаться старицким пастухам! Я их не бил, попугал только. Мне, ведь, самому больше от них досталось».

Он догнал подводу и сел с другой стороны от Дуни.

Корова и впрямь шла, как привязанная, и все тянулась к теленку, норовя лизнуть его.

- А ты ладно, ладно, - уговаривала её Дуня, придерживая теленка рукой, чтоб он не соскользнул с охапки сена. - Ишь, какой он у тебя дурачок! Глаза-то совсем глупые. Ну, что смотришь? Интересно на этом свете? Солнышко, вишь, травка... Скоро по этой травке бегать будешь, есть её станешь.

Михаил тоже обернулся к теленку, погладил его по шелковой шерстке.

- Чудно, наверно, ему все кажется. Какие-то люди, лошадь... Не надивишься.

- Он ничего не понимает, - возразила Дуня. - Дрожит. Да неуж тебе холодно, дурачок? Неуж ты озяб, а?

- Это он со страху, - сказал Михаил. - Боится всего, уж очень ему непривычно.

- Вот и ты, Михаил, тоже со страху всего боишься, - сказала вдруг Дуня.

Он вскинул на неё удивленный взгляд. Поворот в разговоре был неожиданный.

- Боишься, - подтвердила она. - Ну вот что ты с того краю сел? Почему не рядом со мной?

- Вон ты о чем! Тесно нам будет, люди мы с тобой крупные.

Он снял пиджак, передал ей:

Дуня укутала теленка, оттолкнула морду коровы:

- Ну-ну, не беспокойся, не обидим.

И та, будто поняв её, отстала на шаг, хотя и не спускала глаз со своего детеныша.

- Он кто у тебя, Красотка? Сынок или дочка? А-а, телочка! Погоди, молоком будешь нас поить.

Заметно было, что Дуня говорила вовсе не то, что думала, а мысли у неё были заняты чем-то более важным.

- Слушай, Михаил, а почему ты жениться не собираешься? - спросила она, наконец. - Сколько еще будешь ходить холостым? Или решил остаться старым девуном?

- Дело нешуточное, надо подумать, - охотно откликнулся он.

- А чем дольше станешь собираться, тем хуже получится.

Верно говорю!

- Ну что ж, - сказал он неопределенно.

- Серьезный ты больно, тяжело думаешь. - Дуня вздохнула и продолжала испытующе: - Найди-ка у нас в деревне девку да и женись. Заживете душа в душу.

- Да я уж решил. Скоро и впрямь женюсь.

Она посмотрела на него пристально.

- Врешь, наверно?

В голосе её уже не было прежнего лукавства.

- Нет. На днях заявление в сельсовет подадим.

- И девку нашел?

- Нашел.

Он немного смутился, и Дуня поняла по этому смущению, что собеседник её вовсе не шутит.

- Вишь ты, - сказала она, подумав. - Значит, все уже решил. А я, грешница, думала, не больной ли ты какой.

Она глянула на него с улыбкой.

- Похоже было, да?

Он засмеялся.

- Похоже... - Дуня дернула вожжи и причмокнула, понукая лошадь. - Ну, любовь вам да совет, - сказала она.

Но не получилось у нее доброжелательного тона, а вышло обиженно и насмешливо.

- Погоди, рано еще. Вот на свадьбу пригласим.

- А про меня ты, Михаил, не думай плохо, - сказала Дуня после длительного молчания, и голос её прозвучал глуховато.

- Да с чего! - Тотчас воскликнул он. - Я о тебе никогда плохо не думал.

- А вот что тогда...

- Давай забудем об этом, - поспешно сказал он. - Как будто и не было ничего.

- Забудем, - согласилась она, потом повторила: - Да, надо забыть.

Мухи кружились над головой теленка, норовя сесть на его слезящиеся глаза. Михаил отгонял их ладонью, а Красотка, обеспокоенная тем, тревожно взмыкнула. Она то и дело напирала на задок телеги грудью, желая лизнуть теленка. А тот доверчиво лизнул руку пастуха.

- Всё ж таки чудной ты, - Дуня вздохнула. - Святым, что ли, хочешь быть... Не знаю. Бог с тобой, живи как знаешь. А только по правильному всё равно не получится. Себе хуже, да и людям тоже.

- Я себя не насилую, - нахмурясь, заметил Михаил. - Живу, как умею. Иначе не могу.

Они ехали уже полевой дорогой. Справа и слева клонились над нею колосья ржи. Он сорвал один колосок, вылушил несколько мягких, налитых молочком зерен, положил их в рот.

- Что же, невеста у тебя прямухинская или из другой деревни приведешь? - поинтересовалась Дуня.

- Здешняя.

- Да ну! Однако скрытный ты парень. Никто и не заметил, когда вы с нею успели договориться. Кто же такая?

- Разве ты не знаешь?

- Откуда мне знать!

Михаил колебался, говорить или нет, потом спросил осторожно:

- И от Раи ничего не слышала?

- А ей откуда может быть известно?

Дуня сказала это и тут вдруг, осененная догадкой, обернулась к нему – вид у нее был не столько изумленный, сколько испуганный:

- Да ты уж, парень, не Раю ли мою хочешь взять?

Его смутил встревоженный тон её голоса. Почему она так? Не хочет его в зятья?

- Раю? – повторила Дуня, все еще осознавая эту новость.

- Тпру! - она натянула вожжи и лошадь остановилась.

Красотка опять налегла грудью на задок телеги. Теперь она могла беспрепятственно вылизывать своего теленка: двое людей не обращали на корову внимания. Они сидели, свесив ноги по разные стороны и обернувшись друг к другу. У Дуни вздрагивали губы, а глаза были темные и большие, наполненные непонятным Михаилу страхом, словно он только что признался ей по крайней мере в убийстве человека.

- Да ведь ты же не любишь её! - сдерживаясь, упрекнула его Дуня.

И Михаил смутился, отвел глаза.

- Это ведь грех! Не по любви...

- Какой там грех еще, - возразил он с неловкой усмешкой. - Я неверующий.

- Не перед Богом, перед совестью грех.

Он уже начал сердиться.

- С чего ты взяла, что не люблю? Она мне нравится. Чего еще надо? Поживем - полюбим.

- Ты ей жизнь испортишь, - заговорила она с нарастающим гневом. - Зачем это - не по любви? Ты ей судьбу спугнешь, понимаешь или нет? Не отдам я её тебе.

- Брось, Дуня! Зачем такое говоришь? Я её беречь буду, вот увидишь. Любить буду...

Красотка вытягивала голову, чтоб достать теленка языком, пиджак пастуха, которым был укутан теленок, съехал в сторону. Вылизывая теленка, она толкнула рогом Дуню, а та взяла её за рог и отвела, не сознавая, что делает.

- Все равно не отдам, - для большей убедительности она покачала головой и снова повторила: - Нет, не отдам за тебя.

- Да полно тебе, Дуня.

Она поняла, что Михаил попросту не верит, что Рая послушается матери. Да и сама Дуня в это не верила, и принялась горячо убеждать его, что Рая не выйдет за него замуж без её материнского благословения.

Он слушал внимательно, с печальным видом, потом вздохнул и послушно сказал:

- Ну, будь что будет.

- Да и какая она тебе жена! Разве тебе такую надо! Райка моя хорошая девка, да еще глупа. Она бесхозяйственная, ни сшить, ни распороть...

- Ничего, научится, - Михаил улыбнулся. - Зато я хозяйственный.

- Она за материной спиной живет всю жизнь, пирога не знает как испечь.

- Научится, - опять возразил он.

- Да ты поговори с ней получше! Ты её не знаешь, а я, мать, знаю. Разве она пара тебе! Ты и Райка, господи! Как же вы жить-то будете!

- Хорошо будем жить.

Наконец она поняла всю бесполезность своих уговоров.

- Что я суюсь не в свое дело? - сказала она сама себе. - Пусть их... как хотят.

Дуня подхлестнула лошадь вожжой. Телега загрохотала, теленок затрясся на охалке сена, едва удерживая голову на слабой шее. Красотка тяжело трусила следом, грузное вымя её с набухшими сосками моталось из стороны в сторону, брызгая молоком на придорожную траву, на пыль в колее.

Больше они не обмолвились ни словом до самой деревни.

Только, когда лошадь свернула к скотному двору и перешла на шаг, Дуня спросила, не оборачиваясь:

- Это значит, вы с Раей обо всем уже договорились?
- Нет еще. Но сегодня я как раз хотел ей об этом сказать.
- Не успел, значит. Скажешь еще...

Голос у неё звучал напряженно, того и гляди сорвётся на крик или шепот.

Она остановила лошадь у ворот скотного двора и стала загонять в стойло Красотку. Дуня стегала её хворостиной, а пастух толкал в бок, но корова только поматывала головой да тяжело переступала с ноги на ногу, и продолжала тянуться к своему детенышу. И только, когда Михаил взял теленка на руки и понес во двор, она пошла за ним, как привязанная.

Вернувшись, он застал Дуню в задумчивости, стоящей возле телеги.

- И где же вы жить будете? - спросила она и стала зачем-то взбивать охапку сена, как взбивают подушки обеими руками. - Если у матери, то я вам заранее говорю, что...

Она не досказала, но смысл был ясен: не пустит. По-видимому, отказывая в житье будущему зятю, Дуня надеялась, что хоть это остановит его, и свадьба не состоится.

- Я хочу попросить у председателя избушку Игнатову, - объяснил Михаил. - Пока в ней поживем, а осенью начну строиться. Вот как только пасти закончу, так и примусь строить.

Корова во дворе протяжно замычала, и Дуня, словно очнувшись, сказала совсем другим голосом:

- Батюшки, ведь её доить надо! Вымя-то у нее больно большое, ить с коих пор не доена. Испорчу корову...

Глава тридцать девятая

Вся деревня уже знала о краже, только, как всегда бывало в таких случаях, слухи о происшествии несколько отличались один от другого. К примеру, на лугу, откуда возили сено, говорили, что

воры «обчистили целый амбар», то есть много кой-чего унесли. А Валена утверждала, что уволокли всего два мешка муки, и будто бы даже дед Устин видел, как кто-то тащил их на спине.

- Оба мешка сразу? - недоверчиво спрашивал у неё Митряха Тарлыков.

Она подтверждала: да, сразу два.

В это плохо верилось: поди-ка любой здоровяк, снеси, попробуй, два мешка. Чай, не с сеном - с мукой! Будь на месте Валены кто-нибудь другой - подняла бы на смех, а поскольку муж у неё не простой колхозник, слово её веское. Володя Суковатов сидит в канцелярии вместе с Колмановым, от него ума набирается, а от Володи и жена Валена. Уж она-то верно знает, раз так говорит!

- А почему Устин не остановил его? - недоумевал Митряха. - Почему не узнал, что это? Как-никак ночью... Какой-то человек тащит мешки...

- Где ж ему догадаться, что это вор! - защищалась Валена. - Все мы задним умом хорошо соображаем. А вот увидел бы сам, так тоже не подумал бы ничего такого. Кто-то мешок несет - что тут такого? На лбу у него не написано, вор он или нет.

А старухи у колодца рассказывали друг другу про дезертиров: будто бы пришли они целой бандой из лесу и обворовали прямухинский амбар.

Услышавши случайно эту версию, народ у сарая и вовсе стал в тупик. Митряха Тарлыков предложил послать кого-нибудь на разведку, чтоб узнать новости поточнее. А куда послать?

- Во вторую бригаду, авось там знают!

Вызвалась сходить Валёна, чтоб расспросить у мужа, но тут увидели, что от канцелярии по направлению к скотным дворам идёт Колманов и с ним кузнец Роман и Степан Батин. Вот они остановились, глядя все трое в сторону коровника, а к ним оттуда шел пастух. После короткого разговора кузнец Роман с кладовщиком взяли пастуха за руки и повели. Видно было, что Михаил попытался вырваться, что-то крикнул Колманову, но его удержали.

- Куда это они его? - в полном недоумении сказала Валёна. - Глядите-ка, что делают!

Работа у сарая прекратилась, все замерли и смотрели, как пастуха довели до амбарчика и втокнули туда. После этого Степан запер дверь на большой замок, и они все трое стали закуривать, о чем-то переговариваясь.

Те, что столпились у ворот сарая, переглянулись. С сеновала слезли девки и мальчишки, топтавшие сено, и теперь тоже смотрели туда, заслоняясь ладонями от солнца.

- Вот и нашелся вор-то! - воскликнула догадливая Валёна.
- Вон, оказывается, кто ворует! А то болтать стали: дезертиры! Какие тут дезертиры, когда свое ворье есть.

Колманов, попыхивая дымком самокрутки, отправился в канцелярию. Когда он скрылся, от сарая, как по команде, все двинулись к амбару.

Бригадир как раз вывернулся из проулка и остолбенел: два воза свалены возле ворот сарая, третий ждет очереди, а народ, побросав вилы валит прочь целой толпой.

- Почему работу прекратили? - закричал Иван и крупно зашагал наперерез. Пустой рукав его рубахи выбился из-под поясного ремня и полоскался по воздуху. - Оштрафую всех до одного к такой матери!

Жаль, что не видела в эту минуту своего безрукого Ивана его жена. Пожалуй, она удивилась бы громкому мужниному окрику и решительному виду. Пожалуй, она не отважилась бы корить его за хозяйскую неспособность да обзывать всякими унижительными для мужского достоинства словами. По крайней мере вечером этого дня.

Но бригадира все-таки не послушали. Только Валёна Суковатова приостановилась, чтобы объяснить в чем дело. Да Митряха Тарлыков, проходя мимо, напомнил:

- Смотри-ко, солнышко где, Иван. Вишь, жарко как стало, невмочь. Лошади нудятся, замучились вовсе. Пора на обед звонок давать.

Иван остановился, почесал в раздумье затылок, оглянулся на канцелярию, словно сверяя мысленно, как отнесется к этому Кол-

манов, и повернул назад, звонить на обед.

Между тем у амбара собиралась толпа. Все окружили Степана Батина, а кузнец Роман расхаживал молча, только улыбался. Он оглядывал стены и углы амбара, но по тому, что он пробовал, крепко ли заделаны пазы, было ясно, что не забота о надежности этой временной тюрьмы владеет им, а обыкновенные практические соображения. Не погнило бы строение и долго ли еще послужит? Довольный вид кузнеца свидетельствовал, что он нынче себя чувствует героем дня, и хочется ему совершить еще что-нибудь, чтоб все удивились еще более. «Да что там! - как бы говорил он, молодежато пошевеливая широкими плечами. - Подумаешь, вора арестовал! Я и не то могу».

А Степан был построже. На вопросы, за что посадили пастуха, он отвечал кратко и веско:

- За дело.

Все знали, за какое «дело», да больно хотелось выведать что-нибудь побольше. Степана продолжали расспрашивать, сколько украдено да когда, да где ворованное спрятано. На это кладовщик не менее глубокомысленно отвечал:

- Приедет милиция - разберется.

Дуня Пряжина не стала распрягать лошадь - та закреплена за молоковозом, а сейчас время к полудню, и Иван Марасанов вот-вот должен поехать с бидонами на полдни. Потому она привязала её возле стены, а чтоб та не билась на привязи, торопливо вынесла из коровника охапку зеленой травы. Вот тут-то Дуня и увидела, как мужики взяли пастуха под руки и повели.

- Господи, чтой-то они! - в испуге воскликнула она.

Её восклицание услышали доярки, собравшиеся на полд-ни, и вышли со двора на улицу. Они успели увидеть, как Михаила втолкнули в амбар и навесили большой замок.

- Его обокрали нынче, - взволнованно заметила одна.

- Кого?

- Да амбар.

- Я думала, пастуха.

- Пастух и украл. Вишь, посадили его.

Когда Дуня вместе с доярками подошла к амбару, в толпе стоял общий говор, не сразу поймешь, кто о чем толкует. Кто-то из баб жалел пастуха:

- Экой дурень! И чего ему втемяшилось! Ведь сыт был, и при месте.

- Еще бы не сыт! - В тон ей запела другая. - Завсю норовили посытнее накормить, помягче спать уложить. Нет, дай украду. Что за человек!

- Не жилось хорошо, захотелось по-плохому.

- А это дело, бабы, такое азартное, - объяснял Митряха. - Кто хоть раз украл, то не может не воровать. Просто рука сама тянется что-нибудь стянуть. Тут уж ничего не поделаешь. Небоось, знаете, ворованное яблоко всегда слаще.

- Это уж так, - одобрительно поддакивали ему. - Давно известно: легче украсть, чем попросить.

Иван-безрукий ударил в рельс, но никто и не подумал уходить от амбара. Стояли и ждали неизвестно чего.

Колманов послал Володю Суковатова в Старицу звонить в город, в милицию - у него велосипед, быстрее доедет. Это вызвало еще большее оживление в толпе.

Дуня Пряжина постояла, послушала, как обсуждают на все лады и, не проронив ни слова, пошла назад, к коровнику.

- Куда ты, Дунь? - насмешливо окликнула её Валёна.

- Корова у меня отелилась, - печально сказала та в ответ. - Красотка... Еще недоенная стоит.

- Переживает, - шепнула Валёна, провожая её глазами.

Кое-кто из любопытных подходил к амбару, прикинул к щели между досками двери. Пастух сидел, не шевелясь, возле пустого сусека. Взгляд его был устремлен куда-то в сумеречный угол, он смотрел туда неотрывно, словно ожидал, что вот-вот кто-то там должен появиться. Лицо его каждому из подглядывавших казалось странным: как-никак арестовали человека, а он сидит так спокойно, словно все происходящее ничуть его не касается и настолько прискучило, что уж не волнует ничуть.

Валёна Суковатова тоже прикинула к двери, долго и при-

стально наблюдала за пастухом, потом вдруг отпрянула испуганно.

- Ты что? - спросили у нее.

- Поглядел на меня, - отвечала Валёна шепотом, с непонятным страхом.

- Ну и что? Погрозил, что ли?

- Н-нет.

- Отчего же ты испугалась?

- Не знаю... Нехорошо как-то поглядел.

Но объяснить, почему и как нехорошо глянул на нее пастух, не смогла. А народ возле амбара притих.

Глава сороковая

Звонок на обед застал Юрку Дунина на полпути с луга в деревню. Возчики, ехавшие ему навстречу порожняком, теперь тотчас повернули назад и погнали лошадей вскачь: им и тут повезло. Они будут уже обедать, а Юркина Серуха с возом не побежит, будет тащиться нога за ногу, и пока-то доберется!

Он подъехал к сараю, с удивлением оглянулся на толпу возле амбара. Раздумывать было некогда, он соскочил с воза и стал тут же распрягать лошадь. Упряжь спрятал под телегу, сам вскочил на Серуху, верхом поскакал к амбару.

Новость, которую он здесь услышал, поразила его. Он искал глазами мать. Дуня уже подоила Красотку и теперь снова пришла к амбару. Она стояла чуть в стороне, и в ней Юрка сразу заметил странное несоответствие: она выглядела разгоряченной, словно была в самой гуще словесной перепалки, но не произносила при этом ни слова. Она молчаливо наблюдала за всеми с напряженным вниманием.

Увидел он и сестру, но в ней Юрка не заметил ничего необычного. Рая, как всегда, была весела, улыбчива, словно на гулянье пришла, а тут случилось забавное происшествие, ну как не посмеяться!

И в своей душе Юрка чувствовал странное раздвоение. Он готов был обрадоваться: наконец-то пастух засыпался! Наконец-то все видят, каков он, и теперь он получит свое. И в то же время Юрка не мог злорадствовать без оглядки: что-то тут не так, что-то непонятно. Ну, зачем пастуху эта мука? Блины, что ли, печь он стал бы из нее! Глупо все, несерьезно это, как будто нарочно придумано. В то же время соображал Юрка, пастух сидит запертый в амбаре - куда уж серьезней! Просто так не посадят. Значит, есть на нем вина, да и немалая.

Чем больше он думал об этом, прислушиваясь к говору в толпе, тем меньше становилось сомнений в виновности пастуха. «Попался, чего там! - думал он, и сердце его наполнялось мстительным и злорадным чувством. - Пойдешь туда, откуда пришел. Туда тебе и дорога, там тебе и место. Вот так».

- Мам, дядь Мишу в тюрьму опять посадят? - приставал между тем Петька Паничев к матери.

- Замолчи, - рассеянно отвечала Катя. - Я не знаю. Может, не посадят еще.

Вид у Петьки был испуганный, будто он пришел смотреть на умершего, и теперь все его существо было наполнено непонятным страхом от необычности того, что происходило на его глазах.

Мало-помалу Катя Паничева поняла, что пастуха подозревают только потому, что неизвестно было, где он нынче ночевал. А когда она поняла это, глаза её заблестели, и она никак не могла совладать с собой, с прихлынувшим волнением. Она все порывалась что-то сказать, и никак не могла решиться или не выпадало подходящей паузы, когда её слабый голос может быть услышан.

Пришел Колманов, спросил строго:

- Что за сборище? Митинг устраиваете?

- Чай, интересно, Лексей Иваныч, - объяснил Митряха. - Не каждый день такое случается.

- Что же тут интересного? Обыкновенное воровство.

И тут Катя решительно подошла к председателю:

- Лексей Иваныч, нельзя же так с человеком. Как вам не со-
вестно!

Он обернулся к ней, недоуменно глядел:

- Ты о чем?

- За что посадили Михаила?

- А тебе какое дело?

Катя боялась Колманова, как ученица строгого учителя. Но теперь она опасалась только одного: что не сумеет сделать все так, как задумала, что будет слишком волноваться и скажет что-нибудь не так, испортит дело. Теперь она замялась, досадуя за это на саму себя.

- Каждому докладывай, почему да отчего! - председатель возвысил голос. - Смотри-ка, с ней не посоветовались! Ай-яй-яй... Кака-така барыня!

- Как же он мог украсть, Лексей Иваныч? - в голосе Кати послышались слезы. - Как же он мог украсть, если никуда не отлучался нынче ночью? Он у меня ночевал.

Все замолчали и уставились на нее. Одни с удивлением, другие с недоумением.

- Ай да Катя! - выговорил кто-то.

- Что ты сказала? - спросил огорошенный Колманов.

- У меня ночевал Михаил. Вчера вечером пришел и нынче утром ушел, когда уже рассвело. И никуда не отлучался. Хоть перед иконой поставьте.

Колманов пожевал губами, машинально сказал:

- Ну и что же?

- Как что! Не мог он в одно время быть там и тут. Никуда он не отлучался ночью.

Нет, не смущенье было написано на Катином лице, а страх, что ей не поверят. Вот не поверят, и все! Засмеют. Что тогда? И глаза её умоляли: верьте, я правду говорю, верьте.

Пожалуй, это-то и смутило некоторых.

Больше всех удивилась Рая Дунина. Вчера вечером, когда расходилось гулянье, Михаил остановил её и не пустил домой. А там слово за слово, пошли гулять, потом просидели до третьих петухов на бревнах возле старой риги. На это место Рая сама увела его, потому что в деревне могли их увидеть, а ей не хотелось

этого - к чему лишние разговоры! И пока там сидели, Рая то и дело оглядывалась настороженно и его то и дело одергивала: не говори громко.

И вот теперь Катя Паничева вдруг утверждает, что пастух у нее ночевал!

- Что ты врешь! - рассердился Колманов. - Ты смотри у меня! На суде будешь отвечать за укрывательство. Знаешь, что за это полагается?

Но Катя решительно помотала головой:

- Где хотите спрашивать. У меня ночевал Михаил. И никуда ни на минуту не отлучался.

- Да ты спала крепко и ничего не слышала с устатку-то! - сказал Степан Батин, раздосадованный таким оборотом дела.

- Я всю ночь не спала, - сказала Катя серьезно и с удивлением оглянувшись, когда вокруг неё захохотали.

Колманов еще более нахмурился.

- Вы отпустите его, - попросила Катя. - Зачем человека обижать! Отпустите. Ведь не он украл! Пока его держите, настоящий-то вор уйдет. Потом и не сыщете.

- Разберемся, - пробормотал Колманов.

- А чего тут разбираться! И так яснее ясного. Как вы могли подумать на него?

Катя расстроено покачала головой.

- Ладно, - сказал Колманов кладовщику. - Можно и выпустить. Все равно никуда не денется теперь.

Степан нехотя подошел к амбару, отпер замок, распахнул дверь.

- Выходи. Защитница у тебя нашлась.

- В канцелярии пусть посидит пока, - добавил между тем председатель. - А там выясним, кто украл, а кто его покрывать думает.

Михаил вышел, щурясь от солнца, отыскал глазами в толпе просявшую Катю, сказал укоризненно:

- Зачем на себя наговариваешь, Катерина? Ведь не был я у тебя нынче ночью! Зачем себя чернишь?

Все опять обернулись к ней. Катя потупилась.

- Спасибо, что заступилась, - продолжал пастух. - Только не надо лишнего на себя наговаривать, ни к чему это. Ты меня не жалей. Вот скоро начальство ваше, - он кивнул насмешливо в сторону председателя, - скоро оно разберется, кто виноват, а кто нет, а я пока подожду. Мне бояться нечего.

С этими словами он ушел в амбар и сел там на прежнем месте.

- Спектакль! - сказал Роман Бугаенков, стоявший до той поры молча. - Радиопостановка.

На него никто не оглянулся, все смотрели на Катю.

- Ну, Паничева, запутала ты нас совсем, - председатель покачал головой. - За ложные показания статья полагается. Не маленькая, должна понимать.

- Невиноватый он! - горячо сказала Катя. - Потому я так и сказала, что невиноватый. Никогда не поверю, чтоб он мог украсть. Он не такой.

- А откуда ты знаешь, какой он? - строго спросил Колманов.

- В том-то и дело, что не знает, а треплет, - ввернул Степан Батин. - Голову морочит...

- Стыдно вам, Лексей Иваныч! - Катя бесстрашно наступала на Колманова. - Зачем человека понапрасну позорите! Что он вам плохого сделал, чтоб с ним так? Ничего такого, только добро, а вы...

Колманов пренебрежительно отвернулся от Кати и пошел назад, к канцелярии, бросив через плечо Степану:

- Скажи ему, чтоб явился ко мне.

Кладовщик понимающе кивнул и пошел в амбар к пастуху.

Теперь толпа подступила к самым дверям амбара, чтоб слышать, как Степан будет уговаривать арестованного выйти на люди.

- А ему там понравилось! - сказал кто-то. - Он там и жить останется!

Дуня Пряжина и Рая стояли теперь отдельно от всех. Мать тихонько спросила у дочери:

- С тобой был Михаил нынче ночью?

Рая удивленно вскинула брови, - откуда мать знает? Потом чуть поколебавшись, подтвердила:

- Со мной...

При этом она посмотрела на мать: что та скажет? Но лицо Дуни не выразило ничего - только то же напряженное и тревожное выражение. Рая пожала плечами:

- Не знаю, что это Катя хлопочет! Зачем ей это?

- Может, он от тебя к ней отправился?

- Ты же знаешь, я уж утром домой пришла. А он сразу стал сгонять стадо.

- Почему ты промолчала?

- А зачем я раньше времени буду язык высовывать! А тут еще эта сунулась...

- Ой, не дело, Райка, делаем. Его могут завинить сегодня. Смотри, девка, нехорошо выйдет.

- Как я скажу! Надо мной смеяться будут.

- Что ж, надо выручать человека.

- Да, если бы Катька не выскочила, может, я бы и сказала. А ничего с ним не сделается!

Кладовщик с Михаилом вышли из амбара и сквозь толпу направились к канцелярии.

Глава сорок первая

Милиционер прибыл в Прямухино уже под вечер. Привя-зал коня у крыльца канцелярии, прошел прямо к председателю. Мальчишки тотчас почтительно обступили милиционерского коня, разглядывая невиданную ими диковину - кожаное седло со стальными засветленными стременами; переговаривались почему-то шепотом. А кое-кто из взрослых подались поближе к окнам - послушать, что будут говорить в канцелярии.

- Ну, что тут у вас, товарищ Колманов? - спросил милиционер, здороваясь с председателем за руку.

- Да вот, происшествие, - отвечал тот.

- Ага. В общих чертах мне уже кое-что известно...

В канцелярии кроме председателя оказались Володя-счетовод - он сидел как обычно, в своем углу за столом, заваленном бумагами; да на широкой скамье у печи - расположились Роман Бугаенков с Иваном-безруким, а Михаил сидел отдельно от них, у противоположной стены. Милиционер поздоровался и с ним. И вот, когда очередь дошла до Михаила, Колманов сказал:

- А это подозреваемый.

Председателю явно не хотелось, чтоб с пастухом здоровались, как со всяким вольным человеком. Но милиционер подошел и к пастуху, руку протянул:

- Ну, здорово, подозреваемый.

Он сел на лавку рядом с Михаилом, шумно вздохнул:

- Ух, запарился я... Устал. Ну и жара нынче!

Он долго и старательно вытирал скомканным платком лицо и шею, а мужики с сочувственным вниманием следили за ним.

- Дел много? - участливо спросил Володя.

- Без работы не сидим.

«Запарившийся» милиционер выглядел однако веселым и поговорить был не прочь.

- Вот нынче сразу в трех деревнях кражи. Начали воры с вашего Прямухина, потом перебрались в Саврасово, оттуда - в Крутец. А там и засыпались.

- Кто засыпался? - насторожился Колманов.

Володя с Романом переглянулись.

- Да двое запивох... Ехали из города на базар, вот и решили, видно, гостинцев набрать по пути. Их в Крутце баба-бригадирша арестовала. Одна, без посторонней помощи! Я б её в милицию записал, ей-богу.

Милиционер обвел всех взглядом и засмеялся.

- Это Бараниха, я её знаю, - пробормотал Колманов.

- А вы тут лишнего отыскивали подозреваемого, - милиционер дружески подмигнул Михаилу. - Перестарались, значит.

Колманов побарабанил пальцами по столу, спросил с деланным безразличием:

- Что же, они уж сознались?

- А куда денешься! - весело воскликнул милиционер. - На горячем взяли, на месте преступления. Тут уж отпираться некуда.

Он принялся опять утираться платком, приговаривая:

- Вот и мотаюсь... По такой-то жаре... Пока в одном месте разберешься да в другом. Вот вы тут еще чуть было дельце не подсунули... С вашим подозреваемым.

Колманов нахмурился. Ни на кого он не глядел в эту минуту, как будто боялся встретить чей-нибудь взгляд.

- Ну ладно, поеду я, товарищ Колманов, - милиционер поднялся. - Дорога у меня еще неблизкая, надо спешить. За своей мукой вы поезжайте в Крутец, там отдадут под расписку. Всё, как полагается.

- Да, может, то не наша мука? - усомнился председатель.

- Ваша, ваша, чего там. Прощайте. Звоните, если что.

Веселый милиционер в том же порядке пожал всем руки. Колманов с преувеличенным интересом наблюдал в окно, как тот садился на коня. Потом слышно было, как конь взял с места рысью.

- Не больно-то привычен ездить в седле, - заметил Колманов. Молодой еще, неопытный. Да... Вот так.

Глава сорок вторая

Несколько минут длилось неловкое молчание. Никто из присутствующих не глядел в сторону пастуха, как будто его здесь вовсе не было.

- Надо сказать Степану, что нашлась мука. А то он беспокоится, - ни к кому не обращаясь, проговорил Роман.

- Смотри-ка ты! - вслух удивился Иван-безрукий. Отыскалась пропажа, и воры нашлись! Кто бы подумал... Ехали по деревням и чистили хлебные амбары под метелку. Ну и ну!

Он даже прихлопнул себя по ляжкам.

Колманов беспокойно задвигался на стуле.

- Ну, ты чего ждешь? - обратился он к пастуху.

Тот не ожидал вопроса и пожал плечами: сам, мол, не знаю.

- Ждешь, что мы сейчас прощения будем просить? Извините, мол, обознались. Бес попутал и так далее. Этого ждешь, да? Будто я не знаю...

- Нет, не жду.

Это были первые слова пастуха, которые он сказал с тех пор, как пришел сюда, в канцелярию.

- То-то, - одобрил председатель. - Дело не в том, чтобы обидеть кого-то или личные счеты свести. Тут родного отца или брата не пожалеешь - дело серьезное, и правда должна быть установлена. Вот так. А обиды тут нечего копить да всяких извинений ждать.

- Я свободен? - спросил Михаил, не дожидаясь конца его рассуждений.

- Что значит свободен? К стаду иди, занимайся делом. Вот и вся свобода. Подпасок, наверно, из сил выбился.

Михаил вышел.

Он спустился с крыльца канцелярии, как человек, которому теперь некуда спешить, и который не знает, куда ему пойти. Постоял возле угла, рассеянно глядя по сторонам, потом уселся на скамью под окнами.

В канцелярии негромко разговаривали мужики. Михаил прислушался: разговор был не о нём.

- А Милка жеребая, - говорил Иван-безрукий. - Нельзя её на сенокос. Доярки запрягают, чтоб привезти зеленой травы коровам - это другое дело, не тяжело. А воз с сеном она не потянет, изуродуем скотину.

- А мерин этот... Игрун, что ли? Тоже, знать, жеребый? - возразил Колманов. - Пузатый ходит, отъелся.

- Хромает, - неуверенно сказал Иван.

«Толкуют про жеребую кобылу да хромого мерина, - удив-

ленно подумал Михаил. - Как ни в чем ни бывало... Словно ничего и не произошло».

Мирная беседа в канцелярии почему-то больно задела его. Он вспомнил, как в тот день, когда подрядился пасти в Прямухине, сидел на этом же самом месте, и было ему так же одиноко, как и сейчас. Впрочем, тогда оно скрашивалось надеждой на скорую перемену к лучшему, а нынче гнетет душевная усталость.

«Окурки собирал, - подумал он с усмешкой. - Нынче уж я их собирать не стану, на курево заработал». Но это, пожалуй, было все, чем он разбогател, а два месяца в пастухах. А в остальном ничто не изменилось в его жизни.

Годы, которые прошли с той ночи, когда они с отцом волокли с колхозной риги мешки с зерном - эти годы он считал потерянными. Все это время он переживал, как переживают грозу. Вот минует непогода и снова можно приниматься за дела. Но теперь казалось, что занесло новую тучу, и хоть опять переживай, опять отсчитывай время, проведенное без пользы.

Михаил глянул вдоль деревни - дорога, обтекая колодцы, выходила за околицу и там заворачивала, пропадала. Дальше начинался выгон, и Михаил увидел вдалеке стадо - Женька уже трафил к дому.

Вот деревня изменилась, похорошела. Густая мурава покрыла грязь на луговинах, кроны ветел и тополей заслонили серые бревенчатые стены. «Нарядная деревня, - подумал Михаил и почувствовал, как тоска еще сильнее сжала его сердце. Не то, чтобы красивая, а вроде как и родная. Прижился я здесь. Да, уже попривык, а вот не задалось. Не задалось...».

Бригадир с кузнецом вскоре вышли из канцелярии и прошли мимо, разговаривая между собой. Они оба оглянулись на пастуха, одиноко сидевшего на скамье, но ничего не сказали ему. И это тоже больно задело его. «Я стал, как капризная баба, - подумал Михаил, утешая себя. - Вот эти мужики не остановились поговорить со мной, и я уж на заметку беру, обидно мне. Ладно... Кто там еще остался у председателя? Один счетовод. Он не помешает.»

Видно, председатель о чем-то только что говорил с Володей, досадливо обернулся к вошедшему пастуху:

- Что тебе?

Михаил не спеша подошел к столу, остановился вплотную и только тогда вымолвил:

- Отпустите меня насовсем. Не буду я у вас пасти.

Колманов откинулся к спинке стула и ожидал, что будет сказано дальше. Но Михаил молчал. Что тут говорить, ведь ясно же все.

- Как у него просто, - сам для себя сказал председатель. - Хочу - буду пасти, не захочу - уйду.

Он пожевал губами, внимательно оглядел фигуру пастуха.

- Почему решил уйти?

- Не могу с вами. Еще что-нибудь пропадет, - опять на меня подумаете, опять меня за воротник да в амбар. А я человек, не корова, которую в стойло ставят.

Колманов не выдержал прямого взгляда пастуха, отвернулся и стал внимательно глядеть в окно.

Пока длилось это молчание, Михаил гадал, на что решится сейчас председатель. Или не отпустит: скотину, мол, некому пасти, а время сейчас горячее, когда тут нового пастуха найдешь! Или не станет задерживать, скажет: скатертью дорога. И хотелось, чтоб отпустил без проволочек, а все-таки надеялся, что как-нибудь обойдется по-хорошему, и его уговорят остаться. Вот если бы уговорили...

Но Колманов в ответ заговорил совсем другое:

- Да, парень, не прижился ты у нас в деревне, вот что я тебе скажу. Уходить тебе надо - это верно. Пусть и не виноват ты нынче оказался, да не в этом дело. Все-таки лучше нам распрощаться. Не доверяет тебе народ наш, чужой ты человек. Что там у тебя на душе, неизвестно. Вот так, парень. Оттого все и происходит...

«Что он говорит? Зачем? - с удивлением подумал Михаил. - Ишь, как повернул!»

Слова «народ не доверяет» больно кольнули Михаила.

- При чем тут народ? - сдержанно возразил он. - Меня обви-

нили, наговорили всего - ведь понапрасну! Ни с того, ни с сего, как будто так и надо! Как мне теперь здесь остаться? Не могу. А народ, что ж... Обыкновенный, как везде.

- Вот именно! - подхватил председатель. - Люди у нас хорошие, работают, детей растят. И никаких, знаешь, это... посторонних интересов. Вот мой дом, а вот колхозное поле, и точка. Никто не высовывается, в святые не лезут, особой чести для себя не требуют. Вот так постепенно почет и уважение люди приобретают. А ты что? Из рядовых да прямо в генералы захотелось? Выше всех пожелал стать?

- Нет, я хотел жить обыкновенно, тихо-мирно. Я никому плохого не делал, и люди ко мне хорошо относились... Дело не в этом.

- А в чем же?

- Да что вам пояснять? Разве непонятно? Почему я ухожу и как...

- Ну? Ну?

- При хреновом пастухе и стадо непутевое - это давно известно. Так и у вас в деревне.

- На меня намекаешь?

Михаил промолчал.

- Оправдания себе ищешь? - в голосе Колманова заклокотал гнев. - Такого, чтоб насовсем, на веки веков очиститься? Чёрному кобелю захотелось стать белым! Зря стараешься, ничего не выйдет. Я тебе так скажу: одного человека можно вокруг пальца обвести, а народ нет. Меня, например, ты очень просто обведешь, а народ не обманешь. Он все видит насквозь, любого и каждого. Ты в деревне побыл - без году неделю, а тебя уже поняли, разобрались что к чему. Вот потому и не доверяют, потому и заперли нынче в амбар. Ладно, пусть в этом случае ошиблись, зато в общей оценке оказались правы. Уж тут ошибки нету. Понял?

- Что ж, - сказал Михаил устало. - Насильно мил не будешь. Отпустите меня, я уйду.

И опять, как во время прошлого разговора о потраве, покорный тон пастуха утихомирил председателя.

- Ты, парень, на нас не обижайся, - сказал он, заметно смягчаясь. - Молод еще, не знаешь, за что в жизни держаться надо. Запомни, на народ обижаться нельзя. Мнением людским дорожить надо, ценить его надо. Я б за людское уважение живот свой положил, а ты - эго! - обиделся. Праведника из себя строишь, святее господа бога хочешь быть, а уж это нечисто, верно тебе говорю.

- Я же сказал, что не навязываюсь. Не по нраву я вам, ну и отпустите, я уйду.

- Ишь, гордость-то в нем играет! - Колманов начал сердито передвигать бумаги на столе. - Верно, не ко двору ты нам, да как же тебя середь лета отпустить? Нет, парень, так дела не делаются. Вот осенью, тогда другой разговор.

- Я вам замену для себя найду.

- Ну, в нашей деревне лишнего человека нет. А из чужих краев пока еще твоя замена к нашим местам привыкнет! Коровы за это время молоко сбавят. Не спеши, парень, не спеши. Да и как с тобой рассчитывать, коли ты и половины сезона не отпас?

- Заплатите мне сколько-нибудь, - упрямо стоял на своем Михаил. - Я на многое не надеюсь. Хоть сколь-нибудь, и ладно.

- Обижаться все мы мастера, - назидательно продолжал Колманов. - А вот мы тут на правлении решили было тебе десятку прибавить.

- Дело не в деньгах.

- Чего же тебе еще?

Михаил вновь повторил, что ему надо уйти из Прямухина.

- Та-ак... Человек ты, конечно, легкий - без семьи, без родины. Ишь, как быстро: уйду. Руки в брюки и пошел. Осенью - пожалуйста, а сейчас не отпустим.

Колманов негромко прихлопнул по столу ладонью, давая понять что это слово последнее.

- Я не могу остаться, - решительно сказал Михаил.

- За полу не держим, а уйдешь самовольно - не получишь расчёта.

- Что ж, пускай я пас задаром. Не надо мне ничего. Отдайте только мне документы.

Володя Суковатов поднял голову и внимательно поглядел на Михаила, удивленный тоном его слов. Пастух говорил настойчиво и сердито, как никто в Прямухине с Колмановым не разговаривал.

Глава сорок третья

Кузнец Роман ночью отвез жену в Покров, в больницу – рожать. Рано утром ехал назад такой веселый, что легко мог сойти за пьяного или ненормального: все чему-то улыбался, то и дело покрикивал на лошадь и даже напевал. Таким его и увидел Михаил.

Он только что вышел из деревни и успел отшагать немного, еще слышны были за спиной крики прямухинских петухов. Сначала на выходе из деревни ему попался Петька Паничев, только-только продравший глаза и вышедший на улицу примериться к новому дню. Он радостно кинулся навстречу:

- Дядя Миша! Тебя не посадили в тюрьму?

- Ну вот еще! Скажешь ты тоже, Петр Семеныч! В тюрьму. За что же? Разве я похож на вора?

Петька только усиленно замотал головой.

- Нет,нисколько. Я так и знал, что тебя отпустят. Ты же не украл мешок с мукой.

- Конечно. Мамка твоя где?

- На косьбу ушла.

- Передай ей от меня спасибо. Обязательно передай. Она знает, за что. Скажешь: дядя Миша кланялся тебе и очень благодарил. Хороший человек твоя мамка.

- Передам.

- Где нынче косят, не знаешь?

- Клеверище начали.

- Ну, Петр Семеныч, проводи меня. Покидаю я твою деревню на веки вечные.

Пастух взял парнишку за руку, и они молча пошли по дороге,

которая вела в Саврасово и дальше. Он и впрямь не знал, куда отправится сейчас. Просто надо было уйти из Прямухина куда глаза глядят, а там, он верил, все образуется как-нибудь.

Дорога обогнула угол ржаного поля. Пастух сорвал один колосок - зерна в нем набухли, налились уже. Он потер колос в ладони, сдул остья и кинул зёрна в рот. Петька шел рядом, загребая босыми ногами дорожную пыль. Михаил потрепал его по голове:

- Ты, Петр Семеныч, ноги-то на ночь моешь ли?

- Мамка вечером на пруд прогоняет.

- Ты смотри, хорошо ноги мой, а то цыпки будут, наплачешься. У меня, бывало каждое лето ноги в цыпках. Мать мне их сметаной лечила. Намажет на ночь сметаной, к утру легче. А через неделю, глядишь, опять то же самое...

Петька споткнулся раза два. Он не глядел себе под ноги, а все заглядывал Михаилу в лицо: правда, нет ли, что тот уходит насовсем.

- Ну, Петька, давай попрощаемся. Фокус показать тебе на прощанье?

На ладони пастуха блеснул перламутровой рукояткой маленький ножичек.

- Видишь его?

Петька сглотнул слюну и молча кивнул: вижу, мол.

Михаил махнул кепкой - ножичек в ладони исчез. Петька растерянно моргнул, нерешительно полез рукой к себе в карман и вытащил оттуда исчезнувший складешок.

- Может, не увидимся, Петр Семеныч, вот и будешь меня вспоминать. Носи мой подарок, не забывай меня. Расти большой, слушайся мамку.

Петька судорожно передохнул и, не сказав ни слова, побежал вперед, пыля босыми ногами.

- Куда ты, Петр Семеныч? - крикнул Михаил ему вслед.

- Мамке скажу, - отозвался тот, не оборачиваясь.

Он чуть не натолкнулся на лошадь Романа, тот выехал как раз из-за поворота.

Поровнявшись с пастухом, Роман остановил лошадь, по-

здоровался. По незлобивости характера да еще потому, что настроение было веселое, кузнец не помнил вчерашних событий. Как будто это не он арестовывал пастуха, не он запирает его в амбар.

- Ты откуда такой веселый едешь? - спросил Михаил.

- Жену отвозил в родильный дом, - охотно пояснил тот.

Роман и остановился-то только затем, чтобы рассказать о жене.

- Ну и как?

- Всё в порядке. Сын родился.

- Уже родился? Так скоро!

- Долго ли умеючи-то!

Роман молодецки повел плечами, словно это он только что родил сына.

- Ишь, как хорошо! Никаких тебе волнений, никаких переживаний.

- Ага... Хорошо... И как это они, бабы, всё по ночам норвят рожать? У меня и первые двое мальчишек родились ночью. Отчего так получается, а?

- Днем некогда, - пояснил Михаил, сдерживая улыбку. - Надо по хозяйству управляться, щи варить, то да сё...

- Может, и так. Все норвят ночью, ей-богу. Это уж природа так распорядилась, чтоб, значит, никто не видел, чтоб без свидетелей. Вот ты спроси у Старовера, он умный у нас мужик, и он тебе объяснит: рождение человека- таинство!

Роман ткнул вверх пальцем и значительно замолчал. Пастух улыбнулся, слушая болтовню Романа: не в себе человек от радости.

- Боком оно выходит нашему брату, это таинство. Спать охота - нет, запрягай лошадь, поезжай на ночь глядя. - Роман сокрушенно покачал головой, а с лица не сходила блаженная улыбка. - Ну, к слову сказать, у меня баба молодец. Никаких тебе ахов или охов, никаких стонов да причетов, еще и меня утешает. Я еду, у меня руки трясутся, а она мне: не бойсь, не в первый раз. А уж что за

«не бойсь»! Вижу, еле терпит. Привез я её, сдал дежурной сестре, а сам, дай думаю, посижу на крыльце, покурю да и домой. Только успел сигарку выкурить - акушерка в окно говорит: родила твоя супруга. Ешь твою двадцать! Покурить человеку не дадут покойно!

Роман засмеялся и, дивясь счастливому обороту дела, покачал головой.

- Однако в палату не пустили, - сказал он огорченно. - Нельзя, говорят, завтра приезжай. Ладно, потерпим до завтра. Наше дело такое: ждать. Так и смотреть-то не на что еще! Только-только на свет появился человек. Что там смотреть, личико-то у него с копейку. А все ж таки охота глянуть на парнишку.

- Ты что же все мальчишек да мальчишек. А девчонок?

- Девочек ты сам рожай. Вот как женишься, так и валяй. А мне они ни к чему. Мне нужно железо ковать, родине нужны солдаты. Вот как парни мои подрастут, как выйдем на работу - четыре мужика! Ого-го!

Видно только теперь, припомнив вчерашнее, Роман спросил:

- А ты, слушай-ка, не сердись на меня?

- За что?

- А вот что мы тебя арестовали. Неловко получилось, нехорошо. У меня к тебе подозрения не было, я не верил, что это ты. Но у нас Колманов знаешь какой! Ему не возражай. Уж раз он сказал, что ты виноват, что тут рассуждать!

- Я не сержусь, - сказал Михаил.

- Ну и добро.

Роман был так благодушен, что мог бы сейчас покаяться и за чужие грехи.

- А куда ты отправился?

- Да так... Иду вот.

- В стадо, - подсказал Роман. - Эх, а я сейчас!.. Праздник у меня нынче. Но!

Он подхлестнул лошадь, и она тронула рысью.

«Везет человеку, - с завистью подумал Михаил, шагая по пыльной дороге. - Все у него идет, как по маслу».

Как разнo живут люди!

Вчера Николай Старoвер сказал:

- Не все понимают, что хорошо, а что плохо. Оттого и живут по-разному.

Михаил засиделся у него допоздна. Это был последний дом, в котором он жил в Прямухине. Но даже если бы пастух и не жил у Старoвера, все равно пришел бы: уж очень хотелось поговорить на прощанье.

- Нехорошо вышло, - сокрушался Николай. - Получилось так, что хоть и не украл ты, а все на тебе пятно.

- Вот потому и надо уходить.

- Однако ты не горячись, подумай. И на новом месте то же, такие же люди, как и у нас. И там может получиться всяко.

- Может, - согласился Михаил. - И все-таки лучше мне уйти.

- Ну, смотри сам. Как душа твоя подсказывает, так и поступи. Насиловать её не надо.

- Мне раньше казалось, что все на свете устроено просто. То есть не совсем просто, - тотчас поправился Михаил, - а вот так, что если хочешь быть хорошим человеком, ну и пожалуйста. Не воруй, никого не обижай, делай добро людям, чти отца с матерью, уважай старших да еще на работе вкалывай во все лопатки. И тогда все будет прекрасно. А теперь вижу, что это-то и есть самое трудное. Вором, подлецом быть легче, а честным трудно. Лентяем быть легко, трудно работающим. Птаху малую жалеть легко, а человека потруднее... Видно так уж устроено на свете, что хорошее достается нелегко, за него драться надо.

Все это так. Но почему у Романа-кузнеца жизнь складывается ровно и счастливо, а у него, у Михаила, шиворот навыворот? Почему Роман теперь едет поглупевшим от радости, а ему, Михаилу, хочется волком выть от лютой тоски? Почему так?

Глава сорок четвёртая

Клеверище, о котором говорил Петька, занимало пологий скат косогора недалеко от дороги. Косцы растянулись по нему редкой цепочкой. Там же Михаил разглядел и маленькую фигурку Петьки. Все смотрели на пастуха, как он шел по дороге мимо.

«Остановят? Позовут?» - подумал Михаил и невесело усмехнулся. Нет, никто не собирается его останавливать.

Но вот от косцов отделилась одна фигура, Михаил узнал в ней Раю Дунину и замедлил шаги.

- Здравствуй, - сказала она, подходя.

- Здравствуй.

- Петька сказал, что ты насовсем уходишь.

- Ухожу.

Он оглядел её, раскрасневшуюся от работы и волнения, и вдруг предложил:

- Пойдем со мной.

Она усмехнулась:

- Чудак ты... Все шуточки у тебя на уме.

- Какие шуточки! Я серьезно.

- Все равно чудак.

- Пойдем... Или я не нравлюсь тебе?

Рая оглянулась на косцов и сказала смело:

- Нравишься.

- Так чего же ты боишься? Пойдем со мной. Я не обману. Мы все сделаем честь по чести. Распишемся.

- Я не боюсь, - сказала Рая строго и серьезно. - Просто не хочу уходить из своей деревни. Это ты можешь ходить, нынче здесь, а завтра там. Я так не могу. Несерьезный ты какой-то: вчера замуж предлагал, нынче уходишь.

- И тебя с собой приглашаю.

- Для чего ты все это затеял?

- Да ты пойми, нельзя мне здесь оставаться.

- Почему? Кто тебя гонит?

- Ты же знаешь, что было вчера. Опозорили меня ни за что, ни про что.

- Ну и дурак, - Рая вздохнула. - Мало ли чего бывает!

Она оглянулась назад, откуда смотрели на них косцы, отступила немного в сторону.

- Так ты решила? — спросил он. - Пойдем.

И потянулся взять её за руку.

- Нет, - твердо сказала Рая. - Иди один.

Она повернулась и пошла к косцам, потом остановилась, сказала через плечо:

- Если хочешь, чтоб я тебе женой была, оставайся. Если останешься, я согласна замуж за тебя выйти. Иди к председателю, попроси избушку Игнатову, она все равно заколоченная стоит, никому не нужная. Поживем пока в ней, а потом новую будем строить. Подумай.

Она решительно зашагала к клеверищу.

Когда Рая подошла к косцам и взяла косу, пастух все еще стоял на дороге. У нее что-то спрашивали, но она не слышала. Краем глаза следила: все еще стоит, думает. Ни туда, ни сюда.

Она поточила косу бруском, сделала несколько взмахов, а когда посмотрела на дорогу, Михаил уже шагал прочь от Прямухина. Дорога врезалась в поле ржи, и видна была только голова его. Она долго маячила над полем, а потом пропала.

1971 г.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ:

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРАСАВИН

КНИГИ:

1. *ЯСНЫЕ ДАЛИ*, повести и рассказы - М.: Московский рабочий, 1971.
2. *НА МОЕЙ ЗЕМЛЕ*, повести - М.: Современник, 1973.
3. *ХОЗЯИН*, повести - М.: Молодая гвардия, 1974.
4. *В СЕРЕДИНЕ ЛЕТА*, повесть - Л.: Лениздат, 1975.
5. *ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ*, повести - М.: Современник, 1978.
6. *ПОРЕЧЬЕ*, повести - М.: Современник, 1981.
7. *ХОРОШО ЖИВУ*, повести и рассказы - М.: Советский писатель, 1982.
8. *МАСТЕРА*, роман - М.: Молодая гвардия, 1984.
9. *ЯСНЫЕ ДНИ*, повести - М.: Советская Россия, 1985.
10. *СЛОВО О МОЕЙ НЕРЛИ*, повести - М.: Современник, 1986.
11. *ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ*, повести - М.: Советский писатель, 1990.
12. *ВЕЛИКИЙ МОСТ*, повести - М.: Современник, 1990.
13. *ТЁПЛЫЙ ПЕРЕУЛОК*, повесть - М.: Детская литература, 1990.
14. *РУССКИЕ СНЕГА*, повести - Т.: Тверское изд-во, 1998.

РОМАНЫ И ПОВЕСТИ В ЖУРНАЛАХ:

1. *ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ...*, повесть - «НЕВА», №7 – 1968.
2. *ХОЗЯИН*, повесть - «ОКТЯБРЬ», №7 – 1969.
3. *ЯСНЫЕ ДНИ*, повесть - «ЗНАМЯ», №9 – 1970.
4. *ХОРОШО ЖИВУ*, повесть - «ЗВЕЗДА», №9 – 1977.

5. ТРОПИНКИ НАШЕГО ДЕТСТВА, повесть - «ВОЛГА», №3 – 1978.
6. СЛОВО О МОЕЙ НЕРЛИ, повесть без вымысла - «ВОЛГА», №1 – 1980.
7. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОГНЯ, роман - «ВОЛГА», №№11,12-1983.
8. РЕКА ЗАБВЕНИЯ, повесть - «СЕВЕР», №1 – 1984.
9. ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ, повесть - «НОВЫЙ МИР», №8 - 1989.
10. ОНИ НАСТУПАЮТ, повесть - «ВОЛГА», №№7 и 8 - 1990 .
11. НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ, повесть- «НЕВА», №7 – 1990.
12. ВАЛЕНКИ, повесть - «НОВЫЙ МИР», №4 – 1992.
13. СВИДЕТЕЛЬСТВО О ЖИЗНИ, повесть - «ЗНАМЯ», №12 - 1992.
14. ГРИБЫ С ГЛАЗАМИ, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №1 - 1993.
15. ГРИБЫ С ГЛАЗАМИ, повесть - «МОСКВА», №12 – 1993.
16. ВРЕМЯ НОЛЬ, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ» №2 - 1994.
17. ХУТОРОК, повесть - «ДЯДЯ ВАНЯ», лит. альманах Чеховского общ-ва, №2 - 1994.
18. ДИКИЙ РЫНОК, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ» №1 - 1995.
19. ПУСТОШЬ, повесть - «БЕЖИН ЛУГ», №2 – 1995.
20. ПРИВЕТ, СТАРИК!, повесть - «ДЯДЯ ВАНЯ», лит. альманах Чеховского общ-ва, №1 - 1995.
21. РУССКИЕ СНЕГА, роман - «МОСКВА», №9 – 1996.
22. ПУСТОШЬ, повесть - «ВОЛГА», №11-12 – 1996.
23. НОВАЯ КОРЧЕВА, очерки - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №4 - 1996.
24. НОВАЯ КОРЧЕВА, очерки - «НОВЫЙ МИР», №2 – 1997.

25. ДЕЛО СВЯТОЕ, повесть - «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК», №2 - 1997.
26. ДЕЛО СВЯТОЕ, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №3 - 1997.
27. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ, повесть - «МОСКВА», №12 - 1997.
28. ХОЛОПКА, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №3 - 2000.
29. ХУТОРОК, повесть - «НЕВА», №11 - 2000.
30. ПРО ПОЛКОВНИКА, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №3 - 2001.
31. ПРИВЕТ, СТАРИК!, повесть - «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», №4 - 2002.
32. РУССКИЕ СНЕГА, роман - «РОМАН-ГАЗЕТА», №3 - 2004.
33. ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ, повесть - «ДОН», №6 - 2004.
34. ВРЕМЯ НОЛЬ, повесть - «ДОН», №5 - 2005.
35. ПРИВЕТ, СТАРИК!, повесть - «ДОН», №2 - 2006.
36. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ХРОНИКИ, повесть - «НАШ СОВРЕМЕННОК», № 8 - 2006.
37. ПРО ПОЛКОВНИКА, повесть - «ПОДЪЁМ», № 9 - 2006.
38. ПИСЬМЕНА, роман - «ДОН», № 10 - 12 за 2006, № 1 - 2 за 2007.
39. ХОЛОПКА, повесть - «РУССКИЙ ПУТЬ №2(11) - 2006.
40. ДЕЛО СВЯТОЕ, повесть - «ПОДЪЁМ», №4 - 2007.
41. ЯМУГА, повесть - «НАШ СОВРЕМЕННОК», №1 - 2008.
42. ХОЛОПКА, повесть - «ПОДЪЁМ», №4 - 2008.
43. ВРЕМЯ НОЛЬ, повесть - «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» (Минск), №4 - 2008.
44. ТРУБА ЗОВЁТ, повесть - «ПОДЪЁМ», №2 - 2009

Отпечатано в ГУП МО «Клинская типография»
141600, Моск. обл., г. Клин, ул. Ленина, 7.
Тел./факс 5-83-97
E-mail: 58397@mail.ru.
Заказ 2256, тираж 20.

Юрий Васильевич КРАСАВИН